

НЕЗАВИСИМЫЙ
АЛЪЯНС

Russian Academy of Sciences
Institute of Economics

ECONOMIC THEORY
BEFORE AND AFTER
THE MARGINALIST REVOLUTION

Proceedings
of the III October International
Scientific Conference on Theoretical Economics

20–21 October 2021

Edited by
V.S. Avtonomov and A.Ya. Rubinstein

St. Petersburg
ALETHEIA
2022

Российская академия наук
Институт экономики

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ
ДО И ПОСЛЕ
МАРЖИНАЛИСТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Сборник материалов
III Октябрьской международной научной
конференции по проблемам теоретической
экономики

20–21 октября 2021 г.

Под редакцией
В.С. Автономова и А.Я. Рубинштейна

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2022

УДК 330.8
ББК 65.02
Э 400

Рецензенты:

д.э.н. А. А. Мальцев
к.э.н. О. А. Славинская

Э400 **Экономическая теория до и после маржиналистской революции:** Сборник материалов III Октябрьской международной научной конференции по проблемам теоретической экономики. 20–21 октября 2021 г. / под ред. В. С. Автономова и А. Я. Рубинштейна. – СПб.: Алетей, 2022. – 312 с.

ISBN 978-5-00165-584-8

Настоящий сборник подготовлен авторским коллективом на основе материалов III Октябрьской международной научной конференции по проблемам теоретической экономики «Экономическая теория до и после маржиналистской революции». Описывается феномен маржиналистской революции, анализируются существенные различия между основоположниками – Менгером, Джевонсом и Вальрасом, а также освещается восприятие маржиналистской теории в России. Большое внимание уделяется вопросу, что осталось от исходного маржинализма в современной экономической науке и при решении междисциплинарных проблем.

Economic Theory before and after the Marginalist Revolution: Proceedings of the III October International Scientific Conference on Theoretical Economics. October 20–21, 2021 / ed. by V.S. Avtonomov and A.Ya. Rubinstein. – St. Petersburg: Aletheia, 2022. – 312 p.

The collection has been written by a collective of authors on the basis of the proceedings of the 3rd October International Scientific Conference on Theoretical Economics 'Economic Theory Before and After the Marginalist Revolution'. It describes the very phenomenon of the Marginalistic Revolution, analyzes the great differences between its founders – Menger, Jevons and Walras, as well as highlights the perception of Marginalistic theory in Russia. Much attention is paid to what is left of the original Marginalism in modern economic science and in solving interdisciplinary problems.

УДК 330.8
ББК 65.02

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

ISBN 978-5-00165-584-8

9 785001 655848

© Коллектив авторов, 2022
© Институт экономики РАН, 2022
© В. С. Автономов, А. Я. Рубинштейн, 2022
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2022

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов.....	7
Макашева Н.А. Маржиналистская революция: сто пятьдесят лет спустя	8
Автономов В.С. Три источника и три героя маржиналистской революции	47
Рогожникова В.Н. Понятие экономической науки в маржинализме	74
Галеев А.В. Развитие идей протомаржинализма в России.....	89
Капелюшников Р.И. Маржинализм и марксизм: первая встреча.....	102
Дмитриев А.Л. Идеи маржинализма в России: первые шаги.....	126
Гловели Г.Д. Маржинализм и Другой канон в российской политэкономии	137
Ананьин О.И. Модели экономического поведения в теории Ричарда Кантильона	166
Борох О.Н. Уильям Стенли Джевонс в Китае: этапы восприятия экономических идей.....	186
Нифаева О.В. Композитивный метод К. Менгера: понятие, области применения, современная интерпретация	214
Рубинштейн А.Я. Маржиналистские основания концепции консолидированного дохода в теории опекаемых благ	230

Варламова Ю.А.	
Маргинальный анализ в эпоху цифровой трансформации.....	258
Ядгаров Я.С.	
Маргиналистская революция – начало современных тенденций в развитии мировой экономической мысли	279
Ореховский П.А.	
Онтология маржинализма: от конструктивизма к «бесплатным завтракам»	292
Полтерович В.М.	
На пути к общей теории социально-экономического развития: к синтезу двух канонов.....	296

ОТ РЕДАКТОРОВ

Данный сборник подготовлен по итогам III Октябрьской международной научной конференции по проблемам теоретической экономики, которая в условиях пандемии состоялась в гибридном формате в Москве 20–21 октября 2021 г. Этот год был особый для экономической науки, которая отмечала 150-летний юбилей маржиналистской революции, открывшей принципиально новую страницу теоретической экономики. Именно с этого времени экономическую науку принято считать современной.

Все статьи сборника посвящены этому важнейшему этапу развития экономической теории. В них описывается феномен маржиналистской революции, анализируются существенные различия между основоположниками — Менгером, Джевонсом и Вальрасом, а также освещается восприятие маржиналистской теории в России. Большое внимание авторы уделяют вопросам распространения методологии предельного анализа и инструментария полезности, а также тому, что осталось от исходного маржинализма в современной экономической науке и при решении междисциплинарных проблем.

Надеемся, что это издание окажется интересным и полезным для многих исследователей, преподавателей, аспирантов и студентов, в центре внимания которых находится проблематика теоретической экономики.

Член-корреспондент РАН, профессор
В.С. Автономов

Заслуженный деятель науки РФ, профессор
А.Я. Рубинштейн

Н.А. Макашева
НИУ ВШЭ, г. Москва

МАРЖИНАЛИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: СТО ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ¹

В истории экономической мысли 1871 г. получил, хотя и далеко не сразу, особый статус даты маржиналистской революции, которая традиционно рассматривалась как некий рубеж в развитии экономической науки. Связано это было с фактом практически одновременной публикации работ У.С. Джевонса «Теория политической экономии» (1871), К. Менгера «Основания политической экономии» (1871), Л. Вальраса «Элементы чистой политической экономии, или Теория общественного богатства» (1874) и теми новаторскими идеями в области методологии, теории ценности и аналитического инструментария, которые были в них представлены. Конечно, сама по себе дата условна, уже хотя бы потому, что следовало указывать интервал 1871–1874 гг., не говоря уже о многочисленных сомнениях по поводу хронологических рамок события, которое принято называть «маржиналистской революцией». Интерес к нему сегодня обусловлен не только любовью исследователей к впечатляющим датам, но и тем, что по мере отдаления от того или иного события и под влиянием накопленных знаний меняются наши представле-

1. Первоначальный вариант статьи принят к публикации в журнале «Вопросы экономики».

ния о его смысле и значении, появляется возможность разрушить или хотя бы скорректировать сложившиеся за многие годы стереотипы.

Изменения, которые обычно связывают с маржиналистской революцией, кратко можно выразить следующим образом: в теоретическом плане – это признание теории предельной полезности в качестве универсальной теории ценности и, как следствие, отказ от теории трудовой ценности; в области методологии – утверждение дедуктивного подхода и абстрактного метода. Отдельного упоминания заслуживает тезис о признании математического метода в качестве важнейшего инструмента получения нового знания, поскольку его разделяли не все герои революции. Как известно, К. Менгер и представители австрийской школы в целом настроенно относились к использованию математики, полагая, во-первых, что в математических терминах невозможно выразить всю сложность и многообразие экономических явлений, а во-вторых, что обычная логика является вполне достаточной для получения содержательных выводов. Однако, поскольку в дальнейшем (хотя и не сразу) развитие экономической науки пошло по пути математизации, историки экономической мысли в основном соглашались с тезисом о математизации как характеристике маржиналистской революции.

Используя понятие маржиналистской революции, современные авторы очень часто обходят вопрос о ее временных границах и, как правило, не проявляют беспокойства по поводу смысла термина «революция» в данном контексте, предоставляя читателю самому решать, имеет ли он дело с метафорой, фигурой речи, образным обозначением важного события или нескольких взаимосвязанных, наконец, определенным понятием из науковедения. В последнем случае ситуация усложняется, поскольку «революция» означает не только появление радикальных новаторских идей, но и факт их признания научным сообществом, следовательно, при анализе этого события приходится учитывать институциональные аспекты процесса роста научного знания и неизбежно

«растягивать» само событие. Остается и вопрос, как маржиналистская революция вписывается в картину эволюции экономической мысли.

Данная работа не претендует на то, чтобы дать однозначные ответы на эти вопросы, в ней лишь делается попытка рассмотреть события 1870-х гг. в контексте предшествующего и с учетом последующего развития экономической науки, а также предлагается «декомпозиция» маржиналистской революции – рассмотрение ее как длительного процесса «переплетения» ранее сложившихся и относительно самостоятельных тенденций: эволюции теории ценности, сдвигов в методологии и математизации экономической науки.

Магия одновременности

Факт практически одновременной публикации работ Джевонса, Вальраса и Менгера по-прежнему вызывает удивление, граничащее с восхищением. Конечно, в истории экономической (и не только экономической) науки можно найти немало впечатляющих совпадений, в том числе и одновременной или почти одновременной публикации значительных работ. Можно привести подобные примеры и из истории теории ценности², не говоря уже о совпадениях, относящихся к другим разделам экономической науки или другим наукам, культуре, искусству и т. д. Но если не относиться к подобным совпадениям как к случайным, хотя и интересным фактам, то неизбежно возникает вопрос о связях между событиями. В данном случае простого перечисления работ, в которых упоминаются или даже обсуждаются понятия, относящиеся к теории полезности, и присутствуют первые построения на базе данной концепции или предпринимаются попытки применить в экономике современные для того времени научные

-
2. Если не требовать полного совпадения дат, то можно упомянуть о том, что в течение короткого периода 1831–1838 гг. были опубликованы несколько работ, содержащих элементы теории полезности (*Lloyd*, 1834; *Longfield*, 1834; *Walras*, 1831; *Cournot*, 1838). Однако, в отличие от наших героев, этих авторов не занимал вопрос о значении совпадения во времени их публикаций, более того, они не ощущали себя творцами новой науки.

методы, уже недостаточно, чтобы говорить о начале нового этапа в развитии экономической науки.

Вальрас и Джевонс радостно удивлялись тому, что они практически одновременно и совершенно независимо друг от друга и даже не подозревая о существовании друг друга, пришли к схожим идеям³. То же можно сказать и об их осведомленности (скорее, неосведомленности) относительно работ Менгера. Так, Вальрас, лишь работая над вторым изданием «Элементов» (1889), узнал о Менгере, который в свою очередь не был знаком с его работами в период подготовки «Принципов». Высоко оценивая важность своих новаторских идей, Вальрас и Джевонс хотели видеть в факте совпадения во времени не простую случайность, а нечто большее — назревший поворот экономической науки в сторону превращения ее в настоящую научную дисциплину, по степени объективности и логической строгости не уступающую естественным наукам, а по надежности предлагаемых практических решений — инженерным дисциплинам.

Однако независимо от того, был ли факт совпадения⁴ случайным или закономерным, и несмотря на высокую оценку героями революции своих новаторских идей, публикации их работ не оказали заметного влияния на современников, и даже значительно позже они не рассматривались большин-

3. В письме к Джевонсу от 23 мая 1874 г. Вальрас в частности писал: «Совпадение наших двух теорий по вопросу, о котором вы говорили, является впечатляющим» (Correspondance, 1874, P. 419).

4. Для любителей совпадений могу напомнить несколько весьма интересных эпизодов. Так, например, в 1872 г. была опубликована работа Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки», которую многие искусствоведы считают началом символизма (отметим любопытный факт: символизм пришел в Россию примерно с тем же временным лагом, что и маржинализм). 1871 г. был годом создания таблицы Менделеева, 1873 г. — уравнений Максвелла, а в 1874 г. состоялась первая выставка импрессионистов. И этот калейдоскопический список нетрудно продолжить, даже ограничиваясь интеллектуальной областью, оставляя за скобками происходившие в это время такие крупные политико-экономические события, как франко-прусская война, объединение Германии и революция во Франции. Все это побуждает задуматься, не была ли маржиналистская революция проявлением более глобального сдвига в интеллектуальной жизни Европы? Но подобный вопрос, каким бы интригующим он ни был, выходит за рамки данной работы и если и имеет смысл, то должен быть скорее обращен к историку и философу, нежели экономисту.

ством экономистов как эпохальное событие. «Когда книги Джевонса, Менгера и Вальраса появились, они не только не спровоцировали революцию, но и едва ли произвели какой-либо шум» (Niehans, 1990. P. 162). По этому поводу Хайек в свое время заметил, что если в случае Вальраса и Джевонса отсутствие «шума» было обусловлено трудностью восприятия большинством экономистов того времени математических построений (это так и было), то в случае Менгера такое объяснение уже не годилось (Хайек, 2005а. С. 25).

Можно предположить, что во времена Вальраса, Менгера и Джевонса подавляющее большинство экономистов не были готовы к восприятию идей маржинализма и не были способны оценить значение этих идей для будущего науки. Возможно, отчасти разгадка кроется в простом факте, что для осознания значимости того или иного события часто требуется время. «Чем ближе к нам эпоха, тем меньше мы ее понимаем, а хуже всего — нашу собственную», — писал Шумпетер в «Истории экономического анализа» (Schumpeter, 1954. P. 727). Соглашаясь с Шумпетером, нельзя не учитывать и того факта, что ретроспективный взгляд, также как и написанная история, несет на себе отпечаток своего времени. Не случайно, магия даты 1871 г. возникла через много лет после события и, кажется, уже больше не существует.

В последней трети XIX в. ландшафт экономической науки в Европе и Америке определяли историческая школа и то направление, которое можно назвать старым институционализмом, важную роль играли также конкретные исследования и различного рода социальные направления. И на эту ситуацию не повлияли ни знаменитый *Methodenstreit*, ни появление работ Вальраса, Джевонса, Менгера. На протяжении нескольких десятилетий после 1871 г. процесс освоения их идей шел с переменным успехом и достаточно медленно, и даже в XX в. можно встретить утверждения, что не оправдались надежды на создание на новом основании субъективной теории ценности, прочной научной структуры, обладающей «строгой красотой физико-математических наук» (Moore,

1914. Р. 85). Показательно, что в 1921–1922 гг. ведущие журналы не откликнулись ни на 50-летний юбилей маржиналистской революции, ни на кончину одного из ее героев — Карла Менгера. По-видимому, в тот момент эти события не казались особенно значительными на фоне общей обеспокоенности экономистов назревшими переменами в экономической науке. И эти перемены были связаны не только с необходимостью пересмотра ряда положений теории, но и с возможностями, открывшимися в связи с приходом в экономическую науку инструментов и методов из других дисциплин, прежде всего статистики и математики (Bouke, 1922a. Р. 9).

Несколько замечаний о терминах

Для характеристики процесса признания маржинализма полезно обратиться к истории соответствующих терминов. Показательно, что термин «маржиналистская революция» стал популярным позже, чем были приняты соответствующие идеи. Хотя в 1930-е гг. теория предельной полезности уже была представлена в работах по истории экономической мысли, термин «маржиналистская революция» (в принятом сегодня значении и, заметим, в кавычках) был предложен, как полагает М. Блауг, Шумпетером в «Истории экономического анализа» (Шумпетер, 2001. С. 1093). Интересно, что понятие «кейнсианская революция» появилось даже чуть раньше, а именно в 1947 г., когда Л. Клейн опубликовал свою известную работу (Klein, 1947), после чего оно быстро и прочно вошло в научную и учебную литературу.

В некотором смысле экономисты могут считать себя первооткрывателями концепции научной революции, поскольку в конце 1940-х гг. Т. Кун только начинал свои исследования и его знаменитая работа была опубликована более чем десятилетие спустя (Kuhn, 1962). Но, разумеется, ни Шумпетер, ни Клейн не имели в виду куновское значение термина «научная революция», а Кун вряд ли имел в виду экономическую науку и экономистов. Интересно, что Шумпетер, посвятивший Кейнсу последнюю из написанных им глав «Истории

экономического анализа» и признававший значение «Общей теории» и ее влияние на современников, не называл работу Кейнса революционной, хотя уже в конце 1940-х гг. было ясно, что его идеи успешно завоевывали пространство науки, образования и, разумеется, политики. Шумпетер таким образом сам подтвердил правоту собственного высказывания о «близорукости» современников и необходимости временной дистанции для правильной оценки события.

Потребовалось два десятилетия после публикации «Истории» Шумпетера, чтобы термин «революция» занял законное место в литературе, посвященной истории и методологии экономической науки. По-видимому, этот процесс завершился к столетию маржиналистской революции, которое было отмечено рядом публикацией, окончательно легитимировавших соответствующий термин⁵. Неудивительно, что вслед за этим начался настоящий бум «революций»: «сраффианская революция», «монетаристская революция», «революция рациональных ожиданий», каждая из которых в различной степени претендовала на разрыв с предыдущей традицией и, конечно, в различной степени осуществляла его. Примечательно, что авторы, использовавшие эти термины, даже не пытались привести их в соответствие с понятием научной революции Куна.

Непростой, хотя и иной, была история терминов «маржинализм» и «маржиналистский». Использование предельных величин в экономических исследованиях не было новацией героев революции. Примеры обращения к предельным (последним, пограничным) величинам можно найти в работах экономистов XVII в. и даже еще раньше⁶, причем не только в связи с проблемой полезности. Даже Рикардо с его послед-

-
5. Здесь следует упомянуть прежде всего два сборника докладов, которые были представлены: в августе 1971 г. в Белладжио (Италия) на конференции, посвященной 100-летию маржиналистской революции (*Collison Black et al. (eds.), 1972*), и в июне 1971 г. на конференции в Вене, посвященной 100-летию публикации работы Менгера (*Hicks, Weber (eds.), 1973*). Примечательно, что юбилей работы Менгера отмечался как событие, связанное скорее с возникновением австрийской школы, нежели с маржиналистской революцией.
 6. См. например, (*Seligman, 1903*).

ним по производительности (т.е. предельным) участком земли можно считать сторонником «предельного подхода», или, по словам Самуэльсона, «примитивного неявного маржинализма» (*Samuelson*, 1983. Р. 1469). Однако понятия «маржинализм», «маржиналистский», «маржиналисты» в принятом сегодня значении появились только в начале XX в. Одним из первых (если не первым), их использовал Дж. Гобсон в работах 1909–1926 гг. (*Hobson*, 1909, 1914, 1926), причем придавая им негативную коннотацию⁷. О маржиналистах и маржинализме в 1910–1930-е гг. писали историки экономической мысли Г. Льюис (*Lewis*, 1911), О.Ф. Бук (*Bouke*, 1921, 1922а, б), Э. Ролл (*Roll*, 1923). После того, как Л. Роббинс в 1932 г. в качестве универсального экономического утвердил принцип максимизации при заданных ограничениях (*Robbins*, 1935), маржиналистский анализ фактически «срастается» с принципом рациональности и становится его аналитическим выражением (*Machlup*, 1946. Р. 519).

Революции, как известно, создают своих героев, также как и герои делают революцию. Шумпетер утвердил в качестве революционеров-маржиналистов знаменитое трио, хотя до него список тех, кого можно было бы отнести к маржиналистам, был длиннее и менее определенным. Так, например, Бук предлагал включить в него Госсена и Дженнингса, а Льюис основоположниками считал Ллойда, Джевонса, Госсена и Вальраса. Что касается самих героев революции, то Вальрас и Джевонс своим единомышленником видели Госсена и были готовы признать его заслуги, а в некоторых вопросах и приоритет (*Walras*, 1885), в то же время они отчасти дистанцировались от Менгера (*Walras*, 2000. С. 146) и тем самым уже посеяли семена «разбора», впоследствии известного как проблема гомогенизации–дегомогенизации⁸.

7. Не могу здесь не вспомнить об аналогичной истории со словом «импрессионизм», также «вброшенном» критиком этого нарождавшегося направления – журналистом Л. Леруа.

8. См., например, раздел «История экономической науки» в альманахе «Истоки» (Истоки, 2015. С. 57–130).

Еще при жизни Вальраса и Менгера была предпринята одна из первых (если не первая) попыток вписать маржинализм в общей контекст истории экономической мысли XIX в. В одной из самых популярных в начале XX в. работ по истории экономической мысли ее авторы Ш. Жид и Ш. Рист отнесли Л. Вальраса и У. Джевонса к математической школе⁹, а К. Менгера и Е. Бём-Баверка — к психологической¹⁰. Они видели серьезные различия в методах этих школ, но их общим философским основанием считали гедонизм и, более того, рассматривали экономический принцип как проекцию гедонизма на экономическую область. Жид и Рист видели в гедонизме философское и этическое основание принципа методологического индивидуализма. К этому можно добавить, что основой, объединяющей Вальраса и Джевонса и «подталкивающей» к применению математического метода, был утилитаризм. Не случайно Менгер, отказавшийся от математического метода, дистанцировался и от утилитаризма.

Таким образом, в начале XX в. Вальрас и Джевонс, с одной стороны, а Менгер и Бём-Баверк — с другой, воспринимались как представители различных направлений, хотя и имеющих точки соприкосновения. Их объединение, хотя и с оговорками, в группу основоположников произошло значительно позже, когда появилось и вошло в употребление понятие маржиналистской революции. Но поскольку это понятие утвердилось в рамках мейнстрима, объединение Вальраса, Джевонса и Менгера в качестве основоположников было актом скорее инкорпорирования Менгера в мейнстрим, нежели объединения равных. Но австрийская школа, прежде всего в лице Хайека, не смирилась с ролью периферийного направления мейнстрима. Подтверждением этого и является

-
9. Поскольку Жид и Рист писали почти через 40 лет после знаменитой даты, их список представителей математической школы оказался уже весьма обширным, в частности в него вошли Маршалл, Эджуорт, Лаунгардт, Парето, Бароне, Фишер, Борткевич (*Жид, Рист*, 1914. С. 46).
 10. Поместив параграфы, посвященные указанным школам, в одну главу, эти авторы включили ее в раздел «Современные учения», содержащий (и нам это кажется курьезом) кроме этих школ солидаризм и анархизм.

независимое празднование знаменательной даты – 1871 г., о чем упоминалось выше.

Таким образом, весь набор привычных нам понятий, связанных с маржинализмом, складывался в течение длительного времени, но не менее долгими были и поиски ответов на вопросы об истоках, причинах и движущих силах того явления, которое сегодня принято называть маржиналистской революцией.

В поисках причин впечатляющего совпадения

В главе «Маржиналистская революция» в книге «Экономическая мысль в ретроспективе» (первое издание 1961г., четвертое – 1985г.) (Блауг, 1994) и в статье «Маржиналистская революция, была ли она?» (Blaug, 1972) Блауг утверждает, что невозможно найти логического объяснения тому факту, что трое экономистов независимо друг от друга пришли к столь важным сходным идеям. Для доказательства он предлагает рассмотреть внешние обстоятельства: процессы в самой экономической науке, особенности интеллектуальной среды и характер экономической системы, в которой жили герои, их отношение к социализму и марксизму¹¹. Блауг приходит к выводу, что Вальрас, Джевонс и Менгер жили в разных интеллектуальных и экономических средах, определенных прежде всего национальными границами, и у них, как и вообще у экономистов из разных стран, не было (и не могло быть) тогда единой повестки, не было общих предшественников и т.д.

11. В общей форме вопрос о влиянии внешних факторов на экономическую науку был поставлен в 1960 г. Д. Стиглером, который связал возможность данного процесса со степенью зрелости науки: «После того, как событие произошло, всегда можно найти во внешних условиях – особенно если мы к ним относим интеллектуальное окружение, нечто, что можно связать с развитием экономической теории, но это будет упражнением в эрудиции, но не объяснением... Знаком зрелости дисциплины является то, что ее основные проблемы не выводятся непосредственно из меняющихся событий» (Stigler, 1960. P. 38). В данном случае это соображение мало помогает, поскольку заменяет одну проблемой другой. Экономическую науку в середине 1870-х гг. вряд ли можно назвать зрелой, поэтому упражнение в эрудиции, возможно, имеет смысл, и, заметим, структура и содержание «Истории экономического анализа» это подтверждает.

Трактовку маржиналистской революции как реакции на марксизм, которую предложил в свое время Н.И. Бухарин (*Бухарин, 1925*) и с которой через много лет отчасти соглашался Б. Селигмен¹², Блауг отмечает по той простой причине, что в начале 1870-х гг. ни Джевонс, ни Вальрас, ни Менгер вообще не были осведомлены о Марксе, а идея противостояния маржинализма (точнее, субъективной теории ценности) марксизму (трудовой теории ценности) возникла позже в связи с известной критикой теории ценности Маркса Бём-Баверком (*Бём-Баверк, 1897*)¹³. Что касается отношения этих трех экономистов к капитализму, то они, конечно, не были его ниспровергателями, но при этом проявляли, хотя и в разной степени, интерес к социальной проблематике и размышляли о реформах. Во всяком случае, как справедливо указывал Хайек, они не стремились с помощью новой теории заново обосновать практические и политические вводы классиков, а скорее видели свою задачу в построении такой, которая лучше, чем существовавшие, объясняла функционирование рыночной системы (*Хайек, 2005б. С. 46*). Но Хайек, и это вполне ожидаемо, не пишет, на решение каких задач они предполагали употребить это знание. По крайней мере, в случае Вальраса это совершенно ясно — на решение социального вопроса и продвижение к более справедливой социально-экономической системе.

В поисках истоков: три тенденции

В работе о Карле Менгере Хайек писал, что всех троих героев маржиналистской революции вдохновляла интеллектуальная традиция, которая, по крайней мере, со времен Фернандо Галиани в XVIII в., развивалась бок о бок с теориями труда и издержек, восходящими к Джону Локку и Адаму

-
12. Селигмен в частности утверждал, что маржиналистская доктрина преследовала цель противостоять усилению критики капитализма (*Селигмен, 1968. С. 145*).
 13. Во многом именно благодаря этой книге и содержащейся в ней критике Маркса русские экономисты обратили внимание на австрийскую школу и теорию предельной полезности (*Макашева, 2009*).

Смигу» (там же. С. 46–47). Он называл эту традицию¹⁴ живой, самостоятельной и «неортодоксальной» (находящейся в оппозиции к классической политической экономии) и видел ее истоки в работах итальянских и французских авторов XVIII в. Эти авторы связывали ценность с полезностью и таким образом обозначали альтернативу теории ценности, которая ассоциировалась с именами Смита и Рикардо. Хайек утверждал, что своему успеху классическая школа была обязана не только масштабности Смита и строгой логике Рикардо, но и «гибкости» их последователей, которые находились под влиянием альтернативных представлений о ценности. Именно поэтому Хайек назвал это направление квази-рикардианской ортодоксией (там же. С. 45).

В истории экономической мысли старейшим предшественником теории полезности (субъективной теории ценности) практически единодушно признается Ф. Галиани¹⁵. При этом несмотря на целый ряд интересных соображений, присутствующих в его работе, он не совершил прорыва в области теории ценности. Что же касается других претендентов на роль первопроходцев, то их списки у разных историков различаются в зависимости от временных рамок и того, какие аспекты теории полезности кажутся историку наиболее важными: субъективный подход и функциональный анализ, предельные величины и принцип максимизации, спрос и предложение и т.д. Так, например, Ронкалья к ста-

14 Слово «традиция», которое использует Хайек, возможно, не вполне адекватно отражает характер явления, поскольку оно предполагает преемственность и развитие идей. Однако в работах авторов, по крайней мере первой половины XIX в., совсем немного упоминаний предшественников или современников. Перед нами скорее мозаика идей, нежели поступательный процесс роста знания. Однако, возможно, подобное впечатление – следствие иной, нежели сегодня, культуры цитирования – нечастые упоминания имен, причем, как правило, без точных ссылок на работы.

15. Как отмечает Ронкалья в своей главной работе «О деньгах» (1750), Галиани впервые представил ценность через отношение обмена между количествами двух товаров, установил ее зависимость от полезности и редкости, наметил принцип убывающей предельной полезности, хотя и не сформулировал его в явном виде (возможно, первенство в этом следует отдать Н. Барбону, который пришел к пониманию этой связи на много десятилетий раньше), признавал взаимосвязь цен, спроса и предложения и, наконец, высказал идею о временных предпочтениях и их влиянии на оценку ценности блага (Ронкалья, 2018. С. 110–111).

рым предшественникам теории полезности кроме Галиани относит П. Верри и Ч. Беккариа (*Ронкалья*, 2018. С. 144–146), Шумпетер добавляет Э.Б. Кондильяка¹⁶ и А.А. Тюрго¹⁷ (*Шумпетер*, 2001, Т. 3. С. 1386; Т. 1. С. 323–324), а Ньеханс – Б. Даванзати и Д. Монтанари (*Niehans*, 1990. P. 118).

В XVIII в. «неортодоксальная» традиция, о которой писал Хайек, была представлена довольно многочисленными работами, авторы которых в разной степени и с различных сторон обсуждали проблему ценности–полезности. Главным образом они сосредоточивались на понятиях полезности, ценности, потребительной ценности, меновой ценности, редкости, цены и отношений между этими понятиями и высказали много интересных идей, часто опережающих время. Ранние авторы (и Галиани не является исключением), как правило, не называли единственную причину ценности¹⁸, а рассматривали полезность и редкость лишь как одну ее сторону, а другую связывали с трудом (*ibid.* Pp. 118–121).

Таким образом, вряд ли правильно считать «неортодоксальную» традицию оппозицией классике, по крайней мере, когда речь идет о XVIII в. и начале XIX в. Скорее, можно говорить о том, что вся политическая экономия в этот период в некотором смысле представляла собой «неортодоксальную» традицию, в рамках которой не было строгого размежевания между концепциями полезности и трудовой ценности. Заметим, что на заре разграничения двух теорий ценности

-
16. С этим автором связано одно интересное совпадение: в 1776 г., т.е. в год появления «Богатства народов», он опубликовал работу «Торговля и правительство и их взаимодействие», где сформулировал концепцию полезности, подчеркнув, что полезность – это не свойство предмета, а отношение, связанное с желанием человека и определяемое его интенсивностью, из чего следовало, что ценность зависит от редкости, и, кроме того, использовал данную концепцию при анализе обмена (*Condillac*, 1776). Таким образом, можно утверждать, что «неортодоксальная» традиция возникла никак не позже, чем традиция связывать ценность с трудом.
 17. Позиция Тюрго интересна и еще в одном отношении. Уделив внимание проблеме ценности и вслед за Галиани признав проблему трудовой ценности, Тюрго определил анализ цены как предмет политической экономии (*Тюрго*, 1905. С. XII).
 18. Исключением можно считать Н. Барбона, который еще в 1670-е гг. связал ценность с полезностью и редкостью и высказал идею убывающей полезности.

появились и первые сторонники их синтеза (например, Н.У. Сениор) и обозначилась линия, которая была характерна для английской экономической мысли и наиболее ярко представлена Д.С. Миллем и А. Маршаллом (*Roll*, 1923. P. 342). Эта линия находила «поддержку» еще у Смита, который считая труд мерой меновой ценности, но при этом обращался к понятиям полезности и потребительной ценности (*Смит*, 207. С. 87–88).

В Англии движение в сторону «нетрудовой» теории ценности началось, вероятно, с Лодердейля, который видел в полезности и редкости факторы, определяющие спрос и, следовательно, меновую ценность товаров (*Lauderdale*, 1804). В 1834 г. были опубликованы еще две работы, которые относятся к этой тенденции: «Лекции по политической экономии» М. Лонгфильда (*Longfield*, 1834) и «Лекции о понятии ценности как отличном от понятия не только полезности, но и меновой ценности» У. Ллойда (*Lloyd*, 1834). Их авторы продолжали обсуждение понятий ценности и полезности, начатое еще в XVIII в. и начале XIX в., причем часто в контексте проблем, поставленных Смитом и Рикардо: ренты, измерения ценности и роли труда как универсального показателя, распределения и т.д. Будучи сторонником концепции субъективной ценности¹⁹, Ллойд пошел еще дальше и приблизился к теории предельной полезности, а размышляя о законе насыщения потребности и уменьшающейся ценности блага по мере его потребления, высказал интересную мысль о том, что появление новых товаров раздвигает границы потребностей (*ibid.* Pp. 6–7). Тем самым он, хотя и в очень осторожной форме, указал путь выхода за рамки статического подхода,

19. Он в частности писал: «Удовлетворение, получаемое от использования предмета, должно быть равно желанию этого предмета, ... ценность ... есть чувство привязанности или уважения к предмету, возникающее из ощущения потери удовлетворения, связанного с потерей предмета. Таким образом, в своем конечном смысле этот термин [ценность], несомненно, означает чувство, которое всегда проявляется на границе разграничения удовлетворенных и неудовлетворенных желаний» (*Lloyd*, 1834. P. 16).

который впоследствии станет ахиллесовой пятой субъективной теории ценности.

Лонгфильд, также как и Ллойд, разделял идею предельной полезности, но при этом предлагал уйти от обсуждения природы ценности и ее измерителя и сосредоточиться на анализе рыночного обмена и цен сквозь призму соотношения спроса (определяемого полезностью) и предложения (зависящего от издержек). Именно в анализе обмена он видел основное содержание теоретической политической экономии (*Longfield*, 1834. Рр. 27–29) и, как можно понять из его рассуждений, предполагал использовать предельные величины.

Идея предельной полезности нашла сторонников не только в Англии. Так, например, во Франции Ж.-Б. Сэй, который не порывал с учением Смита и даже выступал в роли его популяризатора и интерпретатора, «сдвинул» теорию ценности в направлении, отчасти намеченном Кондильяком. В работе «Трактат политической экономии» (*Say*, 1803) и в ее более поздних изданиях он применил концепцию полезности при анализе факторов производства и, по-видимому, первым высказал идею, что они предлагают производственные услуги, а их ценность определяется ценностью продуктов произведенных с их помощью; он также рассматривал издержки производства как верхнюю границу ценности, определенной полезностью. Таким образом, хотя и со многими оговорками, Сэй можно отнести к представителям «неортодоксальной» традиции, о которой писал Хайек.

На протяжении большей части XIX в. Ж.-Б. Сэй был самым авторитетным экономистом во Франции. Основанная им и впоследствии возглавляемая его братом Леоном французская либеральная школа доминировала в академической среде (*Breton*, 1992. Р. 27). Ее представители, идейно связанные с либерально-консервативным направлением политической мысли, следовали в русле эклектического подхода Сэя и разделяли его нелюбовь к математике; они не имели ясной теоретической платформы, но жестко отстаивали принцип

laissez-faire (Gallois, 2011. Pp. 9–10). Именно эта школа формировала французский академический истеблишмент, во многом определявший консерватизм французской экономической мысли того времени.

Однако и в подобных условиях рождались новые идеи. И здесь важную роль сыграли, как я полагаю, две интеллектуальные традиции. Одна из них основывалась на утвердившейся еще со времен эпохи Просвещения вере в универсальные законы и в возможности их познания с помощью методов естественных наук. Другая, «инженерная», связанная с Национальной школой мостов и дорог, была ориентирована на решение практических задач гражданского строительства. Соединение этих традиций и объясняет появление во Франции работ, в которых экономическая наука предстала в качестве практически ориентированной дисциплины, основанной на принципах рационального расчета, имеющей дело с количественными величинами и использующей математические методы. Речь идет прежде всего о двух авторах, которые, с одной стороны, были предшественниками Вальраса, а с другой – опередили его, но также как и он, не были в должной мере оценены на родине – О. Курно и А. Дюпюи.

Сегодня Курно справедливо считается одним из отцов математической экономики, первым экономистом-математиком и основоположником теории монополии. При этом он был не только экономистом, но и философом, представляющим естественно-научное направление, в отличие от других философов-экономистов, например, А. Смита или Дж. С. Милля, которые были связаны с моральной философией. Блауг писал, что читая первую крупную работу Курно (которая, заметим, у этого философа была экономической – «Исследования о математических принципах теории богатства» (Cournot, 1838))²⁰, «трудно поверить в год ее издания: минуло лишь 15 лет после смерти Рикардо и 10 лет оставалось

20. Кроме нее Курно опубликовал еще две экономические работы, выдержанные, однако, в традиционном литературном стиле: (Cournot, 1863, 1877).

до появления “Принципов политической экономии” Милля (1848)» (Блауг, 2005. С. 152). Это удивление объясняется главным образом совершенно непривычными для современников способом формулирования проблем и методом исследования, благодаря которым эта работа была впоследствии названа «первой последовательной и в целом успешной попыткой применения математики к широкому спектру экономических проблем» (Theocharis, 1983. P. 131). Методологическое значение этой работы состоит в том, что в основу анализа был положен принцип рациональности, понимаемый как оптимизация, и был указан путь к построению теории на его основе, что освобождало исследователя от необходимости погружаться в проблемы ценности и психологии поведения индивидов. Вопрос о роли математики и абстрактного метода мы затронем позже, здесь же остановимся на нескольких моментах, имеющих отношения к эволюции концепции полезности/ценности.

Курно начинает свою главную работу в области экономики с определения богатства и связывает абстрактное его понятие с абстрактным понятием меновой ценности. Меновые ценности для Курно — это относительные величины, для выражения которых может быть использован некий измеритель, причем в чистой теории им может быть не только материальный объект (например, денежный металл, который, однако, плох тем, что его ценность не является абсолютно неизменной величиной), но и некая абстрактная единица²¹. Все эти рассуждения занимают весьма незначительную часть работы, и, по существу, нужны лишь для того, чтобы можно было обсуждать совокупное богатство и факторы, на него влияющие. К богатству Курно относил вещи, имеющие в данном обществе и в данное время цену. Именно цена становится центральным понятием, вполне ясным и осязаемым в отличие от расплывчатых *идей* полезности, редкости и пригодности (Cournot, 1838. Pp. 5–6). Не удивительно, что Курно редко обращался к термину «полезность»

21. Здесь, конечно, возникает ассоциация со знаменитым numéraire Вальраса.

(*utilité*) — мы можем насчитать менее десяти его упоминаний, причем под ним он понимал совокупную (общественную) пользу от некоторого блага. В центре его внимания всегда был рынок (имеющий различную структуру), анализируемый сквозь призму функций спроса и предложения. Причем эти функции Курно никак не связывал с полезностью и определял их вид на основе наблюдения.

Отчасти к обсуждению проблемы полезности, хотя и в ее специфической трактовке, «вернулся» современник Курно, представитель так называемого инженерного направления²² Ж. Дюпюи²³, занимавшийся оценкой полезности/пользы публичных благ (гражданских сооружений). Для решения этой задачи он использовал функцию спроса, которую непосредственно связывал с функцией (кривой) предельной полезности, а вид первой определял исходя из принципа снижающейся предельной полезности²⁴. Как и Курно, Дюпюи не погружался в обсуждение вопроса об единицах измерения полезности, ему было достаточно считать, что ее соответствующую величину представляет сумма денег, которую чело-

-
22. Понятие «инженерное направление» в экономике весьма условно и объединяет разнообразные исследования, посвященные экономическим вопросам, возникающим при строительстве и использовании крупных общественных объектов, а также при размещении ресурсов и выборе производств. Этими вопросами занимались, как правило, люди, имевшие инженерное или естественно-научное образование, и нет ничего удивительного в том, что они применяли математические методы не только при решении чисто инженерных, но и связанных с ними экономических задач. Однако лишь немногие в первой половине XIX в. рассматривали проблемы тарифов, размещения или конкуренции с абстрактно-теоретической точки зрения и строго в рамках оптимизационного подхода. Среди этих немногих, кроме Дюпюи, можно назвать американского инженера Ч. Эллета, получившего образование в Политехнической школе в Париже и в 1830–1840 гг. руководившего строительством многих мостов в США (в том числе самого большого в то время в мире подвесного моста через р. Огайо и моста через Ниагарское ущелье); ирландского физика, математика и инженера Д. Ларднера, в 1850-е гг. занимавшегося строительством и управлением (включая определение тарифов) железных дорог в Англии. (Об истории исследований экономических проблем транспорта см., например: (Егоров, 2021)).
23. Удивительно, что нет никаких свидетельств того, что Курно и Дюпюи когда-либо встречались или хотя бы ссылались на работы друг друга, хотя они жили в Париже в одно время, занимались экономическими проблемами и подходили к их решению с близких позиций и оба состояли на государственной службе.
24. Основные работы Дюпюи были посвящены инженерным вопросам, а экономическим — лишь небольшое число, например, (Dupuit, 1844, 1849, 1853).

век готов пожертвовать ради получения дополнительной единицы блага. Он не касался и проблемы агрегирования, а сосредоточился на исследовании того, что сегодня называется потребительским излишком, при изучении которого прибегал к геометрической иллюстрации в духе Маршалла. Таким образом инженерное направление в экономике означало сосредоточенность на расчете, понимаемом и как получение численных оценок, и как алгебраическое решение соответствующих задач.

К «инженерной» традиции, хотя и с большими оговорками и лишь отчасти, можно отнести немецкого ученого Й.Г. Тюнена (1783–1850) и его работу «Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и народному хозяйству в целом» (первая часть – 1826 г., вторая – 1850 г., третья – 1863 г.), особенно ее вторую часть, в которой принцип максимизации прибыли (ренты) применен при решении проблемы пространственного размещения производства и выбора технологии. Тюнен, в отличие от Курно и Дюпюи, сосредоточился на проблемах производства и распределения и применил к их решению оптимизационный подход. Тем самым он заявил о себе как об основоположнике теории предельной производительности и распределения, в которой труд и капитал являются равноправными участниками процесса производства и создания ценности²⁵. Его модель считается первой статической моделью пространственного равновесия, которую, используя более совершенный математический аппарат, П. Самуэльсон обобщил до модели общего пространственного равновесия (*Samuelson, 1983*).

Заметим, что среди направлений исследований Тюнена было одно, несколько подорвавшее его репутацию в глазах представителей экономической науки XX в. Речь идет о попытке Тюнена определить справедливую, или естественную (т.е. удовлетворяющую как работников, так и их нани-

25. Тюнен не использовал прилагательное «предельный», но словами «край» (*margin*) и «предел» (*limit*) пользовался активно (*Niehans, 1990. P. 170*).

мателей) заработную плату²⁶. Сам же автор считал исследование в этой области едва ли ни своей миссией как ученого и человека; полученные им результаты были высоко оценены некоторыми экономистами XIX в.²⁷

К проблеме предельной полезности и анализу богатства с позиций спроса обратился младший современник и соотечественник Тюнена Г.Г. Госсен²⁸. Хотя достижения этого ученого сейчас считаются выдающимся и по ряду позиций стоящими вровень с достижениями признанных героев маржиналистской революции, в свое время его работа «Законы человеческих отношений и правила человеческого взаимодействия, из них вытекающие» (*Gossen, 1854*) прошла совершенно незамеченной и не оказала никакого влияния на современников. Не случайно Э. Ролл назвал Госсена предвестником, а не предшественником маржиналистской революции (*Roll, 1973. P. 374*).

Впервые статью о Госсене, как известно, написал Л. Вальрас (*Walras, 1885*), который был удивлен достижениями этого

-
26. Самуэльсон назвал концепцию заработной платы Тюнена причудливой, на которую зря были потрачены «галлоны чернил» (*Samuelson, 1983. P. 1469*). Почти за полтора века до Самуэльсона формулу естественной заработной платы назвал причудой автор предисловия ко второму немецкому изданию «Изолированного государства» Г. Вентиг (*Тюнен, 1926. С. 7*), хотя в данном случае это слово относилось скорее не к теоретической конструкции как таковой, а к ее математической формулировке.
27. Так, первый переводчик работы Тюнена на русский язык М. Волков писал: «Величина естественной заработной платы может служить краеугольным камнем в руках благонамеренных людей для устройства прочного порядка и согласия в производительных слоях общества» (*Тюнен, 1857. С. III*). Через три десятилетия другой русский автор дал не менее высокую оценку этому результату Тюнена: «Обстоятельное, проникнутое глубоким философским духом и основанное на тонком логическом анализе исследование фон Тюнена о рабочей плате составляет одно из лучших и приобретений и украшений классической (курсив мой. — Н.М.) политической экономии» (*Слонимский, 1878. С. 11*). Заметим, что Л. Слонимский, высоко оценивший работу Тюнена, в том числе за использование предельных величин и математического метода, не считал ее революционной ни в методологическом, ни в теоретическом отношении, поскольку отнес ее к классической школе. Скорее всего, основанием для этого было то, что в работе Тюнена он увидел блестящий результат применения дедуктивного метода, а также то, что внимание было уделено прежде всего вопросам производства.
28. Нет свидетельств того, что Госсен был знаком с работой Тюнена, хотя 2-е издание первой части «Изолированного государства» было опубликовано в 1842 г., а в 1850 г. появилась и вторая часть, содержащая теорию распределения с точки зрения предельной производительности. И эти работы Госсен в принципе мог видеть.

ученого. Интересна история того, как он узнал о Госсене. По словам самого Вальраса, это произошло в 1879 г. благодаря Джевонсу, который услышал о Госсене от английского профессора Р. Адамсона, а тот обнаружил ссылку на Госсена в работе венгерского экономиста Ю. Каутца «Теория и история национальной экономии». В двух коротких сносках Каутц заметил, что Госсен пытался предложить *теорию* и *философию* удовольствия, в которой люди рассматриваются как действующие в соответствии со своей природой – стремлением к максимуму удовольствия (Kautz, 1858. S. 9)²⁹. Связующим звеном между Каутцем и Госсеном был гедонизм, провозглашающий основным законом человеческого поведения стремление к наибольшему удовольствию. И этот закон Госсен представлял математически как оптимизацию при заданных ограничениях на ресурсы. В этом случае теория удовольствия становилась сводом характеристик процесса получения максимума удовольствия, и они, или правила, сегодня нам известны (благодаря В. Лексису) как законы Госсена. При этом новацией Госсена является только второй закон, первый же был сформулирован У. Ллойдом за двадцать лет до Госсена (Niehans, 2006. P. 551).

Появление революционной работы Госсена в Германии может показаться странным, если учесть, что гедонизм плохо приживался на немецкой почве. В первой половине XIX в. интеллектуальная жизнь Германии протекала, как известно, под сильным влиянием выдающихся философов И. Канта, Ф. Шеллинга, И. Фихте, Г. Гегеля. Однако, как отмечал И. Шумпетер, несмотря на это, влияние философии на профессиональных экономистов было незначительным (Шумпетер, 2001. Т. 2. С. 542). Что касается экономической теории, то хотя в Германии классическая школа находила своих последователей³⁰, и сам Госсен, скорее всего, был знаком с идеями Смита (например, через К.Г. Рау), последняя не

29. Интересно, что в том же самом 1858 г. была опубликована книга И.В. Вернадского, в которой автор упоминает Госсена как сторонника абстрактного метода, но не как новатора в области теории.

30. В разной степени идеи Смита поддерживали К. Крауз, Х. Шлецер, Г. Шторх.

была доминирующей. В этот период экономисты в Германии находились под влиянием идей романтиков и формирующейся исторической школы. Возможно, эти обстоятельства и объясняют невнимание к работе Госсена немецких авторов, хотя, полагаю, вряд ли ситуация была бы существенно иной, пояись она в это время и в другой стране.

Приняв принцип оптимизационного поведения за основу, Госсен стал в оппозицию к классической теории ценности, но в методологическом отношении он был всецело на стороне Рикардо. Как известно, Менгер критиковал классическую школу за *неправильное* использование *правильного* метода, а историческую — за отказ от правильного метода (Seager, 1893. Pp. 236–237). Но чтобы Менгер мог сказать о Госсене и его методе, если бы знал о них? Скорее всего, как это ни парадоксально, упрекал бы Госсена в пренебрежении историческими фактами.

Метод имеет значение

Когда в 1920-е гг. экономисты — впоследствии лидеры эконометрического движения — провозгласили задачу превращения экономической науки в настоящую научную дисциплину, логически строгую и опирающуюся на факты, они по существу «вторглись» в столетнюю дискуссию о ее методе. В этой истории были различные периоды, но споры о том, какой должна быть экономическая наука, никогда не прекращались, и эпоха первых маржиналистов (1860–1880-х гг.) не была исключением. После того как Рикардо, который, заметим, не писал специальных работ по методологии и не принадлежал определенно к какому-либо философскому направлению, задал методологический канон — абстрактно-дедуктивный метод, казалось, что экономисты получили надежный и отвечающий духу времени ориентир и для успеха науки достаточно лишь ему следовать. Однако, как выяснилось, теоретический дискурс было непросто отделить от политико-экономического, и приверженность той или иной теории часто влияла на выбор методологии. Даже

сторонники теории Рикардо не всегда были верны его методу. Так, например, Р. Торренс уже в 1821 г. писал о том, что рассуждения Рикардо слишком абстрактны, при этом критиковал Мальтуса за недостаточно абстрактный характер рассуждений (*Torrens, 1821. Pp. V–VI*). Торренс (и не он один) считал, что конец расхождений по важнейшим экономическим вопросам наступит, когда экономисты примут единую и правильную методологию (метод Рикардо), и тогда экономическая наука станет строгой дисциплиной. По мнению Торренса, все это должно было произойти уже через двадцать лет (*ibid. P. X*). Однако, как через много лет писал один из преданных сторонников дедуктивного метода Д. Кэрнс, этого не случилось и через 35 лет: политическая экономия не только не приблизилась к идеалу точной науки, но стала от него еще дальше (*Кэрнс, 1897. С. 1–2*). Ситуация мало изменилась и еще через двадцать лет. Не случайно Джевонс охарактеризовал современное ему состояние экономической науки как хаотичное, имея в виду прежде всего отсутствие консенсуса по методологическим вопросам, и назвал сектами многочисленные направления, возникшие на обломках рикардианства (*Jevons, 1876. P. 620*).

Аналогичную оценку состояния экономической науки примерно в то же время можно найти у русского экономиста Слонимского в работе о Тюнене и Курно: «Период блестящего процветания и господства экономической науки в том виде, какой получила она в трудах классической английской школы, окончился еще в сороковых годах; с того времени открывается продолжающийся поныне период безысходного кризиса, в котором главная роль принадлежит уже не абстрактно-научным, а чисто практическим интересам и вопросам» (*Слонимский, 1878. С. 5*). Разбродом назвал состояние экономической науки М. Туган-Барановский в предисловии к русскому изданию работ Кэрнса. Заметим, однако, что подобную характеристику состоянию науки давали сторонники дедуктивного метода, а их оппоненты, скорее всего, думали иначе. Причину создавшегося положения сторонники дедуктивного метода видели, во-первых, в недостаточно твердой позиции

последователей Рикардо, которые делали уступки под влиянием критики его теории с социально-политических позиций, а во-вторых, росте интереса в обществе к политической экономии и ее популяризации, следствием чего был приход в эту область недостаточно подготовленных людей, к тому же не имеющих склонности к научному анализу. Все это вместе во многом и определило картину экономической науки в последней трети XIX в. и ее мейнстрим или, точнее, его отсутствие.

Идея Кэрнса и других сторонников дедукции состояла в том, чтобы вернуться к канону Рикардо. Однако сама по себе приверженность дедуктивному методу еще не гарантировала единства мнений по остальным вопросам. Когда Менгер критиковал классическую школу за неправильное применение правильного метода, он имел в виду, что результатом стала ошибочная теория ценности. А кто же правильно использовал правильный метод? Слонимский видел достойные примеры использования правильного, т.е. дедуктивного, метода в работах «незаслуженно забытых» Тюнена и Курно, при этом он не противопоставлял их взгляды в области теории ценности рикардианским³¹. При этом Слонимский соглашался с языком их теорий — математики, которая, как он полагал, «никогда не обманывает» (там же. С. 10), и таким образом (в отличие, например, от Менгера) признавал альянс ее и дедуктивного метода.

Пример того, как разногласия по вопросам теории и применения математики оказываются сильнее согласия по вопросу о методе, приводит Кэрнс. Из-за различий по вопросам применения математики и теории ценности он, например, отказался видеть в Джевонсе единомышленника и в области методологии. Показательно, что в качестве достижений последнего Кэрнс назвал работы, относящиеся к практической области, но не к теории. В работе «Несколько основных принципов политической экономии»

31. Автор вскользь упоминает Джевонса, но не называет Вальраса. Это странность можно объяснить либо тем, что эти имена еще не стали широко признанными в науке (как и имена Тюнена и Курно), либо тем, что их идеи еще не дошли до России.

Кэрнс критиковал как теорию ценности Джевонса, так и использование им «невразумительных» математических формулировок (Cairnes, 1874. P. 21), а во втором издании «Логического метода политической экономии» «отказывается следовать Джевонсу в стремлении сделать дедуктивную науку квантифицируемой» (Robertson, 1876. P. 132). При этом Кэрнс не только утверждал, что экономические истины не могут быть открыты с помощью математики, но и указывал на противоречие между методом Рикардо и гипотезами Джевонса, относящимися к области психологии, а также его представлением об экономической теории как о «механике полезности и собственного интереса» (Джевонс, 2021. С. 95). Таким образом, уже ко времени начала маржиналистской революции обнаружились серьезные разногласия среди экономистов не только по методологическим вопросам, но и по проблемам базисных предпосылок теории и роли математики.

Математизация как самостоятельный тренд

В предисловии ко второму изданию «Теории политической экономии» Джевонс писал: «Все авторы-экономисты должны использовать математический подход, если хотят претендовать на научность, поскольку они обсуждают экономические величины, а отношения между такими величинами, как и все величины и отношения между ними, принадлежат к области математической науки» (там же. С. 53). Более поэтично о необходимости и неизбежности математики в экономике писали Жид и Рист: «всякий обмен предполагает отношение между обмениваемыми количествами, которое выражается в цене; и вот мы с первого же прыжка в объятиях математики» (Жид, Рист, 1914. С. 310).

Обращение к математике маржиналистов выглядит достаточно естественным, если принять во внимание, с одной стороны, универсальный характер экономического принципа, а с другой — саму его форму — оптимизацию. Немалую роль сыграли и успехи естественных и инженерных наук,

свидетелями которых они были³². И нельзя не признать, что маргиналисты, по крайней мере, Вальрас и Джевонс, немало способствовали процессу математизации экономической науки, и, как уже отмечалось, неслучайно они были отнесены Жидом и Ристом к отдельному математическому направлению. Однако история проникновения математики в экономические исследования началась не с Вальраса и Джевонса и даже не с Госсена, Курно и Тюнена и, разумеется, не закончилась ими.

В XVIII в. и даже ранее элементарную алгебру и элементы дифференциального исчисления в экономическую область приносили, как правило, либо чистые математики и философы/логики, либо люди практики. Математики и философы не стремились создавать обширные экономические трактаты, а исходили из того, что полезные в естественных науках методы могут быть таковыми и в науках моральных, в том числе и экономике. В большинстве случаев обращение к экономической области оказывалось побочным делом и следствием простой любознательности, поэтому можно обнаружить немало замечательных идей, разбросанных по работам ранних авторов, которые не получили в них развития и возникли вновь у экономистов через многие годы и десятилетия.

В прошлом люди практики прежде всего интересовались вопросами денежного обращения и государственных финансов, и даже в том случае, когда они использовали математический аппарат, выводы формулировали в форме, доступной людям, участвующим в принятии решений, но далеким от математики. В этом смысле показательной является дискуссия о денежной эмиссии в Англии в 1810-е гг. Один из ее активных участников Т.П. Томпсон, которого можно отнести к пионерам использования математики,

32. Риску предположить, что нелюбовь представителей австрийской школы к математике отчасти объясняется культурными особенностями Австрии и в частности тем, что «инженерное мышление» было нехарактерно для австрийской интеллектуальной среды того времени (о культурных особенностях Австрии второй половины XIX в. см., например: *Джонстон*, 2004)).

прибегал к простым алгебраическим выкладкам, чтобы подтвердить тезис, что государство, которое принимает деньги в уплату налогов, может извлечь выгоды от небольшой эмиссии, и даже с помощью простой математики определял момент, когда эта выгода может быть максимальной (*Thompson, 1824*). При этом вся математика была «спрятана» в сносках, поскольку другие участники этой дискуссии, включая таких известных ученых, как Т. Мальтус, Дж. Синклер, У. Хаскиссон, не были готовы воспринимать результаты в математической форме.

В обширной статье, посвященной ранним опытам использования математики в экономике, Р.М. Робертсон в качестве пионеров использования дифференциального исчисления называет итальянца П. Фризи, который в 1770-е гг. в комментариях к работе своего современника П. Верри, предложил далеко не бесспорные формулы для вычисления соотношения между численностью продавцов и покупателей, обеспечивающего минимальные цены, и поставил вопрос об условиях увеличения производства при минимальных затратах труда. Робертсон упоминает также австрийского аристократа Г. фон Бюкуа, который в работе 1815 г. решал задачу определения оптимальной глубины пахоты, обеспечивающей максимум чистого дохода от производства зерна (*Robertson, 1949*). Можно сказать, что сельскохозяйственная тема, поднятая этим автором, десятилетие спустя нашла продолжение у Й. Тюнена³³.

Среди пионеров использования математики следует назвать также У. Хьюэлла (*Whewbell, 1830*) и Н.-Ф. Канара (*Canard, 1801*). Как и более ранние авторы, эти экономисты обосновывали применение математики большой ролью, которую она сыграла в развитии естественно-научных дис-

33. Не будем спорить с Шумпетером, который считал, что Тюнен «был первым, кто использовал дифференциальное исчисление» (*Шумпетер, 2001. Т. 2. С. 612*), тем более что с точки зрения будущего развития экономической науки важным было то, что Тюнен соединил абстрактно-теоретические построения с фактами, что и дало основание Шумпетеру назвать Тюнена «покровителем эконометрики».

циплин, и сходством между ними и экономикой. Именно на эти обстоятельства указывал Хьюэлл: «Я думаю, очевидно, что науки механика и политическая экономия насколько схожи, что от применения математики в политической экономии можно ожидать такой же пользы» (*Whewell*, 1830. P. 195), и уточнял, что «некоторые части политической экономии могут быть представлены в более систематической и ясной форме и, можно добавить, проще и яснее с помощью математического языка, чем без этой помощи...» (*ibid.* P. 191).

Первые попытки применения математики в экономических исследованиях не были связаны с теорией ценности. Более того, после Канара и Хьюэлла само по себе признание важности математики и необходимости перейти к математической форме аргументации не означало единства мнений в области теории ценности. Вальрас и Джевонс стремились изменить ситуацию и нарушить «диктаторское спокойствие», которое установилось в теории ценности благодаря авторитету Рикардо и препятствовало дискуссии и поиску истины (*Джевонс*, 2021. С. 294).

Вполне ожидаема была и оценка Джевонсом работ Хьюэлла и Канара, которые, хотя и использовали математику, следовали в русле неправильной теории: «в трудах таких авторов, как Канар и Хьюэлл, мы видим множество математических символов и уравнений, но не находим ценных результатов, поскольку они лишь перевели на язык символов доктрины, сформулированные без помощи символов, и притом сформулированные ошибочно (подчеркнуто мною. — Н.М.). Подобные авторы неверно поняли и исказили функцию математических символов...» (*Jevons*, 1879. P. XXIV—XXV).

Подобное утверждение было, пожалуй, слишком сильным. Хьюэлл в работе 1830 г. не просто изложил теорию Рикардо в символах, а с помощью простых алгебраических выкладок (рассуждая в терминах средних величин) продемонстрировал логику и отметил узловые точки в рассуждениях Рикардо, где разошлись линии аргументации его последователей. И это позволило понять, почему одни пришли

к выводу, что все налоги на продукт земли ложатся на потребителя, а другие — что они падают на собственника земли. Формализация позволила также показать, как исходные предпосылки (например, о размерах инвестируемого в землю капитала) определяют полученные выводы о влиянии налогов на производство, цены, распределение.

Работа Хьюэлла была не единственной попыткой применить математику к теории Рикардо. В опубликованной в «магическом» 1871 г. работе «История политической литературы XIX столетия» Ю.Г. Жуковский, используя более сложный инструментарий, построил математическую модель теории ренты Рикардо³⁴, более того, он привлек данные о структуре пахотной земли в Пруссии и на основе модели рассчитал совокупный размер ренты в стране и определил ее долю в национальном доходе. Возможно, Жуковский не менее чем Тюнен, заслуживает звания покровителя эконометрики. Однако, делая шаг в сторону эконометрики, Жуковский не ставил под сомнение теорию ценности Рикардо и, насколько можно судить по его ссылкам, вообще не был осведомлен о попытках создания альтернативной теории ценности. При этом, как и Джевонс, он считал необходимым превратить экономику в более строгую дисциплину с помощью метода, применение которого обеспечило «гигантские успехи в естествознании» (Жуковский, 1871. С. 273) и, более того, полагал, что подобный переход уже назрел. Однако, как показала история, до впечатляющих сдвигов в области математизации было еще далеко. По меньшей мере в течение нескольких десятилетий после 1871 г. маржинализм как новая методологическая и теоретическая программа оставался явлением скорее периферийным.

34. Как отмечает А. Бельх, «значение работы Ю.Г. Жуковского далеко выходит за рамки интерпретации теории Рикардо. Он построил модель, провел расчеты по ней и сделал экономические выводы, которые нельзя было бы обосновать без применения математики» (Бельх, 2007. С. 8).

Мост в будущее

Основатели маржинализма стремились создать экономическую науку, по строгости логических построений не уступающую естественно-научным дисциплинам. Наиболее соответствующими этой задаче Джевонс и Вальрас считали дедуктивный метод и математизацию. Сегодня мы воспринимаем этих ученых прежде всего как создателей математической экономической теории, однако нельзя не учитывать и то, что они занимались конкретными исследованиями, так и то, что осознавали конфликт между строгостью абстрактных построений и реалистичностью теории. Не случайно, Джевонс, определенно выступал за синтез дедуктивного и индуктивного методов, полагал, что признание только одного из них в качестве доминирующего являлось бы «ошибкой эксклюзивности» (*Jevons*, 1876. Р. 623). Он считал, что «точные индуктивные методы, которые столь много дали физике, должны применяться в экономических исследованиях» (*Foxwell*, 1884. Р. XXIV), и что «дедуктивная экономическая наука должна проверяться и приобретать практическую пользу с помощью чисто эмпирической науки статистики. Теория должна быть наполнена реальными живыми фактами. Но это сочетание ставит перед нами невысказанные сложности...» (*Джевонс*, 2021. С. 96). Идеи синтеза дедуктивного и индуктивного методов и соединения теории и конкретных статистических исследований лежали в основе его замысла по созданию «Трактата в области экономики».

К сожалению, мы не можем сказать, что Джевонс преодолел эти сложности и реализовал свой замысел. При этом он многое сделал в области эмпирических исследований, прежде всего в сфере денег и денежного обращения, кризисов и циклов, о чем свидетельствует содержание сборника его работ разных лет, подготовленного в основном самим Джевонсом, но опубликованного уже после его смерти (*Jevons*, 1884). Что касается проблематики циклов, то он не только систематизировал имеющуюся к тому времени статистику и уточнил периодичность в динамике цен различных

товаров, объемов торговли, числа банкротств и т.д., но и попытался объяснить цикличность этих показателей, связав ее с циклами солнечной активности³⁵. Однако работы Джевонса по проблемам цикла, которые содержали много интересных фактов и смелых идей, не были логически связаны с положениями «Теории политической экономии» и поэтому могут рассматриваться лишь как подготовительный этап к созданию «Трактата в области экономики».

Как и Джевонс, Вальрас ставил вопрос о соединении чистой теории со статистикой и обсуждал его прежде всего в контексте проблем денег и денежного обращения. Основы абстрактной теории денег были заложены еще в «Элементах» и получили развитие в ряде более поздних работ. В 1886 г. отдельным изданием была опубликована «Теория денег»³⁶, в которой присутствовала отдельная глава, где не только подтверждалась идея необходимости статистического наполнения теории, но и была предпринята попытка ее реализации (Walras, 2005. Pp. 103–130).

История этой главы весьма примечательна с точки зрения истории экономико-математических и статистических исследований. Написанная как доклад на сессии Международного статистического института в сентябре 1886 г. в Риме, работа была отвергнута по причине, как пишет Я. Ван Даал, негативной реакции президента этого института Р.У. Роусона, который опасался, что она окажется чисто математико-

-
35. Поскольку идея связи деловой и солнечной активности долгое время вызывала значительный интерес исследователей цикла, считаю полезным еще раз обратиться к автору предисловия к работе Джевонса «Исследования в области денег и финансов», который в частности писал: «Джевонс не предполагал какое-либо точное соответствие между определенными интервалами между кризисами и периодами солнечной активности, или пятен на солнце. Он лишь утверждал, что периодичность урожаев в тропиках связана с периодом солнечной активности и что колебания урожая влияют на ритм европейской торговли. И если это не так, то какой же может быть иная причина, спрашивает он, почему эти колебания, зависящие непосредственно от таких разных причин, тем не менее демонстрируют такую удивительную регулярность и происходят в соответствии с периодами, чья длина, с незначительной погрешностью, совпадает с периодом появления солнечных пятен?» (Foxwell, 1884. P. XXXIII).
36. С некоторыми дополнениями и изменениями работа была опубликована в 1898 г. в книге «Исследования в области прикладной экономики».

экономической, а не статистической (*ibid.* Pp. 64–65). Странность подобной позиции очевидна, поскольку работа Вальраса была посвящена проблеме измерения общественного богатства в денежной единице и стабильности соответствующего измерителя. «Я хотел, — писал Вальрас, — лишь поставить, но не решить, проблему определения цены общественного богатства в денежном выражении, которая является вопросом о средних и следовательно, вопросом статистическим» (*Walras*, 2005. P. 107). Здесь важно подчеркнуть (имея в виду стремление соединить теорию и статистику), что вопрос измерения ценности богатства Вальрас обсуждал в контексте и в связи с общей теорией ценности и цен, т.е. работа была не только статистическая, но и теоретическая.

В этой работе Вальрас попытался сделать шаг в сторону статистического наполнения теории денег, и то, что президент Международного статистического института отклонил эту работу по причине ее слишком «математико-экономического» характера, свидетельствует лишь о том, что в 1880-е гг. не только экономисты, но и статистики не были готовы преодолеть разрыв между тогдашней статистикой и формировавшейся математической экономией. Возможно, одной из причин, хотя и не главной, подобного положения было то, что наиболее известные статистики того времени (включая не только У. Роусона, но и Ф. Гальтона и К. Пирсона) работали в естественно-научной области и использовали статистику прежде всего при исследовании биологических и эволюционных процессов, а экономическая проблематика была им чуждой.

Сближение между статистиками и экономистами намечилось после того, как Д. Юл — инженер по образованию, в конце 1890-х гг. опубликовал несколько статей (*Yule*, 1895, 1896, 1897), познакомивших экономистов с работами К. Пирсона, в которых показал, что корреляционный анализ может быть использован для исследования демографических процессов и проблемы пауперизма (*Aldrich*, 2010. P. 114).

В начале XX в. целый ряд экономистов (например, Г. Мур, А. Боули), признав необходимость статистического

«дополнения» к теории, обратились к статистике и ее новым методам (*Moore*, 1908; *Bowley*, 1901). В итоге стала формироваться интеллектуальная почва, на которой впоследствии выросло эконометрическое движение, провозгласившее в качестве своей задачи превращение экономической науки в настоящую научную дисциплину — в методологическом отношении подобную естественно-научным дисциплинам и осуществившую *синтез* экономической теории, математики и статистики.

Таким образом, хотя ни Вальрас, ни Джевонс не осуществили задуманного ими проекта создания теории, основанной на примирении дедуктивного и индуктивного методов и осуществляющей синтез формальной теории и статистики, и несмотря на то, что публикация их знаменитых работ в 1871 г. не изменила экономическую науку, то, что они создали, можно рассматривать как мост к будущей экономической науке, сформировавшейся в 1930–1940-е гг.

История маржиналистской революции — это процесс не только последовательного развития и переплетения нескольких тенденций — эволюции теории ценности, поиска компромисса между дедуктивным и индуктивным методами, математизации экономических исследований, а также проникновения в экономику достижений других дисциплин, но и преодоления стереотипов и разрушения авторитетов, без чего наука, как писал Джевонс, может оказаться в «фальшивом раю» успокоенности (*Jevons*, 1879. P. XLIX). И уже по этой причине маржиналистская революция заслуживает внимания историков, методологов и просто экономистов.

ЛИТЕРАТУРА

- Автономов В.С., Ананьин О.И. и др. (ред.) (2015). Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке. М.: Издательский дом ВШЭ.
- Белых А.А. (2007). История российских экономико-математических исследований. Первые сто лет. 2-е изд. доп. М.: Из-во АКИ.
- Бём-Баверк Е. (1897). Теория Маркса и ее критика. СПб.: Тип. П.П. Сойкина.
- Блауг М. (1994). Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело ЛТД.
- Блауг М. (2005). 100 великих экономистов до Кейнса. М.: ГУ ВШЭ; СПб.: Омега-Л.
- Бухарин Н.И. (1925). Политическая экономия рантье. Теория ценности и прибыли австрийской школы. Москва; Ленинград: Государственное изд.
- Вальрас Л. (2000). Элементы чистой политической экономии, или теория общественного богатства. М.: Университетская библиотека: Экономика.
- Вернадский И.В. (1858). Очерк истории политической экономии. СПб.: Ред. «Экономического указателя».
- Джевонс У.С. (2021). Теория политической экономии. С приложением «Учебника политической экономии». М.; Челябинск: Социум.
- Джонстон У. (2004). Австрийский ренессанс. М.: Московская школа политических исследований.
- Егоров Ю.В. (2021). Развитие теоретических подходов к ценообразованию на грузовом железнодорожном транспорте в XIX в. // Бюллетень результатов научных исследований. Вып. 2. С. 90–100.
- Жид Ш., Рист Ш. (1914). История экономических учений. М.: Труд.
- Жуковский Ю.Г. (1871). История политической литературы XIX столетия. СПб.: Изд. Н.П. Поляковой.
- Кэрнс Д.Э. (1897). Логический метод политической экономии; Основные принципы. Ценность; Международная торговля. М.: Издание К.Т. Солдатенкова.
- Макашева Н.А. (2009). Как маржинализм приходил в Россию? Два эпизода из истории // Экономический вестник Ростовского государственного университета. № 3. С. 56–69.
- Ронкалья А. (2018). Богатство идей: история экономической мысли. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.
- Селигмен Б. (1968). Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс.

- Слонимский Л. (1878). Забытые экономисты. Тюнен и Курно // Вестник Европы. Т. 5. С. 5–25.
- Смит А. (2007). Исследования о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо.
- Туган-Барановский М.И. (1897) Жизнь и Сочинения Д.Э. Кэрнса / Кэрнс Дж. Э. Логический метод политической экономии. М.: Издание К.Т. Солдатенкова. С. I–XXXI.
- Тюнен И.Г. (1857). Уединенное государство в отношении к общественной экономии. Извлечено и приспособлено для русск. читателя Матвеем Волковым. Карлсруэ: Придворная типогр. Б. Гаспера.
- Тюнен И.Г. (1926). Изолированное государство / Пер. со 2-го нем. изд. с предисловием Г. Вентига; Под ред. А.А. Рыбникова. М.: Изд-во «Сельская жизнь».
- Турго А. (1905). Размышления о создании и распределении богатства. Юрьев: Тип. К. Маттисена.
- Хайек Ф. (2005а). Карл Менгер (1840–1921) / Менгер К. Избранные работы. М.: Изд. дом «Территория будущего». С. 11–44.
- Хайек Ф. (2005б). Место “Grundsätze” Менгера в истории экономической мысли / Менгер К. Избранные работы. М.: Изд. дом «Территория будущего». С. 44–56.
- Шумпетер Й. (2001). История экономического анализа. Пер. с англ. В 3-х т. СПб.: Экономическая школа.
- Aldrich J. (2010). The econometricians’ statisticians, 1845–1945 // History of political economy. Vol. 42. No. 1. Pp. 111–154.
- Blaug M. (1972). Was there a Marginal revolution? In: R.D. Collison Black, A.W. Coats, D. Winch (eds.) The Marginal Revolution in Economics: Interpretation and Evaluation. Durham: Duke University Press. Pp. 3–14.
- Bouke O.F. (1921). The development of economics. 1750–1900. N.Y.: Macmillan.
- Bouke O.F. (1922a). A critique of economics. N.Y.: Macmillan.
- Bouke O.F. (1922b). A unique situation in economic theory // American Economic Review. Vol. 12. No. 4. Pp. 598–605.
- Bowley A.L. (1901). Elements of statistics. L.: P.S.King and Co.
- Breton Y. (1992). L’Economie politique et les mathematiques en France, 1800–1940 // Histoire & Mesure. Vol. 7. No. 1/2. Pp. 25–52.
- Cairnes J.E. (1874). Some Leading Principles of Political Economy. L.: Macmillan.
- Canard N.-F. (1801). Principes d’Economie Politique. Paris: F. Buisson.

- Collison Black R.D., Coats A.W., Winch D.* (eds.) (1972). *The Marginal Revolution in Economics. Interpretation and Evaluation.* Durham: Duke University Press.
- Condillac E.B.* (1776). *Le Commerce et le Government considéré l'un à l'autre.* Amsterdam; Paris: Jomber & Cellot.
- Correspondance entre MM. Jevons, professeur à Manchester, et Walras, professeur à Lausanne (1874) // *Journal des economists.* Ser. 3. Vol. 34. 15 juin. Pp. 417–422.
- Cournot A.A.* (1838). *Researches sur les principes mathématiques de la théorie des richesses.* Paris: L. Hachette, Libraire de L'Université Royale de France.
- Cournot A.A.* (1863). *Principles de la théorie des richesses.* Paris: Libraire de L. Hachette et Cie.
- Cournot A.A.* (1877). *Revue sommaire des doctrines économiques.* Paris: Libraire Hachette et Cie.
- Dupuit J.* (1844). De la mesure de l'utilité des travaux publics // *Annales des ponts et chaussées.* Ser. 2. Vol. XII. Pp. 332–375. (Русск. пер.: Дюпюи Ж. (1993). О мере полезности гражданских сооружений // Теория потребительского поведения и спроса. СПб.: Экономическая школа. С. 28–66).
- Dupuit J.* (1849). De l'influence des péages sur l'utilité des voies de communication // *Annales des ponts et chaussées.* Ser. 2. Vol. XVII. Pp. 170–248.
- Dupuit J.* (1853). De l'utilité et de sa mesure // *Journal des economists.* Tome 36. Pp. 1–27.
- Encyclopedia of social sciences* (1930–1967). Vol. 1–15. L.: Macmillan.
- Foxwell H.S.* (1884). *Introduction* // *Jevons W.S. Investigations in Currency and Finance.* L.: Macmillan. Pp. XIX–XLIV.
- Gallois N.* (2011). The French Liberal School against the Heterodox Economist Léon Walras // *L'Économie politique.* Vol. 51. No. 3. Pp. 7–32.
- Gossen H.H.* (1854). *Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs und der daraus fließenden Regeln für menschliches Handeln.* Braunschweig: Druck und Verlag von Friedrich Vieweg und Sohn.
- Gossen H.H.* (1983). *The Laws of Human Relations.* Cambridge (MA): MIT Press.
- Hayek F.* (1934). Karl Menger (1840–1921) // *Economica.* N. S. Vol. 1. November. Pp. 393–420.
- Hicks J., Weber W.* (eds.) (1973). *Carl Menger and the Austrian School of Economics.* Oxford: Oxford University Press.

- Hobson J.* (1909). *The Industrial System*. L.: Longmans, Green, and Co.
- Hobson J.* (1914). *Work and Wealth: A Human Valuation*. L.: Macmillan.
- Hobson J.* (1926). *Free Thought in the Social Sciences*. L.: Allen and Unwin.
- Jevons W.S.* (1876). *The Future of Political Economy*. Introductory Lecture at the Opening Meeting of the Session 1876-7, at University College, London // *The Fortnightly Review*. Vol. 2. No. 129. Pp. 617–631.
- Jevons W.S.* (1879). *The Theory of Political Economy*. 2 ed. L.: Macmillan.
- Jevons W.S.* (1884). *Investigations in Currency and Finance*. L.: Macmillan and Co.
- Kautz J.G.* (1858). *Theorie und Geschichte der National-Oekonomik*. B. 1. Die National-Oekonomik als Wissenschaft. Wienn: C. Gerald's Sohn.
- Klein L.* (1947). *The Keynesian Revolution*. N.Y.: Macmillan.
- Kuhn T.* (1962). *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: Univ. of Chicago Press. (Кун Т. (2003). Структура научных революций. М.: Изд-во АСТ).
- Lauderdale J.M.* (1804). *An Inquiry into the Nature and Origin of Public Wealth, and into the Means and Causes of Its Increase*. Edinburgh: Constable & Co; L.: Longman & Rees.
- Lewis H.H.* (1911). *History of Economic Thought*. N.Y.: Macmillan.
- Lloyd W.F.* (1834). *Lectures on the Notion of Value, as Distinguishable not Only from Utility but also from Value in Exchange*. L.: Roake and Varty.
- Longfield M.* (1834). *Lectures on Political Economy*. Dublin: Richard Milliken.
- Machlup F.* (1946). *Marginal Analysis and Empirical Research* // *American Economic Review*. Vol. 36. No. 4. Pp. 519–554.
- Moore H.* (1908). *Statistical Complement of Pure Economics* // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 23. No. 1. Pp. 1–33.
- Moore H.* (1914). *Economic Cycles: The Law and Cause*. N.Y.: Macmillan.
- Niehans J.A.* (1990). *History of Economic Theory. Classic Contributions 1720–1980*. Baltimore, L.: The John Hopkins Univ. Press.
- Niehans J.* (2006). *Gossen, Hermann Heinrich* // *The New Palgrave*. N.Y.: Palgrave Publishers. Vol. 1. Pp. 550–554.
- Robbins L.* (1935). *The Subject-Matter of Economics*. In: Robbins L. *An Essay on the Nature and Significance of Economic Science*. 2nd. ed. L.: Macmillan. Pp. 1–23. (Русск. пер.: Роббинс Л. (1993). Предмет экономической науки // *THESIS*. Т. 1. Вып. 1. С. 10–23).
- Robertson G.C.* (1876). *Cairnes's Logical Method of Political Economy* // *Mind*. Vol. 1. No. 1. Pp. 131–132.

- Robertson R.M.* (1949). Mathematical Economics before Cournot // Journal of Political Economy. Vol. 57. No. 6. Pp. 523–536.
- Roll E.* (1923). A History of Economic thought. L.: Faber and Faber LTD.
- Samuelson P.* (1983). Thünen at Two Hundred // Journal of Economic Literature. Vol. 21. No. 4. Pp. 1468–1488.
- Say J.-B.* (1803). Traité d'économie politique, ou simple exposition de la manière dont se forment et se consomment les richesses. Paris: Deterville.
- Schumpeter J.* (1954). History of Economic Analysis. N.Y.: Oxford University press.
- Seager H.R.* (1893). Economics at Berlin and Vienna // Journal of Political Economy. March. Vol. 1. No. 2. Pp. 236–262.
- Seligman E.P.A.* (1903). On Some Neglected British Economists // Economic journal. Vol. 13. No. 51. Pp. 335–363; No. 52. Pp. 522–535.
- Stigler G.* (1960). The Influence of Events and Policies on Economic // American Economic Review. Vol. 50. No. 2. Pp. 35–46.
- Theocharis R.D.* (1983). Early Development in Mathematical Economics. 2nd ed. L.: Macmillan.
- Thompson T.P.* (1824). On the Instrument of Exchange // Westminster Review. Vol. I. April. Pp. 171–205.
- Thünen J.H. von* (1826). Der isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie. Part 1. Humburg: Perthes.
- Thünen J.H. von* (1850). Der isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie. Part 2. Rostock: Leopold.
- Thünen J.H. von* (1863). Der isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie. Part 3. Rostok: Leopold.
- Torrens R.* (1821). An Essay on the Production of Wealth with an Appendix, in which the Principles of Political Economy are Applied to the Actual Circumstances of This Country. L.: Longman.
- Walras A.* (1831). De la nature de la richesse et de l'origine de la valeur. P.: Alexandre Jahanneau.
- Walras L.* (1885). Un Économist Unconnu. Hermann-Henri Gossen // Journal des économistes. Revue de la science économique et de la statistique. 4 series. Vol. 30. Avril. Pp. 68–90; Mai. Pp. 260–261.
- Walras L.* (2005). Studies in applied economics. Vol. 1. N.Y.: Routledge.
- Whewbell W.* (1830). Mathematical exposition of Some Doctrines of Political Economy // Transactions of the Cambridge Philosophical Society. Vol. 3. Pp. 191–230.
- Yule G.U.* (1895). On the Correlation of Total Pauperism with Proportion of OutRelief. Pt. 1 // Economic Journal. Vol. 5. Pp. 603–611.

Yule G.U. (1896). Notes on the History of Pauperism in England and Wales from 1850, Treated by the Method of Frequency-Curves; with an Introduction on the Method// Journal of the Royal Statistical Society. Vol. 59. Pp. 318–357.

Yule G.U. (1897). On the Correlation of Total Pauperism with Proportion of Out-Relief. Pt. 2. // Economic Journal. Vol. 6. Pp. 613–23.

В.С. Автономов

НИУ ВШЭ, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, г. Москва

ТРИ ИСТОЧНИКА И ТРИ ГЕРОЯ МАРЖИНАЛИСТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ¹

Отечественный читатель привык к другой версии заголовка: «Три источника и три составные части». В данном случае о трех составных частях говорить неуместно, потому что теории Менгера, Джевонса и Вальраса в маржиналистскую теорию не складываются друг с другом как составные блоки из «Лего». Слишком много различий в поставленных авторами перед собой задачах и способах их решения. В то же время всех троих, независимо от степени их субъективной революционности, вполне можно назвать героями нашей науки, преодолевшими самые серьезные преграды в бескорыстном стремлении к истине.

В 2021 г. исполнилось 150 лет маржиналистской революции, если датировать ее выходом в свет этапных книг Карла Менгера и Уильяма Стенли Джевонса. И сразу начинаются вопросы. Назвать маржиналистскую революцию «событием» неуместно, хотя бы потому, что у троих отцов-основателей (в 1874 г. к первым двум присоединился Леон Вальрас) было много предшественников в разных странах (Ж. Дюпюи,

1. Данный текст был опубликован в несколько иной редакции в журнале «Вопросы теоретической экономики» (2022. №7. С. 104–122).

А.О. Курно, И.Г. Тюнен, Г.Г. Госсен, У. Ллойд, С.М. Лонгфилд, Л. Косса и др.) начиная с 30-х г. XIX в. Так что, по сути дела, не было у революции начала. Был ли у нее конец? Тоже сомнительно. Часто революции завершаются тем, что приходит великий систематизатор, железной рукой приводит в порядок новые достижения, что-то из них отбрасывает, замечает осколки перебитых революционерами горшков, возвращает на почетное место несправедливо сброшенные ими на пол части прежней обстановки. В экономической науке таким великим синтезатором и систематизатором стал Альфред Маршалл, автор классического учебника «Принципы экономической науки», подытожившего основные достижения маржиналистской революции и включившего в свою теоретическую систему отдельные идеи классической политической экономии и даже немецкой исторической школы. Вышел учебник в 1890 г., но и это событие не означало полной и окончательной победы маржиналистских идей. Сильно продвинули дело своих предшественников представители второго поколения маржиналистов: Ф. Визер, О. Бём-Баверк, В. Парето, Ф.И. Эджуорт, Ф.Г. Уикстид и др. Но и тогда полной победы достигнуто не было. Казалось бы, основание в 1890-х гг. первых в мире профессиональных ассоциаций экономистов в Англии и США и их журналов свидетельствует о том, что экономисты обрели наконец единый язык — маржиналистский. Но основателями Американской экономической ассоциации и журнала *American Economic Review* стали не маржиналисты, а институционалисты. Да и можно припомнить, что во Франции и Германии экономические журналы существовали в более раннюю эпоху. В 1921 г. никому не пришлось в голову праздновать 50-летний юбилей маржиналистской революции, да и термин этот в то время еще не появился. Лишь 1930-е гг., ставшие, по меткому выражению Дж.А.С. Шекла, «годами высокой теории», ознаменовали собой что-то похожее на «окончательный перелом» (*Shackle, 1967*). Но и в это время в США процветала американская институционалистская мысль, которая легла

в основу экономической политики Нового курса Ф. Рузвельта. А Дж. М. Кейнс, будучи почтительным учеником А. Маршалла, не опирался на маржиналистские идеи в своих макроэкономических прорывах. Не будем углубляться в вопрос о датировке победоносного завершения маржиналистской революции — может быть, на эти лавры может претендовать Самуэльсон со своими «Основаниями экономического анализа», но тогда речь может скорее идти о «великом» синтезе неоклассики с кейнсианством. Ну а в Германии, где в силу административного ресурса историческая школа одержала верх в споре о методах, маржинализм восторжествовал лишь после окончания Второй мировой войны и то только в ее западной части.

Подлинным триумфом стал 100-летний юбилей маржиналистской революции в 1971 г. 1950–1960-е гг. стали периодом наибольшей популярности экономической науки за всю ее историю, и главную роль в этом сыграли успехи кейнсианской макроэкономической политики управления совокупным спросом, которая в рамках великого неоклассического синтеза опиралась на кейнсианскую макроэкономику, а та, в свою очередь, на неоклассическую микроэкономику. Правда, если разобраться подробнее, то второй этап не столько опирался на первый, сколько парил над ним, но на престиже неоклассического фундамента экономической науки это никак не отразилось. Поэтому в 1971 г. вождей маржиналистской революции вспоминали довольно основательно. Достаточно вспомнить знаменитую конференцию в Белладжо, в которой участвовали не только все знаменитые методологи и историки мысли того времени, но и выдающиеся теоретики, и вышедшую по ее итогам книгу (*The Marginal Revolution in Economics...*, 1973).

За последние 50 лет в структуре экономической науки произошли большие изменения. Ее мейнстрим, из которого в 70-е гг. выпало кейнсианство, на какое-то время стал однородно неоклассическим, но затем наступила стадия гетерогенизации: в него вошли новая институциональная и поведенческая экономика, теория игр в какой-то мере потеснила

теорию общего равновесия. В итоге в 2021 г. праздновать 150-летие оказалось особенно некому, если не считать профессиональных историков и методологов. Прошлое экономической науки, как и любой другой, в большой мере определяется ее настоящим.

И все же интуитивно мы понимаем, что великая вежа остается таковой и собираемся вновь к ней обратиться.

На вопрос о том, что составляет главное содержание маржиналистской революции, можно дать такой консенсусный ответ (*Collison, Coats, Goodwin* (eds.), 1973. P. 337):

1) применительно к предмету: главной проблемой экономической науки становится ценообразование и аллокация ресурсов;

2) применительно к методу: из интуитивного словесного дискурса экономика стала строгой, по преимуществу математической наукой (австрийское исключение, где наука строгая, но не математическая, подтверждает правило);

3) при этом вводится субъективная теория ценности, в которой спрос важнее предложения, а полезность — издержек. Основное значение имеет потребительское равновесие, при котором предельные полезности всех благ пропорциональны их ценам.

Вопрос о разнородности трех составных частей маржиналистской революции обсуждался в литературе очень широко². Блауг писал, что речь, собственно, идет о смежных трех революциях: «революции предельной полезности в Англии и Америке, субъективистской революции в Австрии и революции общего равновесия в Швейцарии и Италии» (Блауг, 1994. С. 288).

Мы бы хотели прежде всего рассмотреть различные истоки теорий Менгера, Джевонса и Вальраса, из которых во многом и выросло их своеобразие. В данном случае нам придется обратиться к национальным стилям *экономического*

2. В частности, ему был посвящен специальный раздел альманаха «Истоки» (Автономов, Анянин и др. (ред.), 2015. С. 57–130).

анализа (не экономической мысли и не систем политической экономики, пользуясь терминологией Шумпетера, поскольку в двух последних случаях национальные особенности непосредственно связаны с объективными обстоятельствами, сложившимися в конкретных странах). Экономический анализ, в силу своей большей абстрактности, всегда склонен к универсальности и в меньшей степени к национальной специфике. Таким образом, искать эту последнюю в данном анализе — занятие трудное и вместе с тем интересное.

Существуют несколько способов исследовать эти национальные стили и их влияние на разных авторов.

Во-первых, это социология экономической науки (в качестве примеров можно привести книгу М. Фуркад (*Fourcade*, 2009), статью Б. Фрая и Р. Айхенбергера (*Frey, Eichenberger*, 1993)). Для этих авторов важно, как было устроено научное сообщество в разные эпохи в разных странах, как можно было достичь профессионального успеха и какой отпечаток это накладывало на стиль экономического анализа.

Во-вторых, исследование «филиации идей», которое провозгласил Шумпетер в своей «Истории экономического анализа». Нельзя не отметить, что при всем желании Шумпетера ограничиться филиацией идей большое место в его труде заняла история контекста, в котором эти идеи возникали и развивались — история человеческого духа в самом широком смысле, история философии и сопредельных наук (включая естественные). Этот контекст задавал некоторую интеллектуальную моду, влиявшую на развитие анализа.

В-третьих, это исследования так называемых *patristic legacies* (Перлманн и МакКанн), восходящих к Карлу Прибраму (*Pribram*, 1983). Эти наследия, идущие от философски-мировоззренческих истоков данной нации, какое-то время могут быть «спящими» (*Perlman, McCann*, 1998. P. 570), а точнее, подспудными, а затем выходить на поверхность и вдохновлять новые поколения аналитиков.

Кстати, не всегда бывает просто проследить за тем, кто повлиял на данного автора по сделанным им ссылкам. Иногда

самых близких по духу предшественников цитировать как раз не хочется (эта особенность была, в частности, характерна для Маршалла, но не для Джевонса).

Источники: Джевонс

Переходим к источникам маржиналистской революции, начиная с Джевонса. Его британскую традицию можно назвать эмпирическо-утилитаристской. Если возводить каждого большого европейского мыслителя к Платону или Аристотелю, то Джевонсу, безусловно, ближе последний, но более близким предшественником следует считать великого британского эмпириста-сенсуалиста Френсиса Бэкона. К нему восходит универсальное увлечение Джевонса естественными науками: химией, астрономией, метеорологией. Важна для него и британская прикладная механическая версия математики (в духе Уильяма Томсона – лорда Кельвина) (Maas, 2005. Pp. 13–22). Джевонс и сам изобрел несколько машин, том числе логическую (ibid. Pp. 128–137).

Следует отметить, что кроме английского Джевонс хорошо владел французским языком, что сыграло свою роль при составлении им перечня выдающихся экономистов-математиков прошлого (опубликованный в качестве предисловия ко второму изданию «Теории политической экономики»). Именно французы заняли в нем ведущее место, а англичане удостоились от автора упрека за недостаточное внимание к данной области знания.

Среди философов-обществоведов наибольшее влияние на Джевонса оказали английские утилитаристы, ориентированные на измерение человеческих поступков по критерию наслаждений и страданий, которые они приносят людям. Лозунг «наибольшего счастья для наибольшего числа людей» (Hutcheson, 1725 (1971). P. 129), принадлежащий учителю Адама Смита Френсису Хатчесону, был для Джевонса этически приемлемым, а наиболее развитую форму, к тому же связанную с принципиальной возможностью измерения чувств, придал этому лозунгу Джереми Бентам, труды кото-

рого Джевонс имел возможность изучать после возвращения в Англию в Университетском колледже Лондона, коридор которого украшало (и до сих пор украшает) чучело Бентама, завещанное им науке. Измерение ощущений по Бентаму — это основа научного анализа и правильных законов, которые как раз и смогут обеспечить наибольшее счастье наибольшему числу людей. Но у Бентама речь шла о моральной науке, лежащей в основе правильного законодательства³. Он был убежден в том, что каждый человек занимается такой важнейшей операцией, как подсчет наслаждений и страданий, хотя не мог точно определить, как, в каких единицах производится это измерение. Джевонс возродил утилитаризм как ведущую экономическую философию классической школы. Так что у маржиналиста Джевонса и его оппонентов-классиков был в данном случае общий философский источник. Но Джевонс хотел превратить экономическую науку из моральной в логико-математическую и эмпирическую дисциплину по образцу естественных наук. Опираясь он при этом на работы Н.У. Сениора, Р. Дженнинга и Т. Бэнфида (Maas, 2005. P. 205). При этом он перешел от Бентамовского коммутиаризма к индивидуализму, вычеркнув «охват» из списка измерений наслаждений и страданий. Методологический индивидуализм следует отнести к основным принципам Джевонса. Но математическая логика процесса для него была важнее, чем психологическая предпосылка гедонизма (Collison Black, 1973. P. 107). Даже там, где речь идет об агрегатных величинах вроде спроса и предложения, Джевонс говорит о торгующих сторонах (trading bodies), имея в виду *средние величины*, составленные из индивидов. Не случайно, крупнейшим мыслителем в области общественных наук Джевонс считал великого бельгийского статистика Адольфа

3. Джордж Стиглер писал: «Джереми Бентам поставил принцип полезности (понимаемый гораздо более широко, чем принято в экономической науке) на первое место в английских дискуссиях начала XIX века» (Perlman, McCann, 1998. Pp. 231–232). Причем первоначально его идеи имели успех в континентальной Европе и лишь после 1802 г. распространились среди представителей английской классической школы (ibid. P. 243).

Кетле, который считал необходимым строить «социальную физику» на основе средних величин (Maas, 2005. P. 175). «Точная» наука должна иметь дело с измеримыми количествами. Согласно Джевонсу, сначала экономическая наука может (на уровне, достигнутом им в «Теории политической экономии») существовать на основе интуитивных аксиом, но впоследствии, на эмпирическом уровне, она должна из «математической» науки превратиться в «точную» с привлечением статистики. Джевонс утверждал, что поведение, изображенное в его теоретической модели, должно статистически отразиться в среднем агрегатном поведении (Mosselmans, 2007. P. 7). Логика плюс статистика – вот ключ к точной экономической науке или «комплексу наук с математическим ядром и статистической оболочкой» (Collison Black, 1973. P. 111).

Первую часть своей программы движения к точной науке Джевонс отчасти успел осуществить (полезность в первом издании «Теории политической экономии» предполагалась непосредственно неизмеримой, во втором – косвенно измеримой через деньги (Perlman, McCann, 1998. P. 313) – кстати, такая идея была еще у Бентама), вторую – нет, за исключением расчета функции цены зерна от его предложения по данным, опубликованным политическими арифметиками XVIII в. Г. Кингом и Ч. Дэвенантом (Джевонс, 2021. С. 198–201).

Кроме того, Джевонс сделал шаг к тому, чтобы превратить экономическую науку в точную экспериментальную дисциплину. Вдохновленный открытиями Э. Вебера и Г. Фехнера и работами Ричарда Дженнингса, пытавшегося поставить политическую экономию на физиологическую основу (Maas, 2005. P. 171), он сам провел эксперимент, измеряющий реакцию мускулов на физическую нагрузку, и описал его результаты во влиятельном журнале (On the Natural Laws of Muscular Exertion // Nature. 1870) (ibid. P. 168).

Таким образом, Джевонса вполне можно было бы назвать также одним из основоположников экспериментальной экономики. Он полагал, что связать механику и математический

подход к экономике можно именно посредством психофизиологических экспериментов (*ibid.* P. 25).

При этом Джевонс не видел экономическую науку единой и монолитной. Он предпринимал энергичные усилия по созданию единой экономической теории, которая, в отличие от классической политической экономии, должна быть приложима ко всем главным сферам: производству, распределению, обмену и потреблению (*Perlman, McCann, 1998. P. 320*). В то же время необходима четкая классификация внутри экономической науки в широком смысле. «Мы должны отличать эмпирический элемент от абстрактной теории, от прикладной теории и от искусства финансов и администрирования⁴. Так возникнут разные науки, например, торговая статистика, математическая теория экономики, систематическая и описательная экономика, экономическая социология и фискальная наука». При этом «метод может быть теоретическим, эмпирическим, историческим или практическим» (*Джевонс, 2021. С. 50*). Но все эти частные экономические науки должны стоять как на фундаменте на неких общих принципах: механике работы собственного интереса и полезности (там же. С. 51), т. е. математической теории экономики.

Из троих основателей маржиналистской революции Джевонс был наиболее щедр к своим идейным предшественникам. Этим он, конечно, облегчил задачу своим историкам. Его предисловие ко второму изданию «Теории политической экономии» содержит не просто список экономистов-математиков прошлого, но и их содержательную классификацию, которую вполне можно было бы назвать первой историей экономического анализа задолго до капитального труда Шумпетера. Туда вошли как «правильные» теоретики ценности, не использовавшие математику (Кондильяк), так и выдающиеся матэкономисты, не считающие необходимой теорию ценности (Курно). Но наиболее близкими себе пред-

4. Мы можем привести пример каждой из этих групп из произведений самого Джевонса: исследования экономических циклов на базе солнечной активности, «Теория политической экономии», «Угольный вопрос», «Деньги и механизм обмена».

шественниками Джевонс вполне обоснованно назвал Жюля Дюпюи и Германа Генриха Госсена, соединивших верную теорию ценности с математическими инструментами, хотя и недостаточно адекватными с точки зрения автора.

Джевонса, как в силу его кипучего темперамента, так и по причине необходимости преодолевать достаточно мощную ортодоксию английской классической политической экономии, можно назвать если не единственным, то главным подлинным революционером среди основоположников маржиналистской революции. Ему действительно приходилось бороться против тирании Дж. С. Милля и Дж. Э. Кэрнса, диктовавших свое понимание науки политической экономии. Знаменательно, что последний параграф «Теории политической экономии» Джевонс назвал «Вредное влияние авторитета»!

[Политэкономия должна быть «механикой собственного интереса и полезности», но обладает большой общностью, так как имеет дело с универсальными законами человеческих потребностей (Джевонс, 2021. С. 95)].

Источники: Менгер

Традицию, в которой работал Карл Менгер, можно назвать субъективистской, каузально-генетической и, конечно, немецкой с большим влиянием схоластической и античной литературы. Что касается великих античных предшественников, то Аристотель был для Менгера не просто вознесенным на пьедестал предметом поклонения, но и непосредственным собеседником. Менгер часто цитировал его сочинения и в экономических, и в методологических трудах. В отличие от Платона, у которого мир идей и сущностей существовал наряду с миром чувственно воспринимаемых вещей, Аристотель понимал сущности как возможности, просвечивающие сквозь реальные вещи (Milford, 1997. S. 106).

Здесь вряд ли можно согласиться с Марком Блаугом, который связал Менгера с неокантианским философским климатом Австрии (Blaug, 1973. P. 3). В области философии

Менгер, кажется, был старомоднее своих венских современников. Внимание к окружающему миру, стремление найти в нем смысл и вскрыть его логику, опора на принципы непротиворечивости и достаточного основания — это можно, в принципе, отнести и к влиянию Аристотеля. Из немецких философов, вдохновлявших Менгера (и не только немецких, но и русских экономистов (Чаплыгина, 2020)), можно упомянуть Готфрида Лейбница и Христиана Вольфа (Silverman, 1990. P. 77) с их антропоцентризмом, когда наибольший интерес представлял человек и его нужды. Это отличало их, например, от Джона Локка, для которого человеческое сознание было чистым листом бумаги, пассивно воспринимающим впечатления. Но исходным пунктом познания был индивид, его мысли и ощущения, но на них в свою очередь влияло общество.

Принадлежность Менгера к австрийской школе и его последующий ожесточенный спор о методе с главой новой немецкой исторической школы Густавом фон Шмоллером побудили многих историков мысли, начиная с англomана Шумпетера, весьма отрицательно относившегося к немецкой мысли⁵, отделить Менгера и австрийцев от немецкой традиции и удивляться тому, как австрийская школа в лице Менгера внезапно вышла на поверхность, как Афина из головы Зевса (Streissler, 1977. S. 40)⁶. «Антиреволюционное» посвящение основной теоретической работы Менгера самому авторитетному представителю немецкой исторической школы Вильгельму Рошеру долгое время связывалось с некоторым лицемерием или желанием пробиться на немецкий рынок⁷.

-
5. Наблюдающийся также несколько более поздний антибританский уклон Шумпетера-историка (негативное отношение к Смиуту и Маршаллу в «Истории экономического анализа») связан скорее с его презрением к плоской философии английского утилитаризма. Здесь можно заметить отношение католического юноши-воспитанника Терезианума к британскому и прусскому протестантству.
 6. «Менгер не был ничьим учеником», — дважды повторяет Шумпетер в посвященном ему некрологе (Шумпетер, 2011. С. 133).
 7. Хотя Рошер соединял методологический коллективизм с субъективной теорией ценности (потребности задаются обществом).

Лишь начиная с работ Э. Штрайсслера, связь, соединяющая Менгера с немецкой традицией, которая выходила далеко за рамки исторической школы, не была прусской, включала как классиков, так и протонеклассиков, была восстановлена. Менгера можно воспринимать как продолжение и завершение немецкой протонеклассической традиции (Streissler, 1977). Незаметность этой традиции для историков экономической науки объясняется во многом тем, что немецкие профессора традиционно писали учебники, а не теоретические трактаты. Между тем надо отметить малоизвестный факт, что экономическая наука стала в Германии академической дисциплиной раньше, чем в Англии и США (экономический журнал издавался с 1844 г.).

Связь Менгера с немецкой традицией подтверждают не только посвящение Рошеру, но и многочисленные ссылки на немецких ученых в самом его тексте. Менгер, действительно, искренне считал, что «обработанная нами здесь область,... в немалой доле представляет собой результат новейшего развития немецкой политической экономии, и предлагаемый здесь опыт *реформы основ нашей науки* (курсив мой. — В.А.) последовал на почве предварительных работ, созданных почти исключительно немецким трудолюбием» (Менгер, 2005. С. 64).

Немцы примыкали к Смиту, но придерживались субъективной теории ценности. Они отвергали линию Д. Рикардо и Дж.С. Милля и связывали А. Смита скорее с консервативным меркантилистом Джеймсом Стюартом, взгляды которого больше подходили условиям немецких государств (Streissler, 1997. S. 49). При этом немцы не были методологическими индивидуалистами, поскольку подчеркивали, что потребности закладывались в человека обществом.

Среди немецких экономистов далеким предшественником Менгера называют Готлиба Гуфеланда (Hufeland, 1807), сочетавшего методологический индивидуализм с радикальной теорией субъективных оценок (Milford, 1997. S. 95): категории экономического *блага* (gut), в которое человек в силу идей

превращает обычную *вещь* (*ding*), ценности, богатства выстраивались в причинную цепочку, как и у Менгера. Гуфеланд рассматривает экономику лишь со стороны спроса и прежде всего оценки благ и отказывается от анализа производства (*Milford*, 1997). Он, как и его далекий австрийский последователь, подчеркивает роль знания в оценке ценности. Менгер пять раз цитировал его в «Основаниях» (*Streissler*, 1977. S. 44).

Идея убывающей предельной полезности была четко высказана и одним из главных представителей немецкой исторической школы Бруно Гильдебрандом, что опять-таки было хорошо известно Менгеру (*ibid.* S. 45).

В теории Карла Генриха Рау, учебники которого, вышедшие в 1826–1869 гг., занимали центральное место на германском рынке, цены определялись спросом и предложением; в нее входили концепция убывающей предельной полезности (1837), падающая кривая спроса (введена автором в издание 1841, независимо от Курно), диаграммы спроса и предложения с равновесным пересечением (1841), снижение предельной полезности денег (*Kurz*, 2016. P. 253). Рау так же, как и Менгер, придерживался в своих учебниках логики потребность—благо—экономика. Хотя если Рау развивает эту логику на 1–3 страницах, то Менгеру требуется для этого 76! (*Streissler*, 1977. S. 50).

Самым ярко выраженным протонеоклассиком среди немецких экономистов считается Фридрих Бенедикт Вильгельм фон Германн. В своей истории немецкой экономической мысли Рошер отметил Менгера именно как последователя Германна. У Германна полезность и спрос задают верхнюю границу рыночных цен, издержки — нижнюю. Полезность, таким образом, является субъективной основой цены, а издержки — объективной. Кроме того, в его книге 1832 г. встречаются и альтернативные издержки. По Германну, единая теория цены применима и к факторам производства. Предельный продукт выступает как цена фактора производства, а распределение — обратная часть теории обмена (*ibid.* S. 42). Более того, у Германна мы встречаем

и знаменитую менгеровскую идею, связывающую время с заблуждением! (ibid. S. 46).

Таким образом, по мнению Штрайсслера, в немецкой экономической теории до Менгера уже встречались все маржиналистские концепции, и ему оставалось лишь уточнить их и встроить в логически стройную систему (Streissler, 1990. P. 46), что делает его миссию похожей на миссию Маршалла. Он полагал, что предельные концепции были давно знакомы Менгеру в отличие от Джевонса и Вальраса! (ibid. P. 59).

Субъективная теория ценности существовала и у представителей немецкой исторической школы, но она соединяла ее с методологическим коллективизмом (индивидуальные потребности и, следовательно, ценности порождались обществом, кроме того существовали коллективные, общественные и культурные потребности, которые также надо было принимать во внимание (Kurz, 2016. P. 253)), и на долю Менгера выпало вернуть ее на базу последовательного методологического индивидуализма.

Кроме немецких влияний на Менгера и созданную им австрийскую школу исследователи называют Саламанкскую школу и Шотландское просвещение, включая Адама Смита, его учителя Фрэнсиса Хатчесона и друга Дэвида Юма. Особое значение имели унаследованные от шотландцев идеи «невидимой руки» и «спонтанного порядка» (ibid. P. 260).

Менгер предложил новый вариант субъективной теории ценности, основанный на методологическом индивидуализме, влияния общества на потребности не отмечается. Другие новшества, внесенные Менгером в немецкую протонеоклассическую традицию — это вертикальная зависимость благ низших и высших порядков, время-заблуждение — аналогов в немецкой литературе не было. Новым элементом, внесенным Менгером в немецкую традицию, была и взаимозависимость полезностей различных благ (так называемый Второй закон Госсена) (Streissler, 1977. S. 66).

Если мы сравним Менгера с Джевонсом, то в центре внимания первого была субъективная оценка блага, а второго —

пропорции обмена (бартера). Маржинализм Джевонса был утилитаристским, а маржинализм Менгера – субъективным» (*Perlman, McCann, 1998. P. 362*). «Процесс определения ценности у австрийцев происходит полностью в воображении» (*Shackle, 1972, цит. по: (Perlman, McCann, 1998. P. 410)*). У Менгера обмен даже может не состояться. Главное для него – субъективная ценность, определяемая человеком, а не цена, определяемая обменом, а для Джевонса главное и единственное – цена (меновое соотношение), а категория ценности вообще не употребляется. Можно сказать, что Менгер как аналитик-маржиналист уступал Вальрасу и даже Джевонсу, но его объект исследования выходил далеко за рамки маржинализма – его теория благ была неразрывно связана со знанием, с информацией, неопределенностью.

Как мы уже поняли, Менгер не считал себя революционером в экономической науке, поскольку чувствовал преемственность со многими немецкими предшественниками. У него не было необходимости сражаться против классической теории фонда заработной платы, поскольку на немецкой почве она была опровергнута его предшественником Германном уже в 1832 г. (*Hutchison, 1973. P. 179*). Недостаточный интерес к теоретическим новациям Менгера в немецкоязычном пространстве был связан прежде всего с тем, что господствовавшая в это время новая историческая школа вообще относилась к теории пренебрежительно, что и сказалось в последующем споре о методах между Менгером и Шмоллером. Менгер подозрительно относился к детерминистским теориям цен, подчеркивал прерывность экономических функций, большое значение неопределенности и торга. Эта его установка надолго определила специфику австрийской школы, лидировавшей в исследованиях неопределенности (включая соратника Джона фон-Неймана Оскара Моргенштерна) и предпринимательства (достаточно назвать И. Шумпетера, Л. Мизеса, Ф. Хайека, И. Кирцнера). Именно она привела к тому, что Менгер избегал математики и логики максимизационных задач. Часто несклонность Менгера к математике объясня-

лась его юридическим образованием, но изрядное количество книг по математике, на которые он ссылался в переписке с Вальрасом⁸, а также тот факт, что его брат и сын были выдающимися математиками, говорят в пользу более сложного обоснования этого явления⁹. Его теория не определяет точку равновесия, а описывает силы, ведущие к нему (*Streissler*, 1973. P. 173). Экономика, которую описывает Менгер, преимущественно не находится в состоянии равновесия, а потому к ней неприменимо дифференциальное исчисление (*ibid.* P. 174).

Метод Менгера

Первая фраза, с которой Менгер начинает «Основания», гласит: «Все явления подчинены закону причины и следствия». И чуть далее: «Те явления, которые обладают способностью быть поставленными в причинную связь с удовлетворением человеческих потребностей, мы называем «*полезностями*», поскольку же мы познаем эту причинную связь и в то же время обладаем властью действительно применить данные предметы к удовлетворению наших потребностей, мы называем их *благами*» (*Менгер*, 2005. С. 65). Здесь мы сразу встречаем две главные для Менгера методологические категории: причинную связь и ее познание.

Каузально-генетический метод, используемый Менгером, отличается следующими свойствами. Он интроспективен в большей степени, чем метод классической политической экономии, где интроспективно вводилась только предпосылка стремления к богатству. В теории Менгера мы учитываем также уменьшение значения блага по мере удовлетворения потребности в нем, индивидуальные знания. Он интерпретативный, т. е. требует от исследователя *понимания*

-
8. В одном из этих писем Менгер пишет, что «проверять строгую теорию вычислениями так же абсурдно, как проверять принципы геометрии измерениями реальных объектов» (*Menger*, 1884).
 9. В частности, Карл Менгер-младший всегда утверждал, что неприязнь его отца к математическому формализму в экономике была связана с его убеждением, что качественным факторам должно придаваться не меньшее значение, чем количественным (*Perlman, McCann*, 1998. P. 428).

действий экономического субъекта, а не их *измерения* (что было идеалом Джевонса). Методологический индивидуализм присущ Менгеру больше, чем Джевонсу, который вынужден был прибегать к «торгующим сторонам», когда речь заходит о кривых спроса и предложения.

В центре внимания Менгера, в отличие как от Джевонса, так и тем более от Вальраса, была не статическая взаимозависимость участников обмена, а временная последовательность их действий, например, этапы восхождения от ценности потребительских благ к ценностям благ высших порядков. Это включение в анализ фактора времени придало австрийской школе динамический характер, несвойственный другим направлениям маржинализма. По словам Эмиля Каудера, идеал причинности у Менгера заменяет идеал взаимозависимости, как у Вальраса. И это он считает непосредственно аристотелевским методом (*Kauder, 1957*). Причинный метод явно противостоит функциональному, при котором отсутствует какая-либо иерархия взаимосвязанных явлений. Как отмечает Эмиль Каудер, речь идет о «поиске вневременных категорий, позволяющих понять внешние явления» (*Kauder, 1957*). У Менгера теория стремится понять причины существования объектов, конструирует строго определенные типы и отношения между ними, которые действуют во все времена и во всех местах (*Winch, 1973. P. 65*). Блага выводятся из потребностей, экономические блага из благ, блага высших порядков из благ низших порядков, субъективная ценность из экономических благ, цена из соотношения индивидуальных субъективных цен и т.д. Карл Менгер-младший, математик и сын Карла Менгера-старшего, отмечал, что австрийцы ищут сущность экономических явлений (первый параграф «Оснований», который мы уже цитировали, называется «О сущности благ»).

Источники: Вальрас

Леон Вальрас — представитель французской картезианско-математической традиции. Французская чистая математика сильно отличалась от английской механики, что отметил

еще Пьер Дюгем: (*Maas*, 2005. P. 19). Ее кредо – рационализм против эмпиризма. Вместо индивидуалистской – коммунистическая позиция, трактовка общества как органического целого, структуры, возможно, состоящей из классов.

Вместо материалиста Аристотеля античный покровитель этой традиции – идеалист Платон. Вместо эмпирика и сенсуалиста Бэкона – рационалист Декарт, для которого критерием истинности мысли является ее ясность и отчетливость. Есть сведения, что одной из причин, в силу которой молодой Леон провалил вступительный экзамен в Политехническую школу (*École Polytechnique*) было как раз чтение Лагранжа, Ньютона и Декарта вместо более подходящих случаю учебников (*Colm*, 1993. P. 83).

Экономику как органическое и структурированное целое впервые представил Франсуа Кенэ в своей знаменитой таблице, но черты этого подхода мы встречаем уже в написанном на французском языке трактате Кантильона в середине XVIII в. (кстати, честь его открытия, как и труда Госсена, принадлежит Джевонсу). Переход экономической науки от моральной к дедуктивно-картезианской произошел уже у Джеймса Милля и особенно Рикардо (*Perlman, McCann*, 1998. P. 267). Так что, в отличие от немцев, французам не было полностью чуждо рикардианство. Следующий французский представитель этой традиции – Жан-Батист Сэй, закон рынков которого Шумпетер называет истинным предшественником системы общего равновесия Вальраса (*Шумпетер*, 2001. С. 1091) Но полезность и ценность, по Сэю, определяются не на индивидуальном уровне, а в обществе – черта, свойственная французской и немецкой традиции теории полезности. Особое место среди предшественников Вальраса занимает Антуан Огюстен Курно (одноклассник его отца (*Perlman, McCann*, 1998. P. 493). По мнению Вальраса, до Курно экономисты, думающие математически, выражали свои мысли обыденным языком, и лишь он первым применил математику к экономике открыто и компетентно (*Jaffé*, 1973. P. 116). У Курно не было теории ценности и он не видел в ней необходимости, он оперировал только

меновыми соотношениями-ценами. Зато в области математических инструментов экономического анализа он стал истинным основоположником — и не только французских исследователей. Его неоценимый шаг заключался в оперировании не числами, а функциями неизмеримых величин. Построение своей системы общего равновесия Вальрас начал с расширения модели Курно, описывающей торговлю двух регионов одним благом. У Вальраса два торговца обмениваются уже двумя благами. Но Курно начинал свои исследования с монополии (как Менгер), а не с совершенной конкуренции (как Вальрас). Интересно, что Вальрас звал престарелого Курно на свою лекцию в Лозанне, но тот к тому времени уже ослеп и перестал пользоваться математикой (Howey, 1973. P. 22).

Еще одним французским идейным предшественником Вальраса мог быть инженер Ашиль Николя Инар, труды которого Вальрас читал (Perlman, McCann, 1998. P. 493).

Ну и конечно, родной отец Огюст Вальрас, рассказавший в 1831 г. 14-летнему сыну о связи ценности с полезностью и редкостью. Идею эту он унаследовал от С. Пуффендорфа и Женевского профессора Ж.Ж. Бурламаки (Jaffé, 1973. Pp. 124–125), но не смог ее развить. Rareté — так Огюст Вальрас (и вслед за ним его сын) называл предельную полезность — имела в его незаконченной рукописи форму отношения совокупной полезности блага для всех потребителей к его количеству. Сыну понадобилось 40 лет размышлений и помощь коллег-математиков по Лозаннскому университету Пикара, чтобы исполнить завещание отца. В письме матери Леон назвал свою работу «картиной маслом по карандашному рисунку отца» (Howey, 1973. P. 23). Удивительно, что лозаннский профессор механики Антуан Поль Пикар предложил добавить предельную полезность в виде дифференциального коэффициента в книгу Вальраса, когда та была уже готова к изданию!¹⁰ (ibid. P. 24). Теория общего равно-

10. Автором еще одного вальрасовского «открытия» соотношения относительных цен и предельных производительностей был другой лозаннский профессор математик Амстайн (Colm, 1993. P. 83).

весия могла появиться на свет без выведения функций спроса из функций полезности (Tarascio, 1993. Рр. 66–67). Трудно представить, но Вальрас не знал условий максимума функции! Дифференциальное исчисление стало общедоступным во Франции только в 1860-х гг., когда математическое образование Вальраса в Школе Шахт осталось далеко в прошлом. Мне кажется чрезвычайно глубокой мысль Уильяма Жаффе о том, что именно популяризация дифференциального исчисления стала одной из главных причин маржиналистской революции (Jaffé, 1973. Р. 134).

Вальрас был не настолько щедр к своим предшественникам, как Джевонс. Госсена он вслед за Джевонсом признал, но Тюнена и Дюпюи больше критиковал, чем одобрял.

Но революция не бывает без врагов! Против кого же восставал Вальрас, действительно чувствовавший себя изгоем среди французских экономистов? Ими были догматичные сторонники *laissez-faire* (типа Бастиа) и враги математики среди «мандаринов» французской экономической науки, обитавших на юридических факультетах (Hutchison, 1973. Р. 182).

С первой своей публикации 1859 г. Вальрас пришел к убеждению, что экономическая теория требует математического подхода, и с тех пор поиск метода, а не решение конкретных задач, стал основой его трудов (Шумпетер, 2011. С. 118).

По мнению Вальраса, политическая экономия объединяет науку, искусство и этику. Наукой, причем «физико-математической наукой», должна быть «чистая политическая экономия»: «теория определения цен при гипотетических условиях совершенно свободной конкуренции» (Вальрас, 2000. С. XVIII). Эти цены объявлялись Вальрасом «верными», соответствующими природе человека. Критерий такой науки – истина, но она не требует верификации и полностью безразлична к последствиям, хорошим или дурным. Это идеальный мир сущностей, не обязательно доступных реализации (вспомним Платона!). Именно чистая наука, по мнению Вальраса, раскрывает сущность меновой ценности общественного богатства (Baranzini, Allisson, 2016. Р. 291).

Отметим, что наследник Вальраса по лозаннской кафедре В. Парето его философского идеализма не унаследовал.

На менее глубоком уровне абстракции существует прикладная экономическая наука, или «теория экономического производства общественного богатства или организации индустрии в рамках разделения труда» (Вальрас, 2000. С. 28). Фактически дело у Вальраса дошло лишь до денежной политики и организации производства. Это уже не наука, а искусство, и критерий его – польза, а не истина¹¹. Математика, которая используется на этом уровне, – это уже не общие и абстрактные формулы «чистой» политической экономии, а «специальные детерминированные формулы», «которые могут быть использованы для подсчета цены, не дожидаясь, пока это сделает рынок» (Perlman, McCann, 1998. P. 496).

Наконец, на самом высоком этаже находится «социальная экономическая наука», решающая вопросы распределения и собственности и следующая правилам справедливости и морали (Вальрас, 2000. С. 31–32).

Программа Вальраса состояла в том, чтобы найти научные решения социальных вопросов. Но путь от чистой теории к социальным вопросам у него был более сложным, длительным и менее проницаемым, чем, например, у Маршалла.

Например, вначале было необходимо изучить естественные и необходимые последствия свободной конкуренции согласно чистой теории, а лишь затем, например, оценивать сравнительные достоинства фритредерства и ограничения конкуренции.

Главной заслугой Вальраса перед экономической наукой стало построение теории рыночного ценообразования и ее аналитическая связь с предельной полезностью (Jaffé, 1973. P. 120). У Джевонса речь шла о ценообразовании при бартере, а не на рынке, а Менгер уделил основное внимание, скорее, оценке человеком блага и субъективной ценности последнего.

11. Здесь нельзя не вспомнить Фридриха Листа и его полемику против излишнего увлечения меновой ценностью и забвения производительных сил в книге А. Смита.

Именно с Менгером остроумно сравнил Вальраса Джордж Стиглер: «Он [Вальрас] имел в виду удовлетворение на рынке, а не за обеденным столом» (*Stigler*, 1965. P. 124).

Коммуникации между основателями маржинализма и их отношение к политике

Изолированность трех источников маржиналистской революции находит отражение и в отсутствии коммуникации между самими революционерами.

С конца 1840-х гг. и до конца 1860-х гг. между Британией и Континентальной Европой, в общем-то, не было коммуникации в области экономической теории (*Hutchison*, 1973. P. 177).

Библиофил и неистовый читатель Джевонс прочел работу Вальраса в 1874 г. в *Journal des économistes* и написал ему. Завязалась интенсивная переписка и началось сотрудничество, приведшее к составлению списка предшественников и формированию кружка европейских матэкономистов. Между Джевонсом и Вальрасом было много разногласий и по предмету, и по методу, но перед лицом враждебной ортодоксальной среды они не выдвигали их на первый план. Джевонс погиб, так и не узнав о существовании книги Менгера. Вальрас узнал о теоретическом трактате Менгера в 1883 г. (из письма Ольниса де Буруйя) после его выхода в свет и завязал с ним переписку. Интересно, что Менгер был знаком с работами Вальраса и ранее, и в письме отмечал некоторое родство с его собственными устремлениями (*Tarascio*, 1993. P. 68), но не в той степени, как это подчеркивал Вальрас¹². При этом Менгер перечислил находящиеся в его библиотеке 10 книг по математической экономике, включая труд Курно (который, как мы знаем из письма Менгера Файльбогену, «оказал на его дух особое влияние») (*Howey*, 1973. P. 21). Антиматематическая позиция Менгера была принципиальной и обозначала рубеж между ним и другими маржиналистами.

12. «Месяе, мы очевидно поставили одну и ту же проблему и, очевидно, приступили к ее решению, используя один и тот же метод» (*Howey*, 1973. P. 29).

Интересно отметить, что в области экономической политики все трое отцов-основателей скорее придерживались классических принципов и не предпринимали почти никаких попыток применить к политике свою новаторскую теорию ценности. При этом Джевонс, которого автор предисловия к русскому дореволюционному переводу его «Учебника политической экономии» (Джевонс, 2021. С. 350) корил за «манчестерство», вовсе не был прямолинейным сторонником Р. Кобдена и Дж. Брайта. Будучи верным последователем И. Бентама, он призывал к законам, увеличивающим сумму счастья в каждом конкретном случае (Jevons, 1882). Так что злободневный в то время вопрос о пользе или вреде профсоюзов должен был решаться не принципиально и однозначно, а в каждом случае отдельно. Джевонс был гибким утилитаристом, но не приверженцем «манчестерства» (и не маржиналистом в политике!). Лишь последующие английские экономисты Маршалл и Пигу сделали операциональным утилитаристский критерий максимизации агрегатного благосостояния и заставили маржинализм работать применительно к экономической политике.

Надо сказать, что в Германии и Австрии экономической теорией и экономической политикой занимались разные кафедры, и Менгер по должности за политику не отвечал. Но в 1876 г. ему было поручено читать лекции наследнику австрийского престола эрцгерцогу Рудольфу. В этих лекциях, которые недавно были изданы, мы встречаем не маржиналиста, а классического либерала, последовательного поборника экономической свободы и заветов Адама Смита, а в чем-то и более либерального, чем последний (вмешательство государства он допускал только в случае внешних эффектов (Streissler, 1977. S. 80)). В статье, посвященной 100-летней годовщине смерти Адама Смита, он защищал его и классиков от нападок представителей немецкой исторической школы, доказывая, что они не были социал-дарвинистами, а защищали бедных и слабых. Читая эту статью, мы понимаем, что за ожесточенным спором о методах против Шмоллера со стороны Менгера

не только скрывалась страсть к дедукции, но и проявлялись четкие политические позиции. Кроме того, Менгер различал за взглядами исторической школы позиции мощных групп интересов, и его полемика с ними в чем-то продолжала либеральную полемику Смита с меркантилистами. В то же время Менгер, признавая, что рынок — система, управляемая потребительскими предпочтениями, допускал, что собственность можно и переделить, а потребителей подправить, поскольку реальные цены иногда не соответствуют экономическим (людям, согласно Менгеру, свойственно ошибаться) (*Kirzner*, 1990. Рр. 101–103).

Политическая позиция Вальраса, в основе которой была оптимальная аллокация ресурсов, вообще своеобразна. Она привела его к квазисоциализму при национализации земли, которую он считал естественной монополией, и отмене налогов. Распределением в экономике (в отличие от производства и обмена) должно было заниматься общество, а не рынок.

Таким образом, маржиналистская революция, которая реально была таковой только в Англии, проистекала из трех совершенно разных источников, которые объединяет лишь сходная теория ценности и так или иначе связанный с ней идеал строгой науки. «Совпадение полученных им [Вальрасом] результатов с выводами Менгера и Джевонса поразительно настолько же, насколько поразительно далеки друг от друга их отправные точки и методы» (*Шумпетер*, 2011. С. 121).

Родники бьют из трех подземных рек примерно в одном месте, но обладают разными свойствами: теоретическими, идеологическими, политическими. Английская утилитаристская традиция ведет к направленной на общественное благо государственной политике, немецкая субъективистская — исследованиям информации, неопределенности и предпринимательства, картезианская французская — построению всеобъемлющей экономической системы. Из них вытекает современная экономическая неоклассическая наука, которая, в свою очередь, разливается на разные рукава (вальрасианский, маршаллианский, австрийский).

ЛИТЕРАТУРА

- Автономов В.С., Ананьин О.И. и др. (ред.) (2015). Истоки: качественные сдвиги в экономической реальности и экономической науке. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Блауг М. (1994). Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело.
- Вальрас Л. (2000). Элементы чистой политической экономии, или Теория общественного богатства. М.: Изограф.
- Джевонс У.С. (2021). Теория политической экономии. С приложением «Учебника политической экономии». М.; Челябинск: Социум.
- Менгер К. (2005). Избранные работы. М.: Территория будущего.
- Чаплыгина И.Г. (2020). Камерализм и философия естественного права // *Terra Economicus*. Т. 18. № 4. С. 97–110.
- Шумпетер Й. (2001). История экономического анализа. Т. 3. СПб.: Экономическая школа.
- Шумпетер Й. (2011). Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Baranzini R., Allisson F. (2016). *Lausanne School / Handbook on the History of Economic Analysis*. H. Kurz, G. Faccarello (eds.). Vol. II. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar. Pp. 281–294.
- Blaug M. (1973). Was There a Marginal Revolution? In: R.D. Collison Black, A.W. Coats, D.W. Goodwin (eds.). *The Marginal Revolution in Economics: Interpretation and Evaluation*. Durham: Duke University Press. Pp. 3–14.
- Collison Black R.D. (1973). W.S. Jevons and the Foundation of Modern Economics. In: R.D. Collison Black, A.W. Coats, D.W. Goodwin (eds.). *The Marginal Revolution in Economics: Interpretation and Evaluation*. Durham: Duke University Press. Pp. 98–112.
- Collison Black R.D., Coats A.W., Goodwin C.D.W. (eds.). (1973). *The Marginal Revolution in Economics: Interpretation and Evaluation*. Durham: Duke University Press.
- Colm S.-C. (1993). *Léon Walras' Correspondence and Related Papers: The Birth of Mathematical Economics / Léon Walras: Critical Assessments* Vol. I. (ed. J. Cunningham Wood). L., N.Y.: Routledge. Pp. 81–93.
- Fourcade M. (2009). *Economists and Societies*. Princeton: Princeton University Press.
- Frey B., Eichenberger R. (1993). American and European Economics and Economists // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 7. Issue 4. Pp. 185–193.
- Howey R.S. (1973). The Origins of Marginalism. In: R.D. Collison Black, A.W. Coats, D.W. Goodwin (eds.). *The Marginal Revolution in*

- Economics: Interpretation and Evaluation. Durham: Duke University Press. Pp. 15–36.
- Hufeland G.* (1807). *Neue Grundlegung der Staatswirtschaftskunst*. Giessen und Wetzlar.
- Hutcheson F.* (1971). (1725). *An Inquiry into the Original of Our Ideas of Beauty and Virtue*. Hildesheim: Georg Ohlms Verlagsbuchhandlung.
- Hutchison T.W.* (1973). *The Marginal Revolution and the Decline and Fall of English Classical Political Economy*. In: R.D. Collison Black, A.W. Coats, D.W. Goodwin (eds.). *The Marginal Revolution in Economics: Interpretation and Evaluation*. Durham: Duke University Press. Pp. 176–202.
- Jaffé W.* (1973). *Léon Walras's Role in the "Marginal Revolution"* In: R.D. Collison Black, A.W. Coats, D.W. Goodwin (eds.). *The Marginal Revolution in Economics: Interpretation and Evaluation*. Durham: Duke University Press. Pp. 113–139.
- Jevons W.S.* (1882, 2002). *The State in Relation to Labour*. Milton Park: Routledge.
- Kauder E.* (1957). *Intellectual and Political Roots of the Older Austrian School // Zeitschrift für Nationalökonomie*. Bd. 17, H. 4. S. 411–425.
- Kirzner I.* (1990). *Liberalism and the Austrian School*. In: B.J. Caldwell (ed.). *Carl Menger and his legacy in economics*. Durham and London: Duke University Press. Pp. 93–106.
- Kurz H.* (2016). *German and Austrian Schools*. In: H. Kurz, G. Faccarello (eds.) *Handbook on the History of Economic Analysis*. Vol. II. Cheltenham, Northampton: Edward Elgar. Pp. 252–273.
- Maas H.* (2005). *William Stanley Jevons and the Making of Modern Economics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Menger C.* (1884). *Letter to Walras, February 1884*. In: Gloria-Palermo, Sandye (ed.). *Evolution of Austrian Economics: From Menger to Lachmann* (2001). London and New York: Routledge.
- Milford K.* (1997). *Hufeland als Vorläufer von Menger und Hayek*. In: Birger P. Priddat (Hrsg.). *Wert, Meinung, Bedeutung: Die Tradition der subjektiven Wertlehre in der deutschen Nationalökonomie vor Menger*. Marburg: Metropolisverlag. S. 89–160.
- Mosselmans B.* (2007). *William Stanley Jevons and the Cutting Edge of Economics*. L., N.Y.: Routledge.
- Perlman M., McCann C.R.Jr.* (1998). *The Pillars of Economic Understanding: Ideas and Traditions*. Ann Arbor: The University of Michigan Press.
- Pribram K.* (1983). *A History of Economic Reasoning*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

- Shackle G.L.S.* (1967). *The Years of High Theory: Invention and Tradition in Economic Thought 1926–1939*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Shackle G.L.S.* (1972). *Epistemics & Economics: A Critique of Economic Doctrines*. Piscataway, N.J.: Transaction Publishers.
- Silverman P.* (1990). The cameralist roots of Menger's achievements. In: B.J. Caldwell (ed.). *Carl Menger and his legacy in economics*. Durham and London: Duke University Press. Pp. 69–92.
- Stigler G.* (1965). *Essays in the History of Economics*. Chicago, London: University of Chicago Press.
- Streissler E.* (1973). To What Extent Was the Austrian School Marginalist? In: R.D. Collison Black, A.W. Coats, D.W. Goodwin (eds.). *The Marginal Revolution in Economics: Interpretation and Evaluation*. Durham: Duke University Press. Pp. 160–175.
- Streissler E.* (1977). Carl Menger, der deutsche Nationalökonom. In: Birger P. Priddat (Hrsg.). *Wert, Meinung, Bedeutung: die Tradition der subjektiven Wertlehre in der deutschen Nationalökonomie vor Menger*. Marburg: Metropolisverlag. S. 33–88.
- Streissler E.* (1990). The Influence of German economics on the work of Menger and Marshall. In: B.J. Caldwell (ed.). *Carl Menger and his legacy in economics*. Durham and London: Duke University Press. Pp. 31–68.
- Tarascio V.J.* (1993). Leon Walras: on the Occasion of the Publication of his Correspondence and Related Papers. In: J. Cunningham Wood (ed.). *Léon Walras: Critical Assessments*. Vol. I. L; N.Y.: Routledge. P. 63–80.
- Winch D.* (1973). Marginalism and the Boundaries of Economic Science. In: R.D. Collison Black, A.W. Coats, D.W. Goodwin (eds.). *The Marginal Revolution in Economics: Interpretation and Evaluation*. Durham: Duke University Press. Pp. 59–77.

В.Н. Рогожникова

МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

ПОНЯТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ В МАРЖИНАЛИЗМЕ

Введение

Всеобщее как таковое — такая форма взаимосвязи всех особенных способов бытия и познания, в которой эти способы сохраняют своеобразие и в то же время являются частью взаимосвязанного целого. Г. Гегель писал, что понятие вещи выражает «всеобщее в самой этой вещи» (Гегель, 1970. С. 87), т. е. единство ее многообразных проявлений. Для современной экономической науки, представляющей собой совокупность различных, иногда противоречащих друг другу теорий, задача формулировки такого понятия особенно важна, поскольку в таком случае ее история перестанет быть историей всего лишь мнений экономистов — представителей разных подходов — об экономической действительности. Понятие экономической науки позволит рассматривать последнюю как единую систему, находящуюся в процессе развития и, таким образом, движения к познанию природы и сущности экономической действительности. В этом случае каждая конкретная экономическая теория, школа или подход, не теряя своеобразия, обретут свое место в общей системе экономической науки, а мы сможем делать обоснованные предположения относительно возможных в будущем путей ее развития.

Метод, который предлагает Г. Гегель, подразумевает, во-первых, выведение различий экономической науки из ее понятия, а во-вторых, выяснение места каждого такого различия в этом понятии. В этом смысле невозможно сформулировать всеобщее понятие экономической науки, отталкиваясь от какой-либо одной экономической теории или направления, поскольку это значило бы на основе только одного свойства предмета пытаться составить о нем полное представление¹. Однако исследование особенного понятия экономической науки, сформулированного представителями ее определенного направления, позволит выявить основания перехода к всеобщему понятию этой науки на данном историческом этапе развития.

Таким образом, цель статьи – попытка связать частные определения экономической науки в работах представителей данного направления с ее особенным определением и выявить условия перехода ко всеобщему ее понятию.

Под маржинализмом мы будем понимать «теоретический подход в экономике, основанный на понимании того, что экономические решения обычно принимаются» (*Mosselmans, 2017*) с учетом предельной полезности от результата потребительского выбора (*Ядгаров, 2021. С. 85*). В фокус нашего внимания на данном этапе исследования попадают только представители «первой волны» маржинализма – У.С. Джевонс, Л. Вальрас и К. Менгер.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы выявить особенности определения понятия экономической науки в маржинализме. К задачам относятся: 1) выявление структуры и определение места экономической науки, как

1. Странники мейнстрима экономической науки нередко полагают, что понятие экономической науки, сформулированное Л. Роббинсом и уточненное современными экономистами, является универсальным. Однако поведение человека – лишь один аспект экономической действительности, которая также изучает функционирование институтов и распределение материальных ресурсов. Мы исходим из предположения, что исторические определения экономической науки не стоит абсолютизировать, как не следует и отбрасывать их – нужно определить то основание, которое дало бы нам возможность говорить о взаимосвязи всех этих определений.

ее понимали маржиналисты, среди других наук; 2) формулировка предмета экономической науки в маржинализме; 3) описание метода экономической науки, каким он предстает в работах маржиналистов; 4) определение вклада маржиналистов в формирование всеобщего понятия экономической науки, а также недостатков маржиналистского подхода. При их решении мы опирались на сравнительный метод и системный подход.

Чтобы сформулировать понятие экономической науки, с нашей точки зрения, нужно определить ее структуру и место среди других наук, сформулировать ее предмет и описать ее метод.

Структура и место экономической науки среди других наук

Прежде чем приступить к изложению соответствующих взглядов У.С. Джевонса, К. Менгера и Л. Вальраса, отметим, что они использовали разные термины для обозначения экономической науки. Так, У.С. Джевонс и Л. Вальрас в своих работах пишут о чистой экономической науке, или чистой политической экономии, К. Менгер — о точной (теоретической) науке о народном хозяйстве. Без знания того, какие элементы в общей экономической науке выделяли эти экономисты, невозможно понять значение этих терминов. К сожалению, только Джевонс и Менгер предлагают достаточно подробную структуру экономической науки.

Так, с точки зрения Джевонса, в последней следует выделить то, что мы сегодня называем экономической социологией, «вместе, возможно, с двумя или тремя другими отраслями статистики, права или социальной науки» (*Jevons*, 1888. Р. 33). К. Менгер пишет, что экономическая наука состоит из трех элементов, в рамках которых исследуется либо индивидуальное, т. е. единичное, в экономической действительности (история и историческая статистика), либо родовое, т. е. типическое (теоретическая национальная экономия) (*Менгер*, 2005. С. 302–305). Также австрийский экономист

включает в структуру экономической науки то, что мы называем экономической политикой и финансами. У каждого из этих разделов экономической науки своя задача. Таким образом, политическая экономия – это «совокупность теоретико-практических знаний о народном хозяйстве» (там же. С. 304–305).

Л. Вальрас в отношении структуры политической экономии пишет только, что чистая политическая экономия должна предшествовать прикладной; первая и есть наука, причем «совершенно похожая на физико-математические науки» (*Вальрас*, 2000. С. 23). Основываясь на рассуждениях Л. Вальраса относительно различия науки, искусства и морали, можно сказать, что критерием чистой политической экономии является истина, а прикладной политической экономии – польза или интерес (там же. С. 15–16).

Задача выяснения места экономической науки среди других наук связывается маржиналистами с проблемами структуры, предмета и в особенности метода последней. Так, У.С. Джевонс считает, что все науки можно разделить на логические и логико-математические: первые фиксируют само бытие предмета и определяют вероятность наступления какого-либо события; вторые рассматривают предмет, явление или событие в координатах пространства и времени, опираясь на количественные характеристики этого предмета или события (больше–меньше, раньше–позже и т.д.) (*Jevons*, 1888. P. 27). Экономика является логико-математической наукой, а не моральной, как считали некоторые оппоненты Джевонса, и не исторической.

К. Менгер делит науки на те, что изучают в явлениях индивидуальное (единичное), и те, что исследуют типическое (родовое); последние имеют дело не с единичными явлениями, а с их повторяющимися формами. В рамках каждого из этих направлений можно выделить исследования, носящие характер эмпирического реализма, и те, которые Менгер характеризует как точные. И естественные, и социальные науки могут быть реалистичными или точными, но если наука

опирается на эмпирический реализм, она уже не может быть точной (Менгер, 2005. С. 322–323). Таким образом, различие между естественными и социальными науками заключается не в их сущности и методе, а в степени точности их результатов.

Экономика не является естественной наукой, она — точная этическая наука. На уровне теории она оперирует законами явлений, определяющими сущность и взаимосвязь последних, на уровне практики — законами-нормами как правилами, устанавливаемыми государством для человеческих действий (там же. С. 360).

Вальрас делит все науки на естественные (науки как таковые) и моральные (историю и др.), которые изучают соответственно или естественные, т. е. порождаемые природой, или гуманитарные, т. е. обусловленные человеческой волей, факты (Вальрас, 2000. С. 13–15). Науки, изучающие гуманитарные факты, работают с двумя подвидами последних, касающихся отношений человека и вещей, или с людьми друг с другом. Задачей наук первого рода является подчинение вещей целям человеческой деятельности, а второго — взаимная координация человеческих целей. Чистая политическая экономия есть наука об общественном богатстве как таковом, т. е. она имеет дело с гуманитарными фактами, но при этом использует математический метод.

Таким образом, все три маржиналиста выделяют как отдельный элемент в общей структуре экономики чистую экономическую науку: логико-математическую (Джевонс), точную этическую (Менгер) и рациональную или математическую (Вальрас).

Предмет экономической науки в маржинализме

Джевонс отмечает, что предмет экономической науки может быть охарактеризован количественно, поскольку в ее основе лежат полезность, благосостояние, ценность, товар, труд, земля, капитал как понятия, «условия и отношения» (Jevons, 1888. P. 25) которых и познает экономика. Ее предме-

том экономической науки выступает максимизация счастья и минимизация боли (*ibid.*), в точности как у И. Бентама. Данные для подсчета предоставляет эмпирическая статистика, которая и составляет основу математического метода экономической науки.

По Менгеру, предмет точной экономической науки – родовые (типические) явления хозяйственной жизни народа. Цель теоретической национальной экономики заключается «в уяснении общей сущности и общей связи народно-хозяйственных явлений» (Менгер, 2005. С. 302). Она формулирует законы хозяйственной действительности, в отличие от эмпирически-реалистического учения о народном хозяйстве, которое отслеживает «правильности в последовательности и сосуществовании реальных явлений человеческого хозяйства (которые, в их “полной эмпирической действительности” заключают в себе также и многочисленные элементы нехозяйственности!)» (там же. С. 336). Точная экономическая наука, отмечает Менгер, «не имеет задачей научить нас пониманию социальных явлений, или даже человеческих явлений, или тех социальных феноменов, которые называются обыкновенно “народно-хозяйственными”, в их целостности, а имеет задачей дать нам уразумение только одной, хотя, конечно, крайне важной – хозяйственной стороны человеческой жизни» – стороны, которая касается проявлений эгоистичного мотива человеческого поведения в действиях, «направленных на удовлетворение вещественных потребностей» (там же. С. 350–351).

Абстракции, которыми оперирует экономист (в частности, эгоизм как ведущий мотив человеческого поведения), не претендуют на то, чтобы полностью соответствовать действительной мотивации нашего поведения, это именно изолирующие абстракции, роль которых заключается в том, чтобы рассмотреть типическую форму явления самого по себе в ее взаимосвязи (в том числе причинно-следственной) с другими типическими формами явлений в процессе их превращения в более сложные. Таким образом, критика нереалистичности

предпосылок любой точной экономической теории не имеет под собой объективной почвы. Можно сказать, что проблема реалистичности предпосылок маржинализма может возникнуть в силу: 1) переноса наших представлений о реальности на теоретические законы и понятия (то, что К. Менгер называет ошибкой исторической школы); 2) понимания выводов чистой науки как руководства к действию (смещение позитивного и нормативного, теоретического и практического).

С точки зрения Л. Вальраса, предмет чистой политической экономики – общественное богатство как таковое, которое экономика изучает также, как и у К. Менгера, в системе «идеальных типов» (Вальрас, 2000. С. 23).

Мы полагаем, что и здесь К. Менгер дает наиболее продуманное и ясное описание предмета экономической науки, которое не ограничивается (по крайней мере, в самом его определении) общественным богатством, как у Л. Вальраса, или соотношением удовольствия и боли, как у У.С. Джевонса. Интересно и то, что у всех троих экономистов прослеживается одна мысль: чистая экономическая наука должна формулировать законы явлений, и делает она это не на основании опыта, а создавая «идеальные типы», точного соответствия которым в реальности мы не найдем.

Маржиналисты о методе экономической науки

Как было отмечено выше, экономическая наука, с точки зрения У.С. Джевонса, является логико-математической, что обусловлено измеримостью положенных в ее основание «конечных величин» удовольствия и боли (Jevons, 1888. P. 34). В отношении этих величин и возможно математическое измерение как «сравнение количества преимуществ и недостатков» (ibid. P. 28), которые постоянно меняются. Удовольствие и боль определяются Джевонсом, в полном согласии с утилитаризмом, предельно формально как, соответственно, то, что привлекает нас к определенному образу поведения, и то, что отвращает нас от него. Такое формальное определение удовольствия и боли связано с тем, что измерение любого пред-

мета может осуществляться без знания его сущности: например, нам не нужно знать, что такое дерево само по себе, для того чтобы измерить его высоту. С нашей точки зрения, это не совсем верно, потому что нам все-таки нужно отличить один предмет от другого; очевидно, Джевонс считает, что сформулированного им формального различия между удовольствием и болью для этой цели вполне достаточно. Расчет полезности в экономической науке применяется к самым простым (вещественным, как пишет К. Менгер) потребностям человека, удовлетворяемым с наименьшими затратами труда.

При этом математика не является точной наукой — такой науки вообще не существует, потому что нет точных данных: в большинстве наук методы приближительные и «каждое решение включает гипотезы, которые не являются в действительности истинными» (*ibid.* P. 27). Таким образом, «большая или меньшая точность, достигаемая в математической науке, — это случайность, не влияющая на фундаментальный характер науки» (*ibid.*). Как мы увидим, с этим утверждением согласится и К. Менгер.

Измерение² удовольствия и боли, по Джевонсу, возможно при соблюдении следующих условий (*ibid.* P. 30–31): 1) полного или приближительного равенства испытываемого чувства, так как распознавать сильно различающиеся чувства невозможно; 2) определения индивидуального чувства без сравнения чувств, испытываемых разными индивидами, поскольку последнее невозможно в силу отличий между людьми; 3) предметом измерения должно быть чувство «совокупности... людей», так как невозможно измерить чувства каждого человека. Остающиеся случайные факторы, по мнению Джевонса, могут быть нейтрализованы именно за счет использования среднего (совокупного) результата; это можно назвать страховкой от иррациональности, которую способна дать развитая статистика.

2. Подробнее об измерении индивидуальной полезности у Джевонса, Менгера и Вальраса см.: (*Moscatti, 2013*).

Изучая удовольствие и боль, экономиста должна использовать то, что Джевонс, с опорой на Дж.С. Милля, называет «полным методом» — сочетание индукции и дедукции: от наблюдаемых фактов мы индуктивно переходим к «гипотезе о законах, управляющих этими фактами» (Jevons, 1888. P. 32), а затем, используя дедукцию, формулируем результаты, которые, в свою очередь, сопоставляем с фактами. Если результаты совпали с фактами, значит, гипотеза была верна, а если нет, ее нужно переосмыслить или отказаться от нее. Таков, отмечает Джевонс, метод всех индуктивных наук. По сути, первый этап (создание индуктивных обобщений на основе наблюдаемых фактов) нам и не нужен, как полагает Джевонс, ведь законы экономической науки мы находим в уже готовом виде — либо как интуитивно понятные, либо в виде результатов других наук. Стало быть, мы можем использовать эти аксиомы или простые индукции и от них начинать дедуктивное восхождение к результатам как более общим законам. Но, отмечает Джевонс, найти точное подтверждение нашим результатам в опыте практически невозможно, потому что в сложной реальности, какой является национальная экономика, могут действовать сразу несколько причин, а мы должны проверить действие лишь одной, взятой изолированно.

С этими идеями Джевонса вполне соглашается и К. Менгер. С точки зрения австрийского ученого, верно, что в области экономики: а) результаты теоретических исследований не безусловно точны, их многие считают недостижимыми; б) теоретическое исследование сталкивается с трудностями, неизвестными естественным наукам; в) задачи теоретической экономики отличаются от задач теоретического естествознания. Это значит, что у экономической науки есть свои особенности — и не более того.

Общий алгоритм исследования в точных науках Менгер разделяет на три этапа (Менгер, 2005. С. 326–327): 1) выявление простейших элементов (формы явлений) экономической действительности — например, эгоизма как мотива человеческого поведения; 2) определение меры этих простейших

элементов в соответствии с их природой, т. е., например, выявление границ эгоистической мотивации; 3) формулировка законов, по которым из этих простых элементов развиваются сложные хозяйственные явления. При этом, как пишет Менгер (и отмечал Джевонс), безразлично, существуют ли в действительности анализируемые нами формы явлений и насколько эти простейшие элементы измеримы – скорее всего, в реальности мы их не найдем, потому что это абстракции. Отвечая на замечание представителей исторической школы о том, что экономическая наука должна учитывать социально-политический, исторический, культурный контексты развития хозяйства, Менгер называет это требование абсурдным, поскольку эмпирические законы (а их в экономической науке больше, чем точных) основаны на опыте, а значит, уже максимально учитывают этот контекст.

Как мы понимаем из вышесказанного, использование математического метода в экономической науке имеет под собой прочные основания; такой же позиции придерживается и Л. Вальрас, отмечающий, что математика является не экспериментальным, а рациональным методом. Но и для математической экономической науки исходным является опыт, на основании которого экономисты получают первые абстракции – «реальные типы», от которых они восходят к «идеальным типам», служащим основой теорем и доказательств, имеющих уже априорный (доопытный) характер. Вторичное обращение к опыту, точно так же как у Джевонса и Менгера, происходит, по Вальрасу, не для того чтобы найти в нем подтверждение полученным результатам, а для того, чтобы их применить (Вальрас, 2000. С. 23). Однако мы согласимся скорее с Менгером, чем с Вальрасом, в том, что «идеальные типы» нельзя получить дальнейшим абстрагированием от «реальных типов»: формы явлений мы определяем исключительно научным мышлением, которое оперирует понятиями.

Подводя итог, отметим, что У. Джевонс, К. Менгер и Л. Вальрас сходятся в том, что метод чистой экономической науки должен быть теоретическим, а значит, может подраз-

умевать использование математики — но не сводится к ней. Математика просто является (по крайней мере, это верно для Джевонса и Вальраса) наиболее ясным и четким способом формулировки экономических законов. Согласно маржиналисты и с тем, что чистая экономическая наука имеет дело с «идеальными типами», которые не могут быть обнаружены в реальности, стало быть, эмпирическая верификация не является критерием истинности в экономике, по крайней мере, для точных законов последней.

Особенности понятия экономической науки в маржинализме

Таким образом, понятие экономической науки в работах представителей «первой волны» маржинализма можно сформулировать так: это теоретико-практическая наука о всеобщих взаимосвязях экономических явлений, ведущую роль в которой выполняет чистая экономическая теория, чьи выводы могут быть сформулированы математически и применяются (но не подтверждаются) на опыте.

С нашей точки зрения, вклад маржиналистов в формирование всеобщего понятия экономической науки заключается в выявлении следующих важных моментов:

1) экономическая наука познает типическое в явлениях экономической действительности и формулирует законы, описывающие всеобщую и необходимую взаимосвязь хозяйственных явлений;

2) чистая экономическая наука формулирует законы явлений не на основании опыта (хотя он необходим для начала исследования, поскольку экономика изучает объективную действительность), а на основании размышления, создавая «идеальные типы», точного соответствия которым в реальности мы не найдем;

3) метод чистой экономической науки, как указывалось выше, должен быть теоретическим, а значит, может подразумевать использование математики как точного языка — но не сводится к ней;

4) эмпирическая верификация, как отмечалось выше, не является исключительным критерием истинности в экономике, по крайней мере, для точных (не эмпирических) законов последней;

5) основными противоречиями экономической науки являются теоретическое и эмпирическое, точное и реалистичное как характеристики экономического знания.

Напомним, что всеобщее понятие экономической науки подразумевает выявление взаимосвязи между всеми тремя его аспектами: единичным, особенным и всеобщим. Акцент на типическом в явлениях, изучаемых экономикой, помогает сформулировать всеобщее понятие экономической науки, которое охватывало бы все возможные особенные и единичные определения ее предмета, будь то ресурсы, поведение человека, институты и т.д. К сожалению, в работах маржиналистов три аспекта понятия экономической науки остаются разрозненными, не выявляется взаимосвязь между ними. Наиболее яркий пример этого – утверждение К. Менгера, что экономисты должны изучать (и могут познать) только эгоистический мотив поведения, а не экономическую действительность в целом.

Всеобщее понятие экономической науки также подразумевает выявление ее внутренних противоречий – например, теоретического и эмпирического аспектов – и их разрешение в форме сбалансированного единства³. Выявление границ эмпирической и теоретической верификации экономических теорий также работает на формирование всеобщего понятия экономической науки, включая ее в современную повестку философии науки. Наконец, выявление основных противоречий, присущих экономической науке и связанных с особенностями ее предмета, позволяет обнаружить в самом экономическом знании источник его развития. Противоречия эти маржиналистами осознаются, но не выводятся с необходимостью

3. Механистический вариант такого единства попытался разработать У.С. Джевонс, но его проект потерпел крах (*Mosselmans, 1998*).

стью из целого экономической науки и не осмысляются в их необходимой связи.

Нет в маржинализме и всеобщего понятия экономической действительности, которое позволило бы связать различные, выделяемые маржиналистами (и представителями других подходов) ее аспекты и систематизировать их онтологические основания. Так, в работах современных исследователей маржинализма (Погребняк, 2020; Сироткин, 2017) отмечается, что маржинализм делает акцент на ситуации, моменте, который можно рассматривать как абстракцию от «нормальной», обычной экономической реальности. Другие исследователи (Алпатова, 2021; Ефимов, 2017; Майровски, 2012; Turk, 2006, 2012) отмечают, что маржиналисты предприняли попытку построить экономическую теорию не на философских, а на естественно-научных основаниях, но не слишком преуспели в этом, поскольку смена теоретико-методологических оснований была во многом формальной. Однако одним из следствий такого подхода стала невозможность «многоуровневого анализа одного и того же объекта с учетом прямых и обратных связей сложных комбинированных систем» (Хубиев, 2020. С. 23).

Таким образом, несмотря на то что маржиналисты первой волны (особенно К. Менгер), сделали существенный вклад в развитие всеобщего понятия экономической науки, продолжив идеи Д. Рикардо и способствуя осмыслению экономической науки как системы, их подход характеризуется существенными ограничениями.

Заключение

С нашей точки зрения, всеобщее понятие экономической науки — это не теоретико-методологический тоталитаризм и не попытка превратить экономическую науку в философию. Гегелевский метод, на наш взгляд, дает вполне операциональный инструмент для того, чтобы в самой экономической науке найти ее всеобщую цель, изучать и преподавать ее как систему, в которой исторический аспект ее развития

взаимосвязан с его (развития) логическим аспектом. Гегель смог сделать это для философии – почему бы не попробовать сделать то же самое для экономики? Если у нас ничего не получится, экономическая наука вряд ли пострадает, если же цель будет достигнута, она обретет внутреннюю целостность. Безусловно, для этого нужно уточнить гегелевский метод, изменить существующий сегодня в философии экономики способ анализа экономических теорий и проделать огромную историко-экономическую работу.

Как мы отмечали во введении, опираясь только на один подход в экономической науке, невозможно сформулировать ее всеобщее понятие. Тем не менее даже анализ работ трех представителей первой волны маржинализма позволяет сделать вывод, что всеобщее понятие экономической науки возможно. Однако следует отметить, что не все экономические теории работают на развитие всеобщего понятия экономической науки. Так, среди маржиналистов первой волны более всего к достижению этой цели приблизился К. Менгер. Это не значит, что работы У. Джевонса и Л. Вальраса не имеют никакого значения для экономической науки: эти теории во многом остаются на уровне единичного и особенного в осмыслении сущности экономической науки, а он необходим для определения всеобщего понятия экономической науки. Изучение подходов к определению экономической науки в работах других представителей маржинализма – Ф. Эджуорта, В. Парето, А. Маршалла, Дж.Б. Кларка и их коллег – позволит уточнить как понятие экономической науки в маржинализме, так и условия развития всеобщего понятия экономической науки.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатова Э. (2021). Экономическая теория или политическая экономика? // Региональный экономический журнал. №1. С. 51–59.
- Вальрас Л. (2000). Элементы чистой политической экономии, или Теория общественного богатства. М.: Изограф.
- Гегель Г. (1970). Наука логики. В 3-х томах. Т. 1. М.: Мысль.

- Ефимов В.М. (2017). В ловушке неоклассики и марксизма // Журнал институциональных исследований. Т. 9. №1. С. 150–169.
- Майрговски Ф. (2012). Физика и «маржиналистская революция» // *Terra Economicus*. Т. 10. №1. С. 100–116.
- Менгер К. (2005). Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности / Менгер К. Избранные работы. М.: ИД «Территория будущего». С. 289–495.
- Погребняк А.А. (2020). Исключение и правило. Политэкономические аргументы Н.И. Зибера против маржинализма до его триумфа // *TerraEconomicus*. Т. 18. №3. С. 108–124.
- Сироткин В.Б. (2017). Трансформация западного капитализма: заключения маржинализма и трудовой теории стоимости // Экономическое возрождение России. №2. С. 65–79.
- Хубиев К.А. (2020). Методологический прорыв Дж.М. Кейнса // Вопросы политической экономии. №1. С. 17–35.
- Ядгаров Я.С. (2021). Вытеснение затратных теорий стоимости маржиналистскими и поведенческими – важнейший фактор качественного обновления экономической науки и возвращения доверия к ней // Историко-экономические исследования. Т. 22. №1. С. 78–95.
- Jevons W.S. (1888). *The theory of political economy*. 3rd ed. London: Macmillan and Co. <http://oll.libertyfund.org/Home3/EBook.php?recordID=0237>.
- Moscatti I. (2013). Were Jevons, Menger, and Walras Really Cardinalists? On the Notion of Measurement in Utility Theory, Psychology, Mathematics, and Other Disciplines, 1870–1910 // *History of Political Economy*. Vol. 45(3). Pp. 373–414.
- Mosselmans B. (1998). William Stanley Jevons and the Extent of Meaning in Logic and Economics // *History and Philosophy of Logic*. Vol. 19(2). Pp. 83–99. DOI: 10.1080/01445349808837299.
- Mosselmans B. (2017). Marginalism. In: *The Wiley Blackwell Encyclopedia of Social Theory*. Ed. by Bryan S. Turner. New Jersey: JohnWiley & Sons, Ltd, 2017. DOI: 10.1002/9781118430873.est0230.
- Turk M.H. (2006). The fault line of axiomatization: Walras' linkage of physics with economics // *Journal of the History of Economic Thought*. Vol. 13(2). Pp. 195–212.
- Turk M.H. (2012). The mathematical turn in economics: Walras, the French mathematicians, and the road not taken // *Journal of the History of Economic Thought*. Vol. 34(2). Pp. 149–167.

А.В. Галеев
НИУ ВШЭ, г. Москва

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ ПРОТОМАРЖИНАЛИЗМА В РОССИИ

Введение

В современной истории экономической науки принято определять маржиналистскую революцию 1871 г. как переломный момент, после которого развитие экономического анализа пошло по принципиально иному пути. Йозеф Шумпетер был одним из первых, кто в середине XX в. охарактеризовал появление маржиналистской методологии, как научную революцию (*Шумпетер*, 2004. С. 1087–1088). Позднее распространение постмодернистских подходов к анализу смены научных парадигм (*Кун*, 1977; *Лакатос*, 1978) только укрепило восприятие маржинализма как революционного изменения в экономической науке. Однако тезис о кунианском характере маржиналистской революции оспаривается историками экономической мысли (*Blaug*, 1972). С одной стороны, методы анализа, считавшиеся инновационными по сравнению с методами классической политической экономии, были широко известны в прошлом, с другой — академическое сообщество далеко не сразу приняло маржиналистский подход. Марк Блауг предложил рассматривать развитие экономики как кумулятивный процесс отсеивания ошибочных и развития правильных теорий (*Блауг*, 1994. С. 1–9). Аналогичный подход представлен в трудах Альфреда Маршалла: он подчеркивал преемственность неоклассической и классической школы мысли, в частности теории Давида Рикардо (*Маршалл*, 2007. Прил. I, I).

В рамках кумулятивистского подхода к анализу развития экономической науки было проведено более глубокое исследование «протомаржинализма» — идей, которые предшествовали маржиналистской революции, но содержали положения и элементы маржиналистской школы мысли (*Ekelund, Hebert, 2002*). Уильям Стенли Джевонс — один из трех основоположников маржинализма — первым провел систематический анализ работ представителей протомаржинализма и предложил классификацию их теорий. Он выделил следующих авторов: в работах которых применялся математический аппарат в отрыве от *верной теории ценности* (например, Н.-Ф. Канар, У. Хьюэлл, К. Эменар дю Мазе) (*Джевонс, 2021. С. 56*); использовавших *верную теорию* в отрыве от математических методов (например, Ф. Хатчесон, Т. Мальтус, Г.Д. Маклеод, отчасти — И. Бентам) (там же. С. 56–58); которые «случайным образом признали ценность этих методов» (например, К.Г. Рау, К.Г. Хаген, Дж. С. Милль) (там же. С. 55); применявших как математический аппарат, так и верную теорию ценности (например, Ж. Дюпюи, Г.Г. Госсен) (там же. С. 58–65). Современные исследования продолжают классификацию Джевонса, отмечается важность использования как математических методов (*Mirowski, 1991*), так и теоретических принципов маржинализма (*Kauder, 2015*). Таким образом, развитие и распространение маржиналистского подхода можно представить как эволюционный и долгосрочный процесс.

Экономическая наука в России конца XIX — начала XX в. характеризовалась положительной рецепцией западных идей (*Абалкин, 2000; Avtonomov, 2021*), среди которых были и теории протомаржиналистских авторов. Фактически, знакомство с идеями протомаржинализма задолго до 1871 г. и их «открытие» Джевонсом привело к тому, что работы отечественных ученых того периода отходят от традиционного фронтального противопоставления классической политической экономии и маржинализма. Значительная часть российского научного сообщества восприняла труды маржиналистов как продолже-

ние существующих идей, а не революционную смену научной парадигмы (Макашева, 2009).

Работы российских экономистов, основанные на протомаржиналистских теориях, можно систематизировать, используя подход, аналогичный классификации Джевонса: во-первых, можно выделить авторов, которые переняли маржиналистскую методологию (в широком смысле этого понятия), во-вторых, тех, которые позитивно восприняли маржиналистскую (субъективную) теории ценности.

Цель данной статьи – обзор рецепции идей протомаржинализма в России во второй половине XIX – начале XX в. Анализируется восприятие методологии маржинализма через призму работ Иоганна Генриха фон Тюнена и Генри Даннинга Маклеода, субъективной теории ценности через рецепцию философии Иеремии Бентама, описываются последствия рецепции протомаржиналистских теорий, приводятся соответствующие выводы.

Рецепция маржиналистской методологии

В отличие от классификации, предложенной Джевонсом, при анализе рецепции протомаржинализма в России нельзя ограничивать методологический аспект восприятия западных теорий исключительно использованием математического аппарата. Отечественные экономисты того времени находились в поиске новой методологии политической экономии. Универсализм науки, позитивный (а не нормативный) подход – именно эти методологические предпосылки послужили ориентирами для российских экономистов конца XIX в., а впоследствии легли в основу трудов первых маржиналистов (см., например: (Gilles, 1981; Alter, 1982. P. 151) и стали одним из предметов «Спора о методе» (нем. – Methodenstreit) (Avtonomov, 2019).

Использование новой методологии было бы невозможно без соответствующего аналитического инструментария, который отечественные экономисты нашли в теории Давида Рикардо (Melnik, 2014), – высокого уровня абстракции и строгих логиче-

ских доказательств теорий. Иван Вернадский в «Очерке истории политической экономии» назвал это направление «спекулятивным», а самого Рикардо — «основателем абстрактного направления» (Вернадский, 1858. С. 152). Рецепция Рикардо и его абстрактного метода подтолкнула российских экономистов к использованию математического аппарата как самого строгого доказательного инструмента (Клюкин, 2007, 2018).

Манифестом новой экономической методологии можно считать статью Юлия Галактионовича Жуковского «Смитовское направление и позитивизм в экономической науке», опубликованную в трех частях в журнале «Современник» (Жуковский, 1864а), в которой он охарактеризовал теорию Адама Смита как позитивную¹. Жуковский критикует представителей современной политической экономии, которые отошли от верной методологии, изложенной в трудах Смита, а также доказывает преимущества позитивного подхода, построения строгих логических доказательств и, в частности, использования математики.

Сильное влияние на распространение позитивной методологии среди отечественных экономистов оказали работы Тюнена и Маклеода². Рецепция Тюнена в России в первую очередь связана с его книгой «Изолированное государство» («Der isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie»). В основу данной работы легла теория ренты Рикардо, что отчасти привело к восприятию идей немецкого экономиста в отечественной политической экономии как математической интерпретации рикардианской теории³. Тем не менее были

1. Корректность интерпретации Смита как первого позитивиста и «отца неоклассической школы» обсуждается в статье (Montes, 2013).
2. Характеристику работ Тюнена и Маклеода можно найти в соответствующих статьях (см., например: Samuelson, 1983; White, 2004).
3. Примечательно, что Жуковский также предпринял самостоятельную попытку изложить теорию Рикардо с помощью математики (Жуковский, 1871). Аналогичный анализ можно найти и в западной литературе. Так, Уильям Хьюэлл одним из первых представил математическую интерпретацию рикардианской теории ренты (Cochrane, 1970). В предисловии ко второму изданию «Теории политической экономии» Джевонс охарактеризовал Хьюэлл как предшественника маржинализма, который использовал математический аппарат в отрыве от верной теории.

и экономисты, которые увидели в «Изолированном государстве» пример применения новой методологии к известным проблемам политической экономии.

Первый перевод «Изолированного государства» на русский язык появился еще в 1857 г., однако представлял собой вольный пересказ оригинала (Волков, 1857). Автор перевода намеренно исключил математические выкладки, исходя из предположения, что математика будет непонятна и чужда русскому читателю, так как такая форма изложения популярна лишь в западной Европе (там же. С. IV–V). Следующее упоминание Тюнена относится к 1871 г. и связано с публикацией брошюры Владимира Александровича Фукса «Исследование теории поземельной ренты» (Фукс, 1871). Работа Фукса включает в себя анализ основных выводов Тюнена (там же. С. 85–96), а также сжатое изложение «Изолированного государства» (там же. С. 97–159). В отличие от Волкова, Фукс сохранил статистику и диаграммы, представленные в оригинальной работе. Несмотря на это, в брошюре 1871 г. автор демонстрирует очень поверхностное понимание Тюнена — для него работа немецкого экономиста представляла интерес лишь как новый этап развития теории ренты (там же. С. 93), а не пример практического приложения новой методологии политической экономии.

В то же время в прессе появляются работы, обращающие внимание именно на метод политической экономии, представленный в «Изолированном государстве». В статье «Кэри и его теория» Жуковский отмечает «строгость научного изложения» Тюнена, а также сравнивает подходы к теории стоимости, представленные в работах Генри Чарльза Кэри и немецкого экономиста (Жуковский, 1872. С. 611, 659–660). Позднее Людвиг Зиновьевич Слонимский в статье «Забытые экономисты Курно и Тюнен» продолжил рассуждения Жуковского из работы «Смитовское направление и позитивизм в экономической науке» и указал на Тюнена, как на ориентир в области методологии политической экономии (Слонимский, 1878).

В начале XX в. российские экономисты вернулись к анализу теории Тюнена. Впервые на русском языке выходит полноценный перевод «Изолированного государства» (Тюнени, 1926). Несмотря на «идеологическую чуждость» работы теоретика вульгарной политической экономии, советские издатели отмечают научную значимость трудов Тюнена и рекомендуют рассматривать их наравне с трудами классиков (там же. С. V–VI). Также стоит отметить работу Льва Любимова «Учение о ренте», в которой автор приводит анализ наследия классиков политической экономии (Рикардо, Смита), в том числе Тюнена, через призму марксизма (Любимов, 1927).

Не меньшее значение для российских экономистов имели работы Маклеода. В первую очередь необходимо отметить статью Жуковского «Экономическая теория Маклеода» (Жуковский, 1864б). В работе представлены основные тезисы английского экономиста, которые совпадают с идеей Жуковского о необходимости перехода к позитивной методологии со строгой доказательной базой. Идеи Маклеода, его критика Рикардо и призывы к большему формализму в политической экономии совпадают с тезисами, высказанными Жуковским в «Смитовском направлении». В работе 1864 г. Жуковский цитирует французский перевод Маклеода за авторством Анри Ришелю (*фр.* — Henri Richelot) (1863), однако уже в 1865 г. было выпущено русское издание «Оснований политической экономии» Маклеода, где переводчиком выступил М.Н. Веселовский (Маклеод, 1865). Работа представляет собой качественный перевод оригинала с комментариями и примечаниями переводчика, из которых следует, что Веселовский учитывал и работу Ришелю (см. примечание в: (там же, 1865. С. 25)). Также необходимо обратить внимание на определение понятия *ценности* Веселовским — переводчик не соглашается с автором по вопросу ее понимания в *древних обществах*. Веселовский трактует понятие ценности как неотделимое от самого индивида, в то время как, согласно Маклеоду, оно связано с обменом, который мог и не происходить в древних обществах, живших в рамках

одной общины (там же. С. 15). Интерпретация Веселовского подразумевает более глубокое и маржиналистское понимание ценности, несмотря на то что, согласно Джевонсу, Маклеод использовал верную теорию в отрыве от математического аппарата.

Таким образом, использование математического аппарата стало ответом на методологический поиск для российских экономистов. Стремление к формализму, структурированности науки, ориентация на позитивное знание и естественные науки привели к тому, что математика оказалась наилучшим инструментом для реализации нового методологического подхода.

Рецепция субъективной теории ценности

Говоря о рецепции маржиналистской теории ценности в России, необходимо обратить внимание на философские основания этой теории. Именно через философию утилитаризма Бентама, которая в значительной мере сформировала представления о субъективной теории ценности (а сам Бентам был причислен Джевонсом к числу предшественников теории маржинализма), российские экономисты восприняли идеи маржинализма.

В рамках данной статьи будут рассмотрены два примера рецепции философии Бентама и ее влияния на развитие экономической науки в России. Во-первых, необходимо обратить внимание на предисловие Жуковского к изданию «Избранных сочинений Иеремии Бентама» (*Жуковский*, 1867). Несмотря на свое юридическое образование, Жуковский рассматривает не только особенности применения теории Бентама к вопросам юриспруденции (там же. С. XXIX–XXX), но и анализирует философские основания утилитаризма. В этой работе он излагает тезисы английского философа так, что предложенная интерпретация повторяет идеи, которые впоследствии лягут в основу маржиналистской теории ценности. Жуковский пишет: «Наша деятельность принуждена самой природой совершаться ... под влиянием двух начал: удоволь-

ствия и неудовольствия. ... Принцип лежащий в основе такого закона, управляющего человеческими действиями, переводится одним общим словом — польза» (там же. С. XXX). Для Жуковского философия Бентама является основой для развития общественных наук — будь то юриспруденция или политическая экономия (там же. С. LXII).

Во-вторых, статья Бориса Николаевича Чичерина, посвященная критике «Капитала» Карла Маркса, представляет особый пример рецепции Бентама и развития протомаржиналистских идей (Чичерин, 1878). Критикуя немецкого мыслителя за непоследовательность в формулировке теории стоимости и эксплуатации, Чичерин, исходя из приведенного Марксом определения товара, приходит к субъективной теории ценности, где именно полезность товара для конкретного индивида формирует ценность данного товара. Он обращает внимание на полезность предмета, которая определяется конкретным потребителем: «...При всякой мене человек сравнивает ту пользу, которую он даст, с той, которую он получает ... Степенью полезности предмета определяется и то, что покупатель готов за него дать; он даст больше за то, что ему нужнее, меньше за то, что ему менее нужно» (там же. С. 5). Редкость и полезность предмета для потребителя определяют его ценность. Согласно Чичерину: «Если мы сделаем отвлечение от всякой полезности, то исчезнет и ценность, ибо не будет и мены.» (там же). При этом он добавляет: «По признанию всех экономистов спрос является одним из существенных элементов при определении ценности. ... Другой элемент составляет возможность приобрести предмет иным путем. ... Этот второй элемент, предложение, определяется разными обстоятельствами, которые необходимо разобрать для того, чтобы решить вопрос о ценности товаров» (там же). Для Чичерина очевидно, что именно законы рынка (соотношение спроса и предложения) определяют ценность, при этом он убежден, что большинство экономистов с ним согласятся (несмотря на то, что в конце XIX в. закон Сэя все еще был непреложной истиной). Интерпретация ценности через понятие полез-

ности говорит о глубоком понимании Чичериным философии Бентама. Однако впоследствии Чичерин опубликовал работу, в которой резко критиковал философию утилитаризма с точки зрения юридической науки, а рассуждения о значимости субъективной теории ценности для экономической науки отсутствовали (Чичерин, 1897).

Рассуждая о рецепции субъективной теории ценности в России, нельзя не упомянуть о том, что работа Госсена «Развитие законов общественного обмена и вытекающих отсюда правил общественной торговли» была известна задолго до ее «открытия» Вальрасом и Джевонсом. Вернадский в обширной работе «Очерк истории политической экономии» упоминает Госсена как «малоизвестного писателя данного (абстрактного) направления»⁴. Несмотря на то, что Вернадский ограничивается лишь одним предложением и подробно не анализирует теорию Госсена, он корректно определил его как продолжателя Рикардо и экономиста «абстрактного направления», а не немецкой исторической школы.

Результаты рецепции

Подводя итоги, историю развития экономической мысли нельзя назвать линейной, и маржиналистская революция может быть иллюстративным примером этого явления. Идеи протомаржиналистов распространялись не только в крупных европейских странах, но и получили развитие на академической периферии. К началу XX в. русские экономисты уже были знакомы с трудами маржиналистов всех трех школ, а одной из основных задач стало «примирение» теории предельной полезности и трудовой теории стоимости (см. работы П.Б. Струве, С.А. Франка, М.И. Туган-Барановского) (Макашева, 2009. С. 33). С исследованиями представителей австрийской школы

4. Вернадский цитирует работу Госсена «Развитие законов общественного обмена и вытекающих отсюда правил общественной торговли» («Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs, und der daraus fließenden Regeln für menschliches Handeln». Braunschweig: Friedrich Vieweg & Sohn, 1854).

(Карл Менгер, Ойген фон Бём-Баверк) были знакомы Михаил Иванович Туган-Барановский, Владимир Карпович Дмитриев (*Avtonomov, Makasheva, 2018*), Владимир Гиршфельд (ученик Туган-Барановского) (*Гиршфельд, 1910*); работы Лозаннской школы (Леона Вальраса) нашли отражение в трудах Ладислава Борткевича (*Marchionatti, 2019*), Леона Винярского (*Allison, Mueller, 2018*) и Владимира Самсонова (*Baranzini, Allisson, 2016*), а в начале XX в. Юлий Жуковский рассуждал уже о теории Джевонса (Живонса) как представителя английской школы маржинализма (*Жуковский, 1906. С. 11–20*). Неоклассический подход Альфреда Маршалла также был освещен в работах отечественных ученых (*Eliseeva, 2010*).

Таким образом, находясь в поиске новой методологии, российские экономисты пришли к абстрактному методу Рикардо и использованию математики как инструмента строгого логического доказательства. Кроме того, рецепция философии Бентама подтолкнула авторов к принятию субъективной теории ценности.

ЛИТЕРАТУРА

- Абалкин А.И. (2000). Российская школа экономической мысли: поиск самоопределения. М.: Институт экономики РАН.
- Блауг М. (1994). Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело ЛТД.
- Волков М. (1857). Уединенное государство в отношении к общественной экономии. Карлсруэ: придворная типография Б. Гаспера.
- Вернадский И. (1858). Очерк истории политической экономии. СПб.: Б.И.
- Гиршфельд В. (1910). Теорема о пропорциональности предельных полезностей благ их трудовым стоимостям // Вопросы обществоведения. Орган академической и научной жизни. №2. С. 23–31.
- Джевонс У.С. (2021). Теория политической экономии; с приложением «Учебника политической экономии». М.: Социум.
- Жуковский Ю.Г. (1864а). Смитовское направление и позитивизм в экономической науке // Современник. №9. С. 25–52; №10. С. 35–170; №12. С. 33–60.
- Жуковский Ю.Г. (1864б). Экономическая теория Маклеода // Современник. №3. С. 231–268.

- Жуковский Ю.Г. (1867). Предисловие / Избранные сочинения Иеремии Бентама. СПб.: Издание Русской книжной торговли. С. XXIII–LXII.
- Жуковский Ю.Г. (1871). История политической литературы XIX в. СПб.: Издание Н. Н. Полякова.
- Жуковский Ю.Г. (1872). Кэри и его теория // Вестник Европы. №10. С. 611–660.
- Жуковский Ю.Г. (1906). Деньги и банки. СПб.: Типография В.О. Киришбаума, д. Мин-ва финансов на Дворц. площ.
- Клюкин П.Н. (2007). Ревизия неорикардianской теории ценности и распределения: новые свидетельства и новые горизонты // Вопросы экономики. №5. С. 117–137.
- Клюкин П.Н. (2018). Политико-экономические взгляды А.И. Чупрова и М.И. Туган-Барановского: сравнительный анализ / А.И. Чупров и современная Россия: материалы междисциплинарной конференции «А.И. Чупров – великий сын России» (в честь 175-летия со дня рождения А.И. Чупрова). М.: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. С. 39–46.
- Кун Т. (1977). Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями. М.: Прогресс.
- Лакатос И. (1978). История науки и ее рациональные реконструкции / Структура и развитие науки. М.: Прогресс. С. 203–269.
- Любимов Л. (1927). Учение о ренте. М.: Государственное издательство.
- Макашева Н.А. (2009). Как маржинализм приходил в Россию? Два эпизода из истории // Terra Economicus. Т. 7. № 3. С. 29–41.
- Маклеод Г.Д. (1865). Основания политической экономии / Перевод и прим. М.Н. Веселовского. СПб.: Издание Николая Тиблена.
- Маршалл А. (2007). Основы экономической науки. М.: Эксмо.
- Слонимский Л.З. (1878). Забытые экономисты Курно и Тюнен // Вестник Европы. Т. 5. №9. С. 5–27.
- Тюнен И.Г. (1926). Изолированное государство / Пер. Е.А. Торнеус; под ред. проф. А.А. Рыбникова. М.: Изд-во «Экономическая жизнь».
- Фукс В.А. (1871). Исследование теории поземельной ренты. 1. Законы Д. Рикардо и Г.Ф. Тюнена. М.: Типография Грачева И.К., у Пречистенских в., д. Шиловой.
- Чичерин Б.Н. (1878). Немецкие социалисты. 2: Карл Маркс // Сборник государственных знаний. №6. С. 1–39.
- Чичерин Б.Н. (1897). Бентам / Политические мыслители древнего и нового мира. Выпуск второй. М.: Типография Высочайше утвержд. Т-ва И. Д. Сытина. С. 60–160.

- Шумпетер Й.А. (2004). История экономического анализа: В 3-х т. Т. 3. СПб.: Экономическая школа.
- Allisson F., Mueller T. (2018). From Walras's Physics Envy To Winiarski's *Mécanique Sociale* // History of Economic Ideas. Vol. XXVI. No. 2. Pp. 103–123.
- Alter M. (1982). Carl Menger and Homo Oeconomicus: some thoughts on Austrian theory and methodology // Journal of Economic Issues. Vol. 16. No. 1. Pp. 149–160.
- Avtonomov V. (2019). Degrees of abstraction in development economics. In: Trincado E., Lazzarini A., Melnik D. (eds.) Ideas in the History of Economic Development. London: Routledge. Pp. 11–21.
- Avtonomov V.S. (2021). West–Russia–West: The circulation of economic ideas // Russian Journal of Economics. Vol. 7. No. 1. Pp. 1–8.
- Avtonomov V., Makasheva N. (2018). The Austrian school of economics in Russia: From criticism and rejection to absorption and adoption // Russian Journal of Economics. Vol. 4. No. 1. Pp. 31–43.
- Baranzini R., Allisson F. (2016). Lausanne School. In: Faccarello G., Kurz H.D. (eds.). Handbook on the History of Economic Analysis. Vol. II. Cheltenham: Edward Elgar. Pp. 281–294.
- Blaug M. (1972). Was There a Marginal Revolution? // History of Political Economy. Vol. 4. No. 2. Pp. 269–280.
- Cochrane J.L. (1970). The First Mathematical Ricardian Model // History of Political Economy. Vol. 2. No. 2. Pp. 419–431.
- Ekelund Jr.R.B., Hébert R.F. (2002). Retrospectives: The origins of neoclassical microeconomics // Journal of Economic Perspectives. Vol. 16. No. 3. Pp. 197–215.
- Eliseeva I. (2010). Marshall in Russia. In: The Impact of Alfred Marshall's Ideas. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. Pp. 116–128.
- Gillies D. (1981). Karl Menger as a Philosopher // The British Journal for the Philosophy of Science. Vol. 32. No. 2. Pp. 183–196.
- Kauder E. (2015). History of marginal utility theory. Princeton: Princeton University Press.
- Marchionatti R. (2019). Between Berlin and Cambridge: classical conceptions of the general economic equilibrium in the late 1920s // Cambridge Journal of Economics. Vol. 43. No. 5. Pp. 1377–1395.
- Melnik D. (2014). The diffusion of Ricardo's theories in Russia. In: Faccarello G., Izumo M. (eds.). The Reception of David Ricardo in Continental Europe and Japan. London: Routledge. Pp. 195–211.
- Mirowski P. (1991). The when, the how and the why of mathematical expression in the history of economic analysis // Journal of Economic Perspectives. Vol. 5. No. 1. Pp. 145–157.

- Montes L.* (2013). Newtonianism and Adam Smith. In: Berry C.J., Paganelli M.P., Smith C. (eds.). *The Oxford Handbook of Adam Smith*. Oxford: Oxford University Press. Pp. 1–21.
- Richelot H.* (1863). *Une révolution en économie politique. Exposé des doctrines de M. Macleod*. Paris: Capelle, Libraire-éditeur.
- Samuelson P.A.* (1983). Thünen at two hundred // *Journal of Economic Literature*. Vol. 21. No. 4. Pp. 1468–1488.
- White M.V.* (2004). Sympathy for the Devil: HD Macleod and WS Jevons's Theory of Political Economy // *Journal of the History of Economic Thought*. Vol. 26. No. 3. Pp. 311–329.
-

Р.И. Капелюшников

НИУ ВШЭ, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, г. Москва

МАРЖИНАЛИЗМ И МАРКСИЗМ: ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

В данной статье речь пойдет об одном полузабытом эпизоде из истории экономической мысли конца XIX в. — первой встрече маржинализма. Сегодня даже среди историков экономической науки немногие имеют представление об этом уникальном событии и о том, к каким неожиданным результатам оно привело.

Первая атака сторонников теории предельной полезности на марксистские концепции трудовой ценности и прибавочной ценности примечательна в нескольких отношениях. Во-первых, по времени, когда она была предпринята: через семнадцать лет после публикации первого тома «Капитала» К. Маркса (1867) и через тринадцать лет после выхода «Теории политической экономии» С.У. Джевонса (1871). Во-вторых, по месту, где состоялась дискуссия: на страницах журнала «То-Дау», официального органа первой марксистской политической партии Великобритании — Социал-демократической федерации. В-третьих, по личности автора, отважившегося бросить вызов марксистской доктрине: хотя на момент публикации ему исполнилось уже сорок лет, он не был профессиональным экономистом, и статья об экономической системе Маркса стала его первым экскурсом в область

чистой экономической теории. В-четвертых, по произведенному эффекту: по единодушному мнению как современников, так и позднейших комментаторов, будь то марксисты или их оппоненты, эта самая ранняя критическая атака на марксизм оказалась поразительно успешной и имела огромные практические последствия.

Предыстория

В конце XIX в. значительная часть британской интеллигенции была захвачена идеями Карла Маркса. Главным популяризатором и пропагандистом марксизма в Великобритании выступал Г. Гайндман (1842–1921), создатель первой в Великобритании социалистической политической партии – Социал-демократической федерации, программа которой строилась на чисто марксистской платформе. Одним из официальных органов партии являлся журнал «То-Дау», где печатались статьи крупнейших социалистов-теоретиков того времени. Журнал имел характерный подзаголовок – «Месячный журнал научного социализма» («The Monthly Magazine of Scientific Socialism»).

В эту цитадель «научного социализма» один из ведущих маржиналистов второго поколения Филипп Уикстид (1844–1927) отправил свою небольшую (двадцатистраничную) критическую статью под лаконичным «"DasKapital": a Criticism» («Капитал: критика») (1884), где марксистским концепциям трудовой ценности и прибавочной ценности противопоставлялась теория предельной полезности. Редакция «То-Дау» увидела в этом подходящий повод для развертывания широкой публичной дискуссии вокруг марксистских идей и обратилась к Ф. Энгельсу с вопросом, не захочет ли он принять в ней участие. Ответ Энгельса был вполне предсказуем: «"То-Дау" под руководством Гайндмана, – писал он Э. Бернштейну, – ухудшается с каждым днем. Чтобы придать ему интерес, они принимают все что угодно. Один из редакторов прислал мне письмо, где сообщил, что октябрьский номер будет содержать критику «Капитала» !!, и предложил мне ответить на нее, от

чего я с благодарностью отказался. И так социалистический орган превратился в орган, в котором доводы “за” и “против” социализма обсуждают всякие Томы, Дики и Гарри» (*Энгельс*, 1964. С. 179, с изменениями).

«*Das Kapital*»: a Criticism» («Капитал: критика»)

К мысли написать критический очерк о Марксе Уикстида подтолкнула зачарованность идеями марксизма огромного числа его современников: «Я давно хотел представить перед последователями Карла Маркса некоторые теоретические возражения против наиболее абстрактных частей “*Das Kapital*”, которые возникли у меня при первом же прочтении этого великого труда и которые его тщательное повторное изучение так и не смогло развеять» (*Wicksteed*, 1884. С. 388). Он замечает далее, что был бы крайне признателен сторонникам Маркса, если бы кто-нибудь из них счел его возражения достойными того, чтобы на них ответить, хотя он и не питает особых иллюзий по поводу своей способности «поколебать чьи-либо продуманные и глубоко укоренившиеся убеждения» (*ibid.* P. 388).

Известный историк-марксист Э. Хобсбаум характеризует критику Уикстида как «уважительную и вежливую» (*Hobsbawm*, 1957. P. 37). В самом деле, Уикстид именует Маркса «великим социалистическим мыслителем»; называет «Капитал» «великим трудом», а также произведением, необычайно «глубоким и сложным для понимания» (*Wicksteed*, 1884. P. 388).

Когда Уикстид только приступал к работе над своим очерком, полного перевода первого тома «Капитала» на английский язык еще не существовало, и он цитировал его по второму немецкому изданию, параллельно давая ссылки на соответствующие места из уже появившегося французского перевода. Понятно также, что Уикстиду мог быть известен только первый том «Капитала» (второй был опубликован в 1885 г., третий в 1890 г.). Но допуская, что ответы на какие-то из его критических замечаний, возможно, содер-

жаты в неопубликованных пока частях исследования Маркса, он все же считал себя вправе представить свои соображения на суд публики прямо сейчас, не дожидаясь выхода в свет остальных частей, — тем более что первый том, как он подчеркивал, производит впечатление «полного и законченного» произведения (*ibid.* Р. 394).

Уикстид начинает с краткого путеводителя по необъятному сочинению Маркса, который известный британский экономист Я. Стивман определил как «ясный, адекватный и доброжелательный» (*Steedman*, 1989. Р. 123). По мнению Уикстида, в схематическом виде основное содержание марксистской теории может быть сведено к трем ключевым тезисам:

«1. (Меновая) ценность любого товара определяется количеством труда, необходимым в среднем для его производства.

2. Существует столь высокая степень соответствия между ценностью товара и его средней продажной ценой, что для целей теоретического анализа нам следует предположить, что в номинальном выражении товары покупаются и продаются по их ценности.

3. Рабочая сила (в наших индустриальных обществах) является товаром, подчиняющимся тем же законам обмена и условиям образования ценности, что и все остальные» (*Wicksteed*, 1884. Р. 392).

Уикстид соглашается со вторым из этих трех пунктов, но ставит под сомнение первый и третий: «Против второго пункта <...> мне нечего возразить. Первый и третий — вот что я хотел бы подвергнуть проверке» (*ibid.* Р. 393). Таким образом, мишенью его атаки оказываются две несущих опоры марксистской конструкции — концепция трудовой ценности и концепция прибавочной ценности. Однако их разбор и оценку он предваряет обсуждением более общего вопроса — о предпринятом Марксом в первом томе «Капитала» анализе «субстанции» ценности. Важно при этом помнить, что текст Уикстида — это не просто первая встреча маржинализма

с марксизмом, но также и первое популярное изложение теории предельной полезности (в версии С У. Джевонса, чьим последователем был Уикстид), для тех лет совершенно новой.

«Субстанция» ценности: труд versus полезность

Начинает Уикстид с обращения к знаменитому дедуктивному экзерсису из первой главы первого тома «Капитала», где Маркс ставит перед собой задачу отыскать «субстанцию» ценности и триумфально ее решает. Позднейшие поколения критиков также указывали на центральное место, которое логическое сальто, совершаемое в самом начале «Капитала» Марксом, занимает во всей системе его представлений. В этом отношении Уикстид оказывается далеко не одинок (скажем, Бём-Баверк характеризовал соответствующий силлогизм Маркса как «диалектический фокус-покус» (Бём-Баверк, 2009)).

В исходном пункте Уикстид (в отличие от Бём-Баверка) соглашается с Марксом: чтобы обмен вообще мог состояться, обмениваемые товары, с одной стороны, не должны быть идентичными (иначе обмен был бы бессмыслен), но, с другой, должны иметь между собой нечто общее (иначе было бы невозможно их уравнивание в акте обмена). Другими словами, они должны отличаться в качественном отношении, но быть эквивалентны в количественном. «Я согласен с Марксом в том, что *Verschiedenheit* (разнородность) товаров следует искать в соответствующей *Gebrauchswert* (потребительной ценности) каждого из них, или, как я бы выразил это иначе, *товары отличаются друг от друга своими специфическими полезностями*» (Wicksteed, 1884. P. 393).

Но что же представляет собой то «нечто общее» (*Gleichheit*), которого может быть в товарах то больше, то меньше? Ответ Маркса в изложении Уикстида звучит так: «*Gleichheit* отдельных товаров состоит в том, что все они являются продуктами абстрактного человеческого труда, и уравнение x товара $A = y$ товара B выполняется в силу того факта, что как для производства x единиц товара A , так и для произ-

водства у единиц товара *V* требуется одно и то же количество абстрактного человеческого труда» (ibid. P. 394).

У Уикстида подобный ход рассуждений вызывает искреннее изумление и представляется ему (как и Бём-Баверку) прямым насилием над логикой: «По правде говоря, прыжок, посредством которого эта аргументация приводит нас к труду как единственному конституирующему элементу ценности, кажется мне настолько удивительным, что я готов поверить, что неопубликованные еще части «Капитала» содержат дополнительные разъяснения, которые смогут представить его в новом свете» (ibid. P. 394). Этот прыжок тем более удивителен, что вскоре Маркс сам незаметно «модифицирует собственный результат таким образом <..> что перечеркивает весь анализ, на котором тот строился раньше» (ibid.). Отталкиваясь от признания самого Маркса о том, что при определении ценности товаров учету подлежат лишь те затраты труда, которые носят *полезный* характер, Уикстид обнаруживает в его рассуждениях фундаментальное противоречие. С одной стороны, Маркс заявляет, что единственное общее, что есть у разных товаров – это «абстрактный труд», а с другой – признает, что сам этот труд должен быть *вдобавок* еще и *полезным* (ibid. P. 394)¹. В результате наряду с «абстрактным трудом» у товаров обнаруживается еще одно универсальное свойство – «абстрактная полезность» (способность удовлетворять желания людей).

Логическая нестыковка в рассуждениях Маркса очевидна: отвлекаясь от специфических свойств различных видов труда, мы получаем в остатке абстрактный труд «вообще», но точно так же отвлекаясь от специфических свойств различных полезных вещей («потребительных ценностей»), мы получаем в остатке абстрактную полезность «вообще». Здесь присутствует полная симметрия. Вольно или невольно этот факт признает и сам Маркс, когда он проводит различие между

1. В русском переводе: «Если [вещь] бесполезна, то и затраченный труд на нее бесполезен, не считается за труд и потому не образует никакой ценности» (Маркс, 1960. С. 49).

двумя формами человеческой активности, одна из которых (полезная) «считается», а другая (бесполезная) «не считается». В самом деле, если абстрагироваться, следуя Марксу, от геометрических, физических, химических и т.п. свойств создаваемых людьми бесполезных предметов, то у них тоже останется «нечто общее», а именно то, что все они являются продуктами «расходования человеческого мозга, нервов мускулов и т.д.» (ibid.). Но, согласно Марксу, как мы помним, такое «бесполезное» расходование человеческой рабочей силы «не считается», а «считается» только «полезное». Но тем самым он де-факто признает наличие у «сгустков» абстрактного труда, образующих ценность, как минимум одного дополнительного свойства — быть полезными в абстрактном смысле. Маркс указывает на двойственный характер труда, который может быть конкретным и абстрактным, но точно такой же двойственный характер присуще полезности: она тоже может быть конкретной и абстрактной! Абстрактная полезность (другое «нечто общее») становится для Уикстида отправной точкой при выстраивании теории, альтернативной марксовой: «Итак, “нечто общее”, присущее всем обмениваемым вещам, есть не что иное, как абстрактная полезность, то есть способность удовлетворять человеческие желания. Обмениваемые предметы отличаются друг от друга тем, какие специфические желания они удовлетворяют, но подобны друг другу тем, что удовлетворяют их в равной степени» (ibid. P. 396).

Иными словами, после операции абстрагирования à la Маркс у нас остаются целых два кандидата на роль источника ценности — абстрактный труд и абстрактная полезность. Проблема, следовательно, не решается с той легкостью, с какой он намеревался это сделать. Выбор между абстрактным трудом и абстрактной полезностью — это фундаментальная дилемма, которую безуспешно пытался обойти Маркс. У самого Уикстида не вызывает сомнений, что апелляция к абстрактному труду создает лишь иллюзию решения проблемы, тогда как действительный ключ к ее преодолению дает только абстрактная полезность. Он возвращается к этой

мысли не один раз: «Труд» действительно является одним из источников (хотя не единственным) как потребительной ценности (специфическая полезность), так и меновой ценности (абстрактная полезность), но он ни в коей мере не является конституирующим элементом ни первой, ни второй» (ibid. P. 397).

Здесь Уикстид обращается к теории предельной полезности Джевонса и знакомит читателей с двумя открытыми им законами – «безразличия» (indifference) и «изменения (variation) полезности» (терминология Джевонса). Первый гласит, что для качественно однородного блага на данном рынке в данный момент времени всегда существует единственная цена, так что все его единицы будут обмениваться на любое другое благо в одних и тех же пропорциях, второй – что каждая следующая единица данного блага приносит меньшую полезность, чем предыдущая. Скажем, в обществе, где у каждого члена уже есть два пальто, каждая следующая их добавка будет удовлетворять менее насущную потребность, обладать меньшей полезностью и, следовательно, иметь более низкую меновую ценность, чем в обществе, где у каждого члена есть только одно пальто. Соответственно в первом обществе все пальто (одинакового качества) будут обмениваться на другие блага по более низким соотношениям, чем во втором. Отсюда вытекает, что меновая ценность всякого блага определяется не просто его абстрактной полезностью, а «абстрактной полезностью его последнего имеющегося приращения» (ibid. P. 400). В терминах теории предельной полезности меновые ценности предстают как внешнее выражение «эквивалентности полезностей» (ibid.).

Относительные цены: два подхода

Обрисовав общие контуры трудовой теории ценности, с одной стороны, и теории предельной полезности, с другой, Уикстид приступает к сравнению их аналитических возможностей при объяснении феномена меновой ценности. Сравнение оказывается явно не в пользу марксистского под-

хода: на фоне маржиналистского анализа он предстает и как более поверхностный, и как менее универсальный, причем в нескольких смыслах одновременно.

Во-первых, если теория предельной полезности приложена к любым типам хозяйства (хоть первобытному, хоть коммунистическому, хоть капиталистическому), то трудовая теория ценности — только к экономикам, где возможен обмен и где следовательно существует феномен меновой ценности. Во-вторых, если действие теории предельной полезности распространяется на все виды благ, то трудовой теории ценности ограничено лишь одним их классом — свободно воспроизводимыми благами, количество которых (теоретически) можно умножать до бесконечности. По поводу невозможности производимых благ (таких как картины старых мастеров или коллекционные вина) ей сказать просто нечего: «Ценность таких вещей колеблется, потому что колеблется их полезность. Но их полезность меняется не вследствие каких-либо изменений в их количестве или их качестве, а вследствие изменений в желаниях, которые они обслуживают. Я не в силах понять, как анализ акта обмена, сводящий предполагаемое этим актом «нечто общее» к труду, может быть распространен на данный класс явлений» (*ibid.* P. 407). В-третьих, если теория предельной полезности, говоря старинным языком, объясняет как естественные, так и рыночные цены, то трудовая теория ценности — в лучшем случае только естественные (равновесные) цены. В-четвертых, поскольку теория предельной полезности не отрицает, что при определенных условиях товары действительно будут обмениваться пропорционально заключенному в них труду, она как бы «вбирает» в себя трудовую теорию ценности в качестве своего особого частного случая.

Речь идет о современной индустриальной коммерческой системе, для которой предсказания теории предельной полезности и трудовой теории ценности будут совпадать: в ней товары будут обмениваться пропорционально и их относительным предельным полезностям на пределе пред-

ложения, и относительным затратам труда, необходимым для их производства. Но так будет происходить не потому, что труд станет наделять товары ценностью, а потому, что само распределение труда между различными товарами станет регулироваться полезностью, которую они будут представлять для потребителей.

По сути, относительные затраты труда — это всего лишь промежуточное звено между предельными полезностями (исходная точка) и меновыми ценностями (конечный результат). Иными словами, теория предельной полезности «не только исчерпывающе объясняет все феномены спроса и предложения, но применительно к товарам, количество которых может неограниченно умножаться посредством труда, но объясняет также совпадение между относительными величинами заключенного в них труда и их относительными ценностями» (ibid. P. 406).

Сравнительный анализ трудовой теории ценности и теории предельной полезности Уикстид завершает выводом о безусловном превосходстве второй: «Теперь в нашем распоряжении есть теория ценности, которая в равной степени применима к вещам, которые могут, и к вещам, которые не могут умножаться трудом, а также как к рыночным, так и к нормальным ценам и которая <..> плотно, как перчатка, облегает все сложные феномены современного коммерческого общества, показывая в то же время, что все они являются всего лишь особыми частными проявлениями более общих и фундаментальных экономических фактов, поскольку у них обнаруживаются близкие аналоги и в островном хозяйстве Робинзона Крузо, и в экономике самообеспечения патриархальных обществ» (ibid. P. 407).

Ценность товара «рабочая сила»

Затем Уикстид переходит к анализу второго элемента марксистской системы — концепции ценности рабочей силы. Для Маркса очевидно, что раз «рабочая сила» — товар, то, значит, к ней приложимы все те закономерности, которые дей-

ствуют для «обычных» товаров. Уикстид так передает логику его рассуждений: «Ценность рабочей силы, как и любого другого товара, определяется количеством труда, необходимого для ее производства. Так, количество труда, необходимое для производства, допустим, дневной рабочей силы, — это то его количество, которое требуется для производства пропитания, одежды и т.д., которых хватило бы для поддержания работника в рабочем состоянии в течение суток с поправкой на расходы по содержанию детей в количестве, достаточном для того, чтобы предложение труда не иссякало» (ibid. P. 391).

Однако купив рабочую силу в точном соответствии с ее ценностью, капиталист получает возможность использовать ее в течение большего времени, чем нужно для ее (вос)производства, т.е. больше, чем нужно для производства минимального объема жизненных средств: «Краеугольный камень, на котором строится эта теория, составляют <..> утверждения о том, что ценность рабочей силы определяется количеством труда, необходимым для ее производства, и что расходование этой же рабочей силы выражается в большем количестве труда, чем необходимо для ее производства, так что приобретаемая рабочую силу по ее ценности, покупатель будет способен получить в конце сделки больше труда (и, следовательно, больше ценности), чем было вложено им в начале» (ibid. Pp. 407–408). Разность между этими величинами и представляет собой прибавочную ценность: «Присвоение и производство прибавочной ценности есть, согласно Марксу, имманентный закон капиталистического производства» (ibid. P. 392).

В первом приближении представленную в «Капитале» концепцию ценности рабочей силы можно квалифицировать как «грубую версию теории издержек производства» (в данном случае — трудовых) (DeVivo, 1987. P. 41). Де-факто Маркс ограничивается тем, что просто постулирует равенство ценности рабочей силы количеству труда, заключенному в определенном наборе средств существования, но никак это равенство не объясняет и, более того, даже не сознает необходимости предложить для его объяснения какой-либо каузальный

механизм. Все доказательство — это рассуждения по аналогии: раз ценность «обычных» товаров определяется количеством труда, необходимым для их производства, значит, и ценность товара «рабочая сила» будет определяться количеством труда, необходимым для ее производства; раз для производства рабочей силы (т.е. для ее поддержания в состоянии нормальной жизнедеятельности) достаточно определенного объема жизненных средств, значит, количество заключенного в них труда и будет определять ее ценность. Однако на вопрос, почему «нормальная» цена рабочей силы должна устанавливаться именно на этом уровне, а не каком-то другом, никакого ответа не предлагается. Какой причинно-следственный механизм, по мысли Маркса, отвечает за «притягивание» ценности рабочей силы к некому фиксированному «объему жизненных средств», из текста «Капитала» остается абсолютно неясным. Это очевидная концептуальная лакуна.

Однако Уикстид идет еще дальше, показывая, что для современных обществ, где работники сами свободно распоряжаются своей рабочей силой, сценарий, который подразумевается марксистской трактовкой, не представим даже теоретически. Он демонстрирует, что аналогия между «обычными» товарами и товаром «рабочая сила», из которой исходит Маркс, является ложной, так как механизм ценообразования, действующий в первом случае, не работает во втором.

Действительно, ценность товара рабочей силы могла бы определяться минимумом жизненных средств, необходимых для поддержания работника в состоянии нормальной жизнедеятельности (т.е. минимальными издержками ее (вос) производства), только если бы этот товар производился на конкурентном рынке максимизирующими прибыль агентами, принимающими решения относительно его выпуска по своему усмотрению. В результате единственным типом экономики, полностью подходящим под описание Маркса, оказывается рабовладельческая система. Только в ней последняя единица затрат, направляемая рабовладельцами на «разведение рабов», могла бы обладать бы для них точно такой же

полезностью, как последние единицы затрат, направляемых ими на производство всех остальных продуктов.

Но эта логика — минимизации издержек производства — неприменима к современным обществам свободных людей. В них (в отличие от рабовладельческих обществ) производством своей рабочей силы занимаются непосредственно сами работники, а не их наниматели, и было бы странно, если бы они вдруг начали стремиться к минимизации затрат на ее производство (т. е. к тому, чтобы потреблять как можно меньше благ сверх определенного уровня): «Именно так обстоит дело с рабочей силой в любой стране, где работники не являются чьими-то личными рабами. Даже если путем сделки или каким-то иным образом я приобрел право использовать определенное количество труда [другого человека] для любой выбранной мною цели, то я все равно не могу решать по своему усмотрению, сколько труда направить мне, скажем, на производство шляп и сколько на производство рабочей силы, если только я не живу в стране, где допускается “разведение рабов” (slave-breeding). Таким образом, не существует никакого экономического закона, действие которого делало бы соотношение между ценностью рабочей силы и ценностью других товаров равным соотношению между овеществленными в ней и в них количествами труда» (Wicksteed, 1884. P. 408)².

Из анализа Уикстида следует, что марксистская концепция ценности рабочей силы может иметь силу только по отношению к рабовладельческим обществам, где она производится на тех же условиях, что и все остальные товары. Поскольку Маркс отбрасывает мальтузианское объяснение, из которого исходили экономисты-классики, а то, которое он предлагает взамен, при ближайшем рассмотрении оказывается несостоятельным, в его теоретической схеме образуется огромная брешь: в рамках предпринятого им ана-

-
2. Эту мысль можно выразить иначе: в современных обществах работодатель не может через голову работника направлять на производство его (работника) рабочей силы такое количество труда, которое он (работодатель) счел бы для себя желательным.

лиза ценность ключевого товара — рабочей силы — оказывается неопределенной. Вопреки претензиям Маркса никакого решения этой проблемы он не дал (ibid. P. 409). Но неопределенность ценности рабочей силы автоматически означает неопределенность прибавочной ценности, величина которой определяется по остаточному принципу. Ни ценность рабочей силы, ни прибавочная ценность не получают, таким образом, реального объяснения. Как следствие, смысловое ядро всей конструкции — идея эксплуатации труда капиталом — лишается опоры и повисает в воздухе.

Анализ приводит Уикстида к результатам, сокрушительным для марксистской системы: 1) она неспособна дать удовлетворительное объяснение феномена относительных цен; 2) ее трактовка ценности рабочей силы непоследовательна и внутренне противоречива; 3) ее идея прибавочной ценности лишена научной основы. Отсюда итоговый вердикт: «Как мне представляется, Маркс не выявил никакого имманентного закона капиталистического производства, согласно которому человек, покупающий рабочую силу по ее ценности, извлекал бы из ее потребления прибавочную ценность» (ibid.).

В заключение Уикстид отмечает, что многие идеи, высказанные Марксом в последних главах «Капитала», представляются ему чрезвычайно ценными, хотя он и не понимает, как они логически связаны с его абстрактными рассуждениями в первых главах книги. Здесь Уикстид ставит финальную точку: «Цель моей статьи была чисто критической, и поэтому я считаю свою задачу на данный момент выполненной» (ibid.).

Последствие

Публикация статьи Уикстида произвела среди британских интеллектуалов эффект разорвавшейся бомбы. «Католик, оспаривающий непогрешимость римского Папы, — писал Б. Шоу, — не мог бы вызвать большего скандала. Немедленно был вынесен приговор об отлучении: <..> и [все] <..> начали с нетерпением спрашивать друг друга по мере того, как месяц шел за месяцем, почему же еретик остается без

ответа» (*Ellis*, 1930. Pp. 69–70). Нет никаких сомнений, что все социалистические лидеры ознакомились с критикой Уикстида, поскольку она была опубликована в официальном органе Социал-демократической федерации. Однако никто из них так и не решился поднять брошенную перчатку. Затянувшееся молчание становилось неприличным и тогда, увидев, что никто из ведущих социалистов не рвется отвечать Уикстиду, на защиту Маркса решил встать молодой социалист, драматург и публицист, Бернард Шоу. Его ответ был опубликован в следующем году в одном из номеров того же журнала «*To-Day*» (*Shaw*, 1885). Но выглядела его защита несколько экзотически.

С одной стороны, Шоу всячески иронизирует над теорией предельной полезности: «Я вовсе не буду расстроен, когда смогу с облегчением забыть про нее после того, как ее атака будет отбита, и прежний прозрачный поток рикардianской теории трудовой ценности смоем всю ту мусть, которую поднял покойный Стэнли Джевонс и которая, пусть даже выраженная в дифференциалах, представляет собой в действительности бесконечно малую величину» (*ibid.* P. 22). С другой — он совсем не в восторге от бесконечных словопрений социалистов, «погрязших в догматических спорах о том, чему учил Маркс или чему, по их догадкам, он должен был бы учить в своем анализе ценности», и хвалит Уикстида за то, что тот «поступил мудро и предусмотрительно, возглавив наступление на экономическую цитадель Коллективизма, которое рано или поздно должно было начаться» (*ibid.*).

Попутно Шоу признается, что не обладает необходимой компетенцией, которая позволила бы ему представить опровержение критики Уикстида, и потому совершенно не собирается этого делать (*ibid.* P. 23). Затем он выдвигает более чем смелое предположение о том, что, возможно, неопубликованные тома «Капитала» содержат немало элементов джевонсовской теории предельной полезности, и в таком случае дальнейшая дискуссия не имеет смысла. Поэтому Шоу выбирает наиболее удобную для себя стратегию: даже

не пытаясь защищать трудовую теорию ценности Маркса от выдвинутых против нее возражений, он вместо этого переходит в наступление на теорию полезности Джевонса, как будто бы это само по себе спасало марксистский подход от критики Уикстида. Но и здесь достигает немногого. Как справедливо замечает Р. Хоуи, «в очищенном от риторических красот виде статья Шоу реально ничего не говорит в пользу теории трудовой ценности Маркса и мало что говорит против теории предельной полезности Джевонса» (Howey, 1960. P. 122). По большому счету все содержательные контраргументы Шоу сводятся к обсуждению двух условных примеров, которые, как он полагал, не поддаются объяснению в терминах теории предельной полезности.

В своей короткой ответной реплике (две страницы) Уикстид сначала отдает должное литературному блеску, с каким написан комментарий Шоу, а затем показывает, как теория полезности Джевонса может с легкостью решить те проблемы, которые представлялись Шоу неразрешимыми (в первом случае тот смешал общую и предельную полезность, а во втором не учел возможность существования излишка потребителя) (Wicksteed, 1885). Заканчивает Уикстид свой ответный комментарий общей оценкой марксистской теории: «В заключение лишь два слова о важности этого спора. Он касается не просто каких-то абстрактных материй (хотя даже если бы это было так, то уж поклонники Маркса едва ли имели бы право отворачиваться от них с пренебрежением). Этот спор затрагивает всю систему экономической науки, но прежде всего теорию Маркса. Находясь в противоречии с очевидными фактами и не предпринимая никаких попыток (во всяком случае, в опубликованной на сегодня части “Капитала”) это явное противоречие устранить, Маркс пытается посредством чистой логики заставить нас поверить, что “прибыль”, “процент” и “рента” должны иметь своим источником “прибавочную ценность”, которая возникает в результате покупки “рабочей силы” по ее ценности и продажи продуктов также по их ценности. Краеугольным камнем всех

этих построений является принятая Марксом теория ценности, и я попытался показать, что она несостоятельна» (ibid. P. 179).

Собственно на этом первое столкновение маржинализма с марксизмом было закончено, и полная победа осталась за Уикстидом. Гробовое молчание марксистов в ответ на критику (если не считать неудачную реплику Шоу) было красноречивее любых слов: ни один из них так и не решился выступить против Уикстида в защиту Маркса. Де-факто они смирились с поражением, признав (полностью или частично, явно или неявно) превосходство теории предельной полезности Джевонса над трудовой теорией ценности Маркса. Впрочем, это не означало окончания самой дискуссии, которая велась в социалистических изданиях еще несколько лет, но уже без какого-либо участия Уикстида. Предметом обсуждения был вопрос: что же делать с трудовой теорией ценности Маркса теперь, после того, как были продемонстрированы ее неполнота и ошибки. Одни призывали отбросить ее целиком, взяв на вооружение теорию предельной полезности, другие предлагали создать из альтернативных теорий Маркса и Джевонса некий гибрид. Но к Уикстиду все это уже не имело отношения. Факт остается фактом: представленная им критика так никогда и не была публично оспорена ни одним марксистом³.

С вердиктом современников согласны и все позднейшие комментаторы, причем, что важно, независимо от их идеологических установок. Так, по словам Роббинса, статья Уикстида стала «первой научной критикой теории Маркса <..> и в некоторых отношениях эта критика остается самой сокрушительной» (Robbins, 1970. P. 192). Столь же высоко отзывался о ней известный марксистский экономист П. Суизи: «Критика марксистской теории Уикстидом была

-
3. В сообществе профессиональных экономистов критика Уикстида также была встречена благоприятно. Фоксвелл был настолько впечатлен ею, что начал усердно пропагандировать его статью среди коллег и знакомых и, по некоторым сведениям, на одном обеде даже пытался завести разговор о ней с Энгельсом (White, 2018). Копию своей публикации Ф. Уикстид послал Л. Вальрасу, и тот чрезвычайно тепло о ней отзывался.

одной из самых ранних, а также одной из самых лучших с точки зрения субъективистской теории ценности» (*Sweezy*, 1949. Р. 244). Э. Хобсбаум полагал, что «мало какой из критических анализов Маркса был настолько эффективен, как анализ Уикстида» (*Hobsbawm*, 1957. Р. 37). Итальянский историк экономической мысли Дж. Де Виво так оценивает общие результаты дискуссии: «В конечном итоге марксисты оказались совершенно неспособны себя защитить и теория Джевонса одержала победу» (*De Vivo*, 1987. Р. 43).

Свое поражение в полемике с Уикстидом вынужден был признать Шоу: «Когда Филипп Уикстид, обратившийся в поклонника теории Джевонса, атаковал знаменитую теорию ценности Маркса, а мне пришлось защищать ее, потому что не нашлось никого лучше, я ничего не знал об абстрактной экономической теории. В течение нескольких лет я бился над этим предметом, посещая вместе с Уикстидом один клуб, где он читал лекции о теории Джевонса. Я пришел к выводу, что в том, что касается абстрактной теории, Уикстид был прав, а Маркс заблуждался» (*Shaw*, 1949. Р. 81). Вспоминая свою полемику с Уикстидом, Шоу писал, что она закончилась весьма парадоксально — его собственным обращением в веру оппонента (*Steedman*, 1989. Р. 130). В результате он стал непримиримым противником трудовой теории ценности и ярким сторонником теории предельной полезности: «Я вручил себя в руки м-ра Уикстида и стал убежденным джевонсианцем, восхищаясь хитросплетениями теории Джевонса и изяществом, с которым она может применяться ко всем случаям, которые заставляли предшествовавших экономистов, включая Маркса, утопать в неуклюжих дистинкциях между потребительной ценностью, меновой ценностью, трудовой ценностью, ценой спроса, ценой предложения и прочими путанными понятиями того времени» (*Shaw*, 1926. Р. 275). На одной из своих книг, подаренных Уикстиду, Шоу сделал знаменательную надпись: «Моему отцу в экономической теории» (*Steedman*, 1989. Р. 130). Его оценка Маркса-экономиста упала так низко, что однажды он даже включил его — вместе с Г. Джорджем

и Дж. Рёскиным – в тройку «дилетантов-пропагандистов от политической экономии» (цит. по: *DeVivo*, 1987. P. 43)).

Вслед за Шоу все остальные члены Фабианского общества, многие из которых, как и он, посещали Экономический клуб и слушали лекции Уикстида, также начали отказываться от трудовой теории ценности Маркса, убедившись после дискуссии на страницах «*To-Day*», что именно теория предельной полезности (правда, скорее в версии Маршалла, чем Джевонса) представляет передний край современной экономической науки. Значение этого поворота трудно переоценить: понадобилось всего несколько лет, чтобы доминирующее социалистическое течение Британии перестало быть марксистским.

Уикстид был хорошо знаком со всеми ведущими фабианцами и внимательно следил за эволюцией их взглядов. В рецензии на сборник их программных статей «Фабианские очерки» (*Fabian Essays...*, 1889) он приветствовал их разрыв с марксизмом: «“Фабианцы” внимательно изучали политическую экономию, отсюда их решительный и бесповоротный отказ от системы Карла Маркса. Отныне “*Das Kapital*” уже не социалистическая Библия <..> В ключевом пункте теории ценности фабианцы предстают де-факто как чистые “джевонсианцы”» (*Wicksteed*, 1890. P. 530). В его глазах это означало, что социалистов «фабианского толка следует считать соратниками экономистов новой школы» (*ibid.* P. 531). При этом Уикстид прекрасно сознавал, что немалая заслуга в отказе значительной части британских интеллектуалов от марксизма (во всяком случае – в его «догматической» версии) принадлежит ему. В той же рецензии на «Фабианские очерки» он с удовлетворением констатировал: «Паучья схоластика [Маркса] оказалась сметена, а его теория “прибавочной ценности” отправлена на свалку, где находятся останки всех и всяческих мифологий» (*ibid.*).

Исторические круги, разошедшиеся от такого, на первый взгляд, незначительного события как публикация в малоизвестном журнале небольшого текста малоизвестного автора,

оказались беспрецедентно широкими. Во многом именно благодаря усилиям Уикстида фабианцы отrekliсь от «догматического» марксизма и разработали собственную альтернативную версию социализма. Это остановило победное шествие марксистских идей в Великобритании и послужило одной из главных причин, почему на британской почве марксизм так и не прижился и не получил такого же широкого распространения, как в странах континентальной Европы, оставшись достаточно маргинальным явлением. С точки зрения истории идей важнейшим практическим результатом первого столкновения марксизма и маржинализма, по-видимому, нужно считать то, что британский социализм (в основной его части) раз и навсегда перестал быть марксистским.

Но и это еще не все. Пример фабианцев, радикально пересмотревших под влиянием критики Уикстида свои взгляды, оказался заразительным: стало ясно, что вполне возможно считать себя социалистом (или даже марксистом), полностью отвергая марксистские экономические идеи или сочетая их с маржиналистскими. Как мы знаем, именно по этому пути вскоре пошло движение, известное как «ревизионизм».

Его родоначальник немецкий социалист Э. Бернштейн (1850–1932) жил в ссылке в Лондоне с 1888 по 1901 гг., т.е. в тот критический период, когда левые интеллектуалы Великобритании активно обсуждали дилемму «марксизм versus маржинализм». Хотя позднее Бернштейн отрицал существование у него каких-либо тесных личных или идейных связей с фабианцами, он, несомненно, внимательно следил за дискуссиями, которые шли в то время среди местных социалистов, и поэтому не мог не знать о критике Уикстида (Steedman, 1989). Вслед за фабианцами Бернштейн учитывал в своей «ревизованной» версии марксизма достижения теории предельной полезности, именуя ее разработчиков «изобретательными людьми». При этом он не отбрасывал марксистский подход полностью. Подобно некоторым фабианцам, он пытался примирить его с маржинализмом, заявляя, что экономическая ценность всегда «андрогинна», поскольку

содержит в себе элементы как полезности (потребительной ценности, спроса), так и издержек производства (рабочей силы). Он полагал также, что марксистские концепции трудовой ценности и прибавочной ценности логически никак не связаны: эксплуатация — это очевидный эмпирический факт, существующий независимо от того, признается ли трудовая теория ценности Маркса ошибочной или нет (*ibid.* P. 142). Эклектичную позицию в вопросе о теории ценности, занятую вслед за фабианцами Бернштейном, можно считать отправным пунктом всего его проекта по «ревизии» марксизма (*Бернштейн, 2015*).

По-видимому, не будет сильным преувеличением сказать, что публикация критического очерка Уикстида о «Капитале» К. Маркса сильно поспособствовала наступлению в марксистском социализме периода разброда и шатаний, который раз начавшись, затем уже никогда не кончался.

* * *

В общем случае критика любой экономической доктрины может быть адресована двум очень разным аудиториям.

Во-первых, сообществу профессиональных экономистов. Здесь усилиями Ф. Уикстида, а еще больше О. Бём-Баверка (*Бём-Баверк, 2009*) и В. Парето (*Pareto, 1902*), марксистская теория была отеснена за границы академической экономической науки и оказалась вынуждена влачить существование в виде гетеродоксальной школы, малоинтересной для профессионалов. Уже к концу XIX в. среди ведущих экономистов сложилось твердое убеждение в ничтожной научной ценности экономических идей Маркса. Так, в «Принципах» А. Маршалла Маркс упоминается считанное число раз и всегда в однозначно негативном контексте (*Hobsbawm, 1957. P. 38*). Г. Сиджвик обнаруживал в трудах Маркса «полнейшую неразбериху, на изучение которой, я думаю, английскому читателю едва ли стоит тратить время, поскольку даже наиболее разумные и влиятельные из английских социалистов стараются сейчас держаться от него подальше» (*Sidgwick, 1895*).

Р. 343). Столь же нелицеприятен был и Ф. Эджворт (первый редактор «Economic Journal»): «Мы с большой симпатией относимся ко всем тем, кто считает, что теории Маркса совершенно не достойны внимания серьезного ученого» (Edgeworth, 1921. Р. 71). В. Парето в одном из писем к М. Панталеони также отмечал, что «значение Маркса <..> как экономиста само по себе ничтожно и связано только с тем, что за ним стоят все эти социалисты», так как он служит «руководством (textbook) для почти всех их школ»: по этой и только по этой причине «важно объяснять, где и каким образом <..> он впадал в ошибки» (Mornati, 2018. Р. 221). Эхом подобных оценок можно считать признание Дж.М. Кейнса, сделанное им в 1935 г. в письме к Б. Шоу: «Я уверен, что <..> экономическая ценность [«Капитала»] равна нулю» (Скидельски, 2005. Т. 2. С. 108)⁴.

Во-вторых, если говорить о марксизме, то адресатом его критики могут выступать сами социалисты или, в более общих терминах, интеллектуалы из левого политического лагеря. В первую очередь именно их имел в виду Уикстид, когда писал свою статью, и именно они оказались ее главными читателями. (По аналогии здесь можно вспомнить посвящение, которое Ф. Хайек предпослал своей «Дороге к рабству», – «Социалистам всех партий» (Хайек, 2005)). Первая встреча маржинализма с марксизмом закончилась полной победой Уикстида и это было признано обеими сторонами. Можно сказать, что он нанес поражение марксизму в сфере, где тот всегда был особенно успешен и где ему чаще всего удавалось обходить любых конкурентов: речь идет об индоктринировании сознания образованных классов общества, а если говорить более конкретно – о формировании картины мира левоориентированной интеллигенции.

Мне кажется, эта двойная победа Ф. Уикстида над марксизмом заслуживает того, чтобы о ней помнить.

4. Единственным исключением среди экономистов первой величины той эпохи был Й. Шумпетер (Schumpeter, 1954), ставивший Маркса исключительно высоко. Но он, как хорошо известно, всегда получал удовольствие от того, чтобы идти против общего мнения, действуя по принципу *épater la bourgeoisie*.

ЛИТЕРАТУРА

- Бернштейн Э. (2015). Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. М.: Либроком.
- Бём-Баверк О. (2009). Теории эксплуатации / Бём-Баверк О. Избранные труды о ценности, проценте и капитале. Капитал и процент. Т. 1. М.: Эксмо. С. 601–704.
- Маркс К. (1960). Капитал. Т. 1 / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат. 2-е изд. Т. 23.
- Скидельски Р. (2005). Джон Мейнард Кейнс, 1883–1946. М.: Московская школа политических исследований. Т. 1–2.
- Хайек Ф. (2005). Дорога к рабству. М.: Новое издательство.
- Энгельс Ф. (1964). Письма Эдуарду Бернштейну, 13–15 сентября 1884 г. / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат. 2-е изд. Т. 36. С. 177–179.
- De Vivo G. (1987). Marx, Jevons, and Early Fabian Socialism // Political Economy. Studies in the Surplus Approach. Vol. 3. No. 1. Pp. 37–61.
- Edgeworth F.Y. (1921). Untitled Review of “The Revival of Marxism” by J.S. Nicholson; “Karl Marx” by A. Loria // Economic Journal. Vol. 31. No. 121. Pp. 71–73.
- Ellis R.W. (ed.). (1930). Bernard Shaw and Karl Marx. A Symposium, 1884–1889. New York: Random House.
- Fabian Essays in Socialism. (1889). Ed. by B. Shaw. N.Y.: Humboldt Publishing Co.
- Flatau P. (2004). Jevons’s One Great Disciple: Wicksteed and the Jevonian Revolution in the Second Generation // History of Economics Review. Vol. 40. No. 1. Pp. 69–107.
- Hobsbawm E.J. (1957). Dr. Marx and the Victorian Critics // New Reasoner. No. 1. Pp. 29–38.
- Howey R.S. (1960). The Rise of the Marginal Utility School, 1870–1889. Lawrence: University of Kansas Press.
- Mornati F. (2018). Vilfredo Pareto: An Intellectual Biography. L.: Palgrave Macmillan. Vol. 1. P. 221.
- Pareto V. (1902). Les systèmes socialistes. P.: Giard & E. Brière. Vol. 1–2.
- Robbins L. (1970). Philip Wicksteed as an Economist. In: Robbins L. The Evolution of Modern Economic Theory. Pp. 189–209.
- Robinson J.V. (1934). Euler’s Theorem and the Problem of Distribution // Economic Journal. Vol. 44. No. 175. Pp. 398–414.
- Schumpeter J.A. (1954). History of Economic Analysis. New York: Oxford University Press.

- Shaw G.B.* (1885). The Jevonian Critique of Marx // *To-Day*. Vol. III. January. Pp. 22–26.
- Shaw G.B.* (1926). On the History of Fabian Economics. In: Pease E.R. *History of the Fabian Society*. N. Y.: International Publishers. Appendix I.A. Pp. 173–177.
- Shaw G.B.* (1949). *Sixteen Self Sketches by Bernard Shaw*. L.: Constable & Coltd.
- Sidgwick H.* (1895). The Economic Lessons of Socialism // *Economic Journal*. Vol. 5. No. 19. Pp. 336–346.
- Steedman I.* (1989). P.H. Wicksteed's Jevonian Critique of Marx. In: *Steedman I. From Exploitation to Altruism*. Oxford: Blackwell. Pp. 117–144.
- Stigler G.J.* (1959). Bernard Shaw, Sidney Webb and the Theory of Fabian Socialism // *Proceedings of American Philosophical Society*. Vol. 103. No. 3. Pp. 469–475.
- Sweezy P.M.* (1949). Fabian Political Economy // *Journal of Political Economy*. Vol. 57. No. 3. Pp. 242–248.
- White M.V.* (2018). Searching for New Jerusalems: P.H. Wicksteed's "Jevonian" Critique of Marx's "Capital" // *The European Journal of the History of Economic Thought*. Vol. 25. No. 5. Pp. 1113–1153.
- Wicksteed P.H.* (1884). "Das Kapital": a Criticism // *To-Day*. Vol. 2. No. 4. Pp. 388–409.
- Wicksteed P.H.* (1885). The Jevonian Criticism of Marx: a Rejoinder // *To-Day*. Vol. 3. No. 2. Pp. 177–179.
- Wicksteed P.H.* (1890). "Fabian Essays in Socialism" // *Inquirer*. 16 August. Pp. 530–531.
-

А.А. Дмитриев
СПбГЭУ, СПбГУ, г. Санкт-Петербург

ИДЕИ МАРЖИНАЛИЗМА В РОССИИ: ПЕРВЫЕ ШАГИ

2021 г. в среде историков экономической мысли и методологов проходил под флагом 150-летнего юбилея сразу двух работ: «Основания политической экономии» («Grundsätze der Volkswirtschaftslehre») Карла Менгера, которая принесла автору мировую известность и заложила основы формирования австрийской экономической школы, а по утверждению М. Блауга, стала одной из причин «маржиналистской революции» (Блауг, 1994. С. 275); «Теория политической экономии» («The Theory of Political Economy») Уильяма Джевонса. Безусловно, многое уже было «придумано» и сказано до появления этих работ – в особенности в знаменитой книге Г. Госсена 1854 г. «Развитие законов общественного обмена и вытекающих отсюда правил общественной торговли» («Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs, und der daraus fließenden Regeln für menschliches Handeln»). Между тем не полностью еще изучен вопрос проникновения идей маржинализма в российскую научную экономическую среду. Одна из первых попыток общей оценки состояния российской экономической науки в плане теории предельной полезности была предпринята еще в 1908 г. В.К. Дмитриевым в обзоре литературы на русском языке по теории полезности (Дмитриев, 2001).

Нельзя сказать, что российские экономисты не следили за научными новинками. Так уже в 1858 г. И.В. Вернадский в обзорной работе по истории политической экономии называет книгу Г. Госсена (*Вернадский, 1858*). Между тем в подавляющем большинстве научных и учебных трудов по политической экономии 1850–1880-х гг. мы увидим следование традициям классической, исторической школы и катедерсоциализма: аккуратное, или не очень, изложение доктрин от меркантилистов до Дж.С. Милля и В. Рошера. Эта традиция продолжалась и позже¹. Во многом, благодаря усилиям Н.И. Зибера, произошло знакомство и активное внедрение в экономическую мысль идей К. Маркса, о чем написано немало работ (см., например: (*Реуэль, 1956; Цвайнерт, 2007*)). Однако ни в «Истории русской экономической мысли»² под ред. А.И. Пашкова, на которой сказался дух времени создания, ни в современной работе И. Цвайнерта «История экономической мысли в России. 1805–1905» подробно проникновение идей маржинализма в Россию не исследовано. Отчасти эту задачу пытались решить Н.С. Шухов с М.П. Фрейдлиным в пионерной работе «Математическая экономия в России» (*Шухов, Фрейдлин, 1996*), но определенная своеобразность изложения материала не до конца проясняет этот вопрос. Это можно сказать и относительно другой работы Н.С. Шухова (*Шухов, 1994*). Укажем, что он связывал зарождение экономико-математического направления в России с заметкой

-
1. На это указывает и В.С. Автономов: «Российские экономисты XIX в. преимущественно доносили до отечественной аудитории идеи западных экономистов, таких как А. Смит, Ж.-Б. Сэй, Д.С. Милль, К. Маркс, представители исторической и австрийской школ, и стыдиться здесь совершенно нечего» (*Автономов, 2020. С. 541*). В подтверждение этого можно привести и цитату из работы А.С. Шора (1876–?), писавшего в 1918 г.: «Первое время мы не замечаем в русской литературе преобладания ни субъективизма, ни объективизма. Теории, которые господствуют здесь в первой половине XIX века, представляют соединение того и другого течения, так как в общем повторяют современные направления преимущественно английской, отчасти французской политической экономии» (*Шор, 1918. С. 334*).
 2. Справедливости ради отметим, что в этой работе, благодаря текстам Н.С. Шухова, достаточно излагались идеи отечественных ученых рубежа веков. Так, вполне обстоятельно описывались взгляды В.К. Дмитриева и Е.Е. Слуцкого с указанием на приоритет этих ученых (*История русской экономической мысли, 1966. С. 190*). Позднее эти тексты будут почти полностью воспроизведены в работе (*Шухов, 1994*).

А.И. Чупрова «Математическое вычисление цены труда» 1867 г. (Шухов, Фрейдлин, 1996. С. 12). Следует выделить и работу немецкого ученого Х.-Ю. Серафима 1927 г. «Новые русские теории ценности и процента на капитал» («Neure russische Wert- und Kapitalzinstheorien».³ По данной проблематике опубликована статья Н.А. Макашевой, в которой сделана попытка объяснения причин позднего проникновения маржинализма в Россию (Макашева, 2009).

В качестве примера «умалчивания» нового направления отметим, что в вышедшем в 1886 г. учебнике «Политическая экономия» И.И. Иванюкова – автора, который тщательно следил за современной мировой экономической литературой, даже не упоминаются ни К. Менгер, ни другие представители маржинализма. Весь обзор экономических учений заканчивается работами Л. Брентано и А. Вагнера (Иванюков, 1886. С. 57–59). И. Иванюков, характеризуя российскую политико-экономическую литературу, указывал: «До шестидесятых годов число экономических сочинений не превышает десятка. Они представляют собою почти всецело извлечения из труда Адама Смита без всякого приложения идей хозяйственной свободы к русской действительности. В журнальной литературе, обставленной еще большими цензурными стеснениями, экономическая статья была редкостью» (там же. С. 59). Достаточно полная картина восприятия в России идей и направлений западной мысли была дана М.И. Туган-Барановским в статье «Экономическая наука» в популярном «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона (Туган-Барановский, 1899).

-
3. По всей вероятности, именно Серафим ввел понятие «Киевская школа» в российскую политическую экономию, отнеся к ней И.В. Вернадского, Н.Х. Бунге, Д.И. Пихно, Н.М. Цитовича, А.Д. Билимовича. Эта школа была выделена им как по сугубо географическому, так и по методологическому принципу. «Насколько правомерен термин “Киевская школа”, здесь остается необъяснимым. Все дело в том, чтобы подчеркнуть оппозицию господствующему в Москве и Петербурге направлению», – отмечал Серафим (Seraphim, 1925. S. 39). Кроме того, он подчеркивал, что на кафедре политической экономии Киевского университета было всегда сильно влияние западной экономической мысли.

В.К. Дмитриев в своем обзоре литературы по теории ценности отмечал, что интерес к вопросам теоретической экономики вообще и к данной теории в частности стал обсуждаться в научной литературе в 1860-х гг. По его мнению, после некоторого оживления в экономической литературе в начале 70-х гг. начался застой, длившийся до 90-х гг. В начале 1870-х гг. российский читатель имел «во вполне удовлетворительных переводах представителей самых разнообразных течений в учении о ценности: кроме Смита-Рикардовского направления (теория издержек производства), были в достаточной мере представлены: и теория спроса—предложения в ее крайней форме (например, Маклеод), и субъективная школа Сэя (например, в лице последователя Сэя — Гарнье), и смешанные направления, комбиниовавшие различные теории: например, теорию спроса и предложения с теорией издержек производства (многочисленная группа); имелся и материал для критики перечисленных теорий...» (Дмитриев, 2001. С. 473–474). В. Дмитриев отмечал, что при таком изобилии переводных работ «усвоены русским обществом лишь очень немногие и — что особенно важно — далеко не наиболее ценные произведения» (там же. С. 475). Наиболее видную роль сыграла книга Дж.С. Милля «Основания политической экономики» — именно она, «исполненная неточностей и логических противоречий», стала в России главным первоначальным проводником теории ценности Д. Рикардо и классической школы. Диссертацию Н.И. Зибера «Теория ценности и капитала Д. Рикардо в связи с позднейшими разъяснениями и дополнениями» (1871) В.К. Дмитриев характеризовал как «специфически-марксистскую» и указал на то, что его ученый авторитет освятил «полубессознательное пренебрежение» к субъективным и психологическим теориям ценности под влиянием ложной идеи, что они противоречат принципам позитивизма, царившим в умах русского общества. Чистая теория спроса—предложения, по мнению Дмитриева, никогда не пользовалась популярностью в России, а после критики Г. Торнтона утратила свою значимость. Все это послужило благодатной почвой

для распространения марксизма в России: «Обаяние имени Маркса и ошибочное представление о неразрывности связи его теории ценности с теорией эксплуатации труда сделали “веру” в трудовую теорию еще более фанатичной и нетерпимой к иным взглядам и попыткам критики» (там же. С. 476). В результате, по мнению Дмитриева, наблюдался небывалый факт: самого крупного течения (по своим размерам и последствиям) европейской экономической мысли в России просто не замечали.

Книга К. Менгера «Основания политической экономики» была выпущена на русском языке только в 1903 г. под редакцией Р.М. Орженцко (Менгер, 1903). Зато его работа «*Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaft und der politischen Ökonomie insbesondere*», вышедшая в 1883 г., уже в 1894 г. была опубликована на русском языке под редакцией чиновника Министерства финансов А.А. Гурьева (Менгер, 1894).

Видимо, первым, кто обратил серьезное внимание на труд К. Менгера в России, был М.И. Туган-Барановский, который в 1890 г. в «Юридическом вестнике» опубликовал статью с изложением идей предельной полезности (Туган-Барановский, 1890). В 1901 г. А.А. Мануйлов (Мануилов) в работе «Понятие ценности по учению экономистов классической школы», широко представляя труды ведущих зарубежных маржиналистов, указывал именно на Туган-Барановского (Мануилов, 1901. С. 16).⁴ Эту же мысль в развернутом виде высказывал и В.Я. Железнов в 1927 г. в обзорной статье «Россия»: «М.И. Туган-Барановский был вначале единственным решительным сторонником теории предельной полезности. Слава пришла к нему с его теорией кризисов, но уже

4. Отметим, что одним из последних представителей «русского классицизма», по мнению А.С. Шора, был А.А. Мануйлов (Шор, 1918. С. 342). В его лице это направление вынуждено было реагировать на появление теории предельной полезности. Указав на проблему связи между ценой и деньгами как на слабое место теории предельной полезности и отметив, что эта теория нашла критика в лице Макферлена, Мануйлов отстаивал учение английских классиков. Но в отличие от экономистов 1860–1880-х гг. он не выдвигал против новой теории спроса и предложения каких-то аргументов.

в первой работе “Учение о предельной полезности хозяйственных благ как причине их ценности” <..> он поддержал эту теорию» (Железнов, 2003. С. 285).

Статья М.И. Туган-Барановского 1890 г., как указывал сам автор, была призвана «познакомить читателей с новейшими успехами теории экономической науки – именно с оригинальной теорией ценности, развиваемой в последнее время одновременно несколькими экономистами» (Туган-Барановский, 1890. С. 193). В поле зрения ученого оказались работы Г. Госсена, К. Менгера, Л. Вальраса и У. Джевонса. После обстоятельного разбора их идей автор высказывал ряд собственных суждений. Он отмечал, что теория предельной полезности «по всей своей конструкции» примыкает к тем теориям ценности, которые выводят ценность экономических благ из полезности, и что основание теориям данного типа было положено Ж.-Б. Сэем и А.К. Шторхом, а затем развито Б. Гильдебрантом и К. Книсом. Однако, «несмотря на то, что многие экономисты пытались объяснить явление ценности полезностью хозяйственных благ, до последнего времени эти попытки были неудачны» (Туган-Барановский, 1890. С. 207). Теория предельной полезности делает закон спроса и предложения *научными законами*.

Заканчивал же свой обзор Туган-Барановский следующей мыслью: «Мы постарались показать, что теория предельной полезности не только не составляет опровержение взглядов Рикардо или Карла Маркса, но что, наоборот, эта теория, правильно понятая, составляет неожиданное подтверждение учения о ценности названных экономистов. Менгер и его школа исследовали субъективные причины ценности, Рикардо и его последователи – объективные. До работы Менгера можно было думать, что оценка блага по его хозяйственной полезности не соответствует оценке того же блага по трудовой стоимости последнего. Теория предельной полезности доказывает, что оба принципа оценки находятся между собой в согласии...» (там же. С. 228). Здесь, очевидно, заложены основы попытки соединить теорию трудовой цен-

ности и предельной полезности, последовательно развиваемой Туган-Барановским в будущих работах.

Отметим, что в 1893 г. в Казани вышла первая часть труда В.Ф. Залесского (Залеского) «Учение о происхождении прибыли на капитал» – «Учение о ценности». На важность этой работы мы уже обращали внимание (Дмитриев, 2014). В ней Залесский, основываясь на трудах зарубежных ученых (Г. Спенсер, О. Бём-Баверк, В. Рошер, А. Вагнер и др.), предлагал свою оригинальную теорию ценности.

Ценность, по Залесскому, как и полезность, есть качество, свойство известных объектов. «В науке, – писал Залесский, – вопрос о том, есть ли ценность свойство данного объекта или нет, подробно не разбирается, но большинство ученых склонны думать, что полезность есть свойство объектов, а ценность – отношение между имеющим полезность объектами и человеком» (Залеский, 1893. С. 5). В качестве примера он ссылался на работу О. Бём-Баверка «Основы теории ценности хозяйственных благ» (1886), в которой утверждалось, что субъективная ценность есть то значение, которое предмет имеет для человека. А. Вагнер считал, что ценность не является свойством вещи. В. Рошер предполагал, что полезность есть свойство предмета, а ценность – результат человеческого суждения. Залесский же утверждал, что ценность есть в той же мере свойство объектов, как и полезность, поскольку, как и последняя, осознается в виде свойства, качества объектов. При этом понятие «ценность» – есть подчиненное понятию полезности. Поскольку полезность осознается как качество, то ценность, как производная от полезности, должна, по Залесскому, также осознаваться в виде свойства – качества вещей.

Следуя логике О. Бём-Баверка, Залесский указывал, что ограничение доступности блага (сравнительная редкость) создает меновую ценность. Блага, имеющиеся у индивида в большом количестве, превышающие потребность в них, не имеют меновой ценности, а имеют лишь ценность потребительскую. Залесский предлагал отличать индивидуальную *потребительскую ценность* от *социальной*. Первая – это та ценность,

которую благо имеет для данного человека, в конкретных условиях места и времени, вторая – ценность, которую имеет определенный вид благ для людей вообще в средних условиях существования.

Признавая, что понятие сравнительной редкости выдвинуто учеными австрийской школы, Залесский указывал, что это явление носит сложный характер. Ссылаясь на работы А.К. Шторха, который писал об интенсивности спроса в «Курсе политической экономии», он подчеркивал, что соотношение спроса и предложения определяет сравнительную редкость, но не тождественно ей. «Спрос и предложение, – писал Залесский, – определяют сравнительную редкость для предметов, производимых человеком, и производство которых притом возможно в неограниченном количестве до полного удовлетворения потребности; но для благ редких сравнительная редкость определяется с одной стороны спросом или общим объемом потребности, а с другой – никак не предложением, а ... законом природы» (там же. С. 11–12). Поэтому Залесский предлагал выражение «отношение спроса и предложения» заменить на более широкое и более правильное – «сравнительная редкость».

В.К. Дмитриев в своей рецензии вынужден был признать, что хотя книга Залесского и не блистала оригинальностью, она обнаружила, что новое направление в теории ценности имеет немало сторонников (Дмитриев, 2001. С. 477).

В вышедшей в 1895 г. работе «Полезность и цена» Р.М. Орженцкий требовал распространения выводов теории предельной полезности на случай обмена между двумя лицами. Он отмечал, что «теория Менгера была новой в том смысле, что, независимо от прежних исследований, она излагала забытые и неизвестные в то время взгляды в такой совершенной форме, которая придавала им новый смысл и силу. Быть может, успех новой теории был обеспечен уже книгой Менгера» (Орженцкий, 1895. С. 4).

Р. Орженцкий демонстрировал хорошее знание новейшей для того времени экономической литературы по дан-

ному вопросу: имеются ссылки на работы К. Менгера, Э. Бём-Баверка, Ф. фон Визера, Р. Ауспица и Р. Либена, В. Матайа. С. Патена, Ф. Уикстида и др. Он обращал пристальное внимание на работу итальянского ученого Р. Салерно, пытавшегося органически соединить теорию полезности с теорией труда. Так, Р. Орженцкий, следуя за К. Менгером, рассматривал процесс осуществления меновой сделки между двумя лицами. По существу, в этой работе описывалась формализация идей К. Менгера с помощью дифференциального исчисления.

В работе Орженцкого приводились следующие рассуждения. Если полезность определенного количества товара для лица A обозначить через u , а получаемого – через v , то обмен между лицами невозможен, когда $u = v$. Если количество отдаваемых товаров задано и равно t , известны шкалы сравнительного значения потребностей для лица A и полезность u , то всегда можно найти то количество единиц полезности предметов R , которое соответствует полезности v . Если обозначить это количество через r , то обмен будет невозможен при меновом соотношении $t : r$. Возможность обмена появится только тогда, когда «полезность отдаваемого бесконечно мало разнится от полезности получаемого» (там же. С. 28), т. е. когда выполняется неравенство $u < v + dv$, где dv – некоторое бесконечно малое приращение полезности v . Полезность $v + dv$ будет соответствовать уже не количеству r единиц полезности предметов R , получаемых в обмен на данное количество t других предметов T . Максимум получаемых в обмен предметов должен удовлетворять условию: полезность количества товара для лица B должна быть меньше полезности для него t предметов хотя бы на бесконечно малую величину.

Как отмечал американский историк Дж. Нормано (И.И. Левин), Орженцкий и Залесский восприняли учение австрийской школы, причем на первого, несомненно, повлияли идеи А. Маршалла (Нормано, 2010. С. 397). Определенную роль в пропаганде идей маржинализма сыграла и статья польского публициста и социолога Л. Винярского, опубликованная в 1897 г. в популярном журнале «Научное обо-

зрение» и посвященная роли в математике в политической экономии (*Винярский*, 1897). В ней автор подробно излагал взгляды У. Джевонса, указывавшего, что политическая экономия должна стать наукой математической, так как имеет дело с количественными явлениями.

Видимо, эти две работы (Залесского и Орженцко) послужили толчком к пристальному знакомству с идеями маржиналистов. Начиная со второй половины 1890-х гг. ситуация резко меняется – выходят работы А.А. Мануйлова, В.К. Дмитриева, В.С. Войтинского, Е.Е. Слуцкого, Н.Н. Шапошникова и др. Маржиналистская революция достигает России и находит своих сторонников.

ЛИТЕРАТУРА

- Автономов В.С.* (2020). История экономической мысли и экономического анализа: место России / Автономов В.С. В поисках человека. Очерки по истории и методологии экономической науки. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара. С. 535–542.
- Блауг М.* (1994). Экономическая мысль в ретроспективе / Пер. с англ. М.: Дело.
- Вернадский И.* (1858). Очерк истории политической экономии. СПб.: Редакция экономического указателя.
- Винярский Л.* (1897). Математический метод в политической экономии // Научное обозрение. № 12. С. 1–24.
- Дмитриев А.А.* (2014) Первые шаги в развитии теории ценности и полезности в русской экономической литературе второй половины XIX – начала XX века // Финансы и бизнес. № 4. С. 117–129.
- Дмитриев Вл.* (2001). Теория ценности (Обзор литературы на русском языке) / Дмитриев В.К. Экономические очерки. М.: ГУ ВШЭ. С. 472–484.
- Железнов В.Я.* (2003). Россия // Историки экономической мысли России: В.В. Святловский, М.И. Туган-Барановский, В.Я. Железнов. М.: Наука. С. 264–297.
- Залеский В. Ф.* (1893). Учение о происхождении прибыли на капитал. Отд. 1. Учение о ценности. Вып. 1. Часть догматическая. Казань: Типолит. Имп. ун-та.
- Иванюков И.* (1886). Политическая экономия как учение о процессе развития экономических явлений. М.: Типогр. А.И. Мамонтова и Ко.

- История русской экономической мысли / Под ред. А.И. Пашкова (1966). Т. № 4. 1. М.: Мысль.
- Макашева Н.А. (2009). Как маржинализм приходил в Россию? Два эпизода из истории // *Terra Economicus*. Т. 7. № 9. С. 29–41.
- Мануилов А. (1901). Понятие ценности по учению экономистов классической школы. Смит, Рикардо и их ближайшие последователи. М.: Униврс. типогр.
- Менгер К. (1894). Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности / Пер. с нем. под ред. А. Гурьева. СПб.: Книж. маг. А.Ф. Цинзерлинга.
- Менгер К. (1903). Основания политической экономии. Общая часть / Пер. с нем. Г. Тиктина и И. Абезгауза, под ред. Р. Орженцкого. Одесса: Типогр. А. Хакаловского.
- Нормано Дж. [Левин И.И.] (2010). Дух российской экономической науки / Левин И.И. Акционерные коммерческие банки в России. М.: Дело.
- Орженцук Р. (1895). Полезность и цена. Политико-экономический этюд. Одесса: Типогр. А. Хакаловского.
- Реуэль А.А. (1956). Русская экономическая мысль 60–70-х годов XIX века и марксизм. М.: Госполитиздат.
- Туган-Барановский М. (1890). Учение о предельной полезности хозяйственных благ, как причине их ценности // *Юридический вестник*. Т. 6. № 10. С. 192–230.
- Туган-Барановский М. (1899). Экономическая наука / Энциклопедический словарь. Издат. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб.: Типогр. Издат. дело, бывш. Брокгауз–Ефрон. С. 851–854.
- Цвайнерт И. (2007). История экономической мысли в России. 1805–1905 / Пер. с нем. М.: Издат. дом ГУ-ВШЭ.
- Шор А. (1918). Теоретическая проблема спроса и предложения. Одесса: Типогр. под фирмою «Вестник виноделия».
- Шухов Н.С. (1994). Ценность и стоимость (опыт системного анализа). Ч. 2. Теории ценности и стоимости в отечественной экономической науке. М.: Изд-во стандартов.
- Шухов Н.С., Фрейдлин М.П. (1996). Математическая экономия в России. 1865–1995. М.: Наука.
- Seraphim H.-J. (1925). *Neure russische Wert- und Kapitalzinstheorien*. Berlin; Leipzig: Verlag Walter de Gruyter.

Г.Д. Гловели
НИУ ВШЭ, г. Москва

МАРЖИНАЛИЗМ И ДРУГОЙ КАНОН В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ

Историографический обзор

Противопоставление гетеродоксального «второго», или «Другого канона», мейнстримному неоклассическому «первому» канону экономической теории началось в современной историографии экономической мысли под воздействием известной книги Э. Райнерта (*Райнерт, 2011*), апеллирующего к успешным историческим примерам регулируемой «синергетики развития» (*Райнерт, 2010*). Отмечается, во-первых, что зарождение «ортодоксального» первого канона связано с физиократией и классической английской политэкономией, а закрепление — с маржиналистской теорией, которая, начиная с Г. Госсена, сильно отдалась от хозяйственных реальностей и увлеклась изощрением не только индивидуалистических абстракций, но и своего математического аппарата (*Автономов, 2012*). Во-вторых, что наряду с методологическим индивидуализмом для «ортодоксии» характерны равновесный подход и тезис «минимального» государства, тогда как для «Другого канона» — эволюционный подход и обоснование активной промышленной политики (*Буквич, 2015*). И, в-третьих, что «Другому канону» не удалось, в отличие от раскритикованных им английских классиков и маржинали-

стов-неоклассиков создать цельный исследовательский аппарат (Автономов, 2013).

В «Другом каноне» особое место занимают традиции исторической школы (если к ней, следуя Г. Шмоллеру, отнести «Национальную систему политической экономии» Ф. Листа). В России ее называли «реалистическим», или «реалистическо-эмпирическим» направлением, а иногда — «прикладным обществоведением», подразумевая под этим воззрение на политическую экономию как на этическую науку, исследующую хозяйственные явления, во-первых, в их развитии и в связи со всеми другими явлениями общественной жизни, и, во-вторых, с точки зрения хозяйственной политики (Иванюков, 1891). Классическая же политэкономия в России долгое время считалась тождественной обоснованию исключительно эгоизма в экономической деятельности, принципа свободной конкуренции и государственного невмешательства в народнохозяйственную жизнь (Соболев, 1898).

В канун проникновения идей исторической школы в раскрепощавшуюся российскую политэкономия автор первой русской монографии по истории экономических учений Иван Вернадский противопоставил два главных направления в мировой экономической мысли: одно требует известной экономической организации общества, признавая зависимость явлений богатства от общественной власти и желая видеть вмешательство правительства в экономические действия; второе требует возможно большей экономической самостоятельности лиц, настаивая на неизменности естественных законов, лежащих в основе экономических явлений. К первому направлению Вернадский отнес «экономические воззрения древних», меркантилизм, камерализм и социализм, ко второму — физиократию и «школу А. Смита», отметив, что «первое не заботилось о теории; второе — иногда презирало государственную практику» (Вернадский, 1858. С. 2). Последнее замечание относилось скорее к эпигонскому экономическому либерализму, до которого Вернадский прод-

левал «школу А. Смита»¹. Так, по-видимому, впервые в экономической мысли было обозначено противостояние «двух канонов» (хотя в «перевернутом порядке»).

Ровно полвека спустя первый русский экономист-математик Владимир Дмитриев досадовал, что русская экономическая наука целую четверть века «не замечала» школы «предельной полезности» — «самого крупного по своим размерам и последствиям течения экономической мысли», охватившего «все цивилизованные страны Европы, перекинувшегося за океан в Новый Свет, и там, как и в Старом Свете, нашедшего себе последователей среди наиболее выдающихся экономистов-теоретиков» (Дмитриев, 1908. С. 17). Сетования Дмитриева справедливы лишь отчасти — новые школы в теории ценности и распределения, получившие известность как «психологическое и математическое направления», не остались незамеченными в России. Но русская университетская наука, во-первых, не увидела в появившемся маржинализме теоретической системы, способной заменить старые построения классической школы (Железнов, 1905. С. 11), — независимо от того, воспринималось ли «брожение» в западной экономической науке как новая теория ценности, действительно противоположная классической теории издержек производства (Мануилов, 1901. С. 36), либо как всего лишь перелицовка классических принципов свободной конкуренции (Соболев, 1898. С. 310)².

Во-вторых, для российской политэкономии оказались неприемлемыми «представления об обществе как механическом единстве отдельных индивидуумов» и такие «высоты отвлеченно-психологического анализа», с которых очень мало заметны реальные социальные факторы» (Железнов, 1904).

Несмотря на то, что к шмоллеровскому отрицанию дедуктивного подхода не примкнул никто из российских политэкономов (за исключением бывшего министра финан-

-
1. На «растождествление» классической школы и манчестерства ушло не одно десятилетие не только в русской экономической мысли (Гольцев, 1885; Hamilton, 1919).
 2. Такая позиция была распространена в то время и в Европе (Gide, Rist, 1909. Pp. 615–617).

сов академика Бунге³), методологический индивидуализм не внушал им доверия, равно как и «сложные математические формы выражения мыслей, по существу, упрощенных до последней крайности» (там же).

Дело не только в гуманитарном образовании русских политэкономов, путь которых в науку лежал через юридические или историко-филологические факультеты. Выдающийся ученый-энциклопедист Михаил Филиппов (1858–1903), предоставивший страницы основанного им нового «толстого» журнала «Научное обозрение»⁴ для дискуссий о теории ценности и первых русских обзоров маржиналистских доктрин (*Винярский*, 1897; *Рыкачёв*, 1900), был выпускником физмата Петербургского университета и получил степень доктора философии в Гейдельбергском университете за диссертацию по дифференциальным уравнениям (*Гловели*, 2003). Тем не менее он выразил отрицательное отношение к «злоупотреблениям математикой, в которых повинны писатели вроде Вальраса» (*Филиппов*, 1900а. С. 542), равно как и к явственному отпечатку на теории предельной полезности духа биржевой игры («области, где всюду развернулось торгашество») и психологии растущего слоя образованных людей, живущих на те или иные формы рент и пенсий (*Филиппов*, 1900б).

Убежденность, что решение проблемы ценности «не может быть объяснено при помощи элементарных законов, полученных из исследования простейших меновых отношений между хозяйственными единицами, живущими как бы вне какой-либо социальной атмосферы», а политическая экономия, как отрасль обществоведения, исследует явления социальные, «хотя и господствующие над каждым индивидуумом в отдельности, но являющиеся продуктами их психического общения между собою и поэтому имеющие свои корни в индивидуальной психике» (*Мануилов*, 1903. С. 328–329),

-
3. Его «Очерки политэкономической литературы» были признаны не имеющими никакого научного значения.
 4. Издание журнала прекратилось после таинственной гибели его основателя-редактора (*Чижевский*, 1995. С. 320).

сочеталась в российской политэкономии с историческим подходом к принципам свободной конкуренции и государственного вмешательства (*Соболев, 1900*).

Более того, для ученых, сформировавшихся в эпоху раскрепощения и пафоса «общественного служения», было характерным представление, что государственное реформаторство способно ускорить переход отставшей от Запада России на более высокие ступени хозяйственного развития. Отсюда – не только повышенный интерес российской политэкономии к выдвинутым немецкой исторической школой стадильным схемам (к которым с явным пренебрежением отнесся Й. Шумпетер (*Шумпетер, 2001*. С. 1067)) и к немецкой социал-политике, но и более ранняя, чем в самой Германии, корреляция между историзмом в политэкономии и социально-реформаторской «средней линией» (И. Бабст, А. Корсак, А. Чупров). В эту «среднюю линию» оказалось возможным – еще и с народнической поправкой на самобытные «семейные формы производства» (*Иванюков, 1891*. С. 61) – уложить стадильные элементы теории капитализма К. Маркса, воспринимаемые без его революционных выводов. Результат этого – сложившаяся практика участия русских кафедр-социалистов в буржуазном реформаторстве⁵, порождавшая в том числе озвученную листианцем С. Витте идею возможности «перескочить» через «мануфактурный период»

-
5. Популярность едва ли не самого известного российского политэконома пореформенной эпохи А.И. Чупрова зиждилась во многом на том, что, опираясь на свою теорию железнодорожных предприятий, как своеобразного вида крупной индустрии, он «научно доказал, что для рациональной постановки дела эксплуатации железных дорог они должны быть государственными, а не частнохозяйственными» (*Гранат, 1926*. Стб. 20). И в качестве участника правительственной комиссии по выработке железнодорожного устава и публициста сумел «во многом отстоять интересы населения против натиска «железнодорожных акул» и добиться выкупа ж. д. в казну на условиях менее разорительных для страны, чем это было бы без его упорной борьбы» (там же). Главный представитель российской социал-политики академик Иван Янжул во времена пребывания Бунге на посту министра финансов был приглашен во властные органы для привнесения в Россию европейских начал фабричного законодательства, а по поручению министра финансов Витте изучал американский опыт промышленного трестирования в видах последующей выработки русской правительственной линии относительно синдикатов (*Янжул, 1910*. Гл. V, 1911. Гл. V). Политэкономы, примыкавшие к исторической школе (И.И. Кауфман, А.Н. Миклашевский) были привлечены к проведению знаменитой денежной «реформы Витте» 1890-х гг. и т.д.

на стадию крупного фабричного производства посредством заимствования передовых технологий и прилива иностранных капиталов (Витте, 1997)⁶. Отсюда, в хлесткой полемике с реформистским народничеством по поводу как раз «мануфактурного периода», роль марксизма как доктрины капиталистического развития России, которое неизбежно проходит и мануфактурную, и фабричную стадии.

Вся очерченная в предыдущих двух абзацах проблематика, несомненно, тяготела к «Другому канону», и в ее тени оставалась в России маржиналистская модификация «Первого канона». Концепции исторической школы и социал-политики считались гораздо более соответствующими «грандиозному процессу», переносящему центр тяжести хозяйственной жизни от индивидуального произвола предпринимателя и индивидуального приспособления и индивидуальной борьбы работника к общественному строительству и контролю (Железнов, 1905. С. 16). Тем не менее в начале XX в. в российском, если воспользоваться выражением В. Автономова, «континууме» между Двумя канонами (Автономов, 2013) происходили интересные подвижки, создававшие иную ситуацию, чем в конце XIX в., когда российская либеральная школа застыла на старых манчестерских теориях 60-х гг., упустив возможности самостоятельной теоретической работы на пути, указанном западными представителями теории предельной полезности (Железнов, 2003. С. 273).

Энциклопедия Брокгауза и Ефрона как зеркало меняющегося российского отношения к маржинализму

Знаменитый русский энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона может служить своеобразным зеркалом меняющегося российского отношения к маржинализму. В его основном издании (82 полутома в 1891–1904 гг.) только две

6. По-видимому, это положение в «Конспекте» Витте было сформулировано «с подачи» профессора Иванюкова.

статьи были посвящены теоретикам маржинализма – У.С. Джевонсу (А.Н. Миклашевский) и К. Менгеру (М.И. Туган-Барановский), без какого-либо их соотнесения, тогда как молодая историческая школа широко представлена авторами не только германскими (Л. Brentano, К. Бюхер, А. Вагнер, А. Гельд, В. Зомбарт, К.Т. Инама-Стернег, Г. Шмоллер, Г. Шульце-Гевеверниц), но и американским (Р. Эли) и английскими (Дж. Ингрэм, Т. Роджерс, У. Эшли).

В 1911–1916 гг. вышли 29 томов незаконченного Нового энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. В нем уже появились статьи о О. Бём-Баверке, Ф. Визере, Л. Вальрасе, Дж.Б. Кларке, А. Маршалле и их предшественнике Г. Госсене (с формулировками законов Госсена). А как раз в промежутке между изданиями «старого» и «нового» Брокгауза и Ефрона вышли два популярных изложения истории экономических учений, в которых впервые в ее российском освещении были отведены отдельные главы, посвященные маржинализму: «Очерки из истории новейшей политической экономики и социализма» М.И. Туган-Барановского (2-е изд⁷, 1905) и «Очерки истории экономических воззрений на Западе и в России» В.В. Святловского (1913). Оба автора сосредоточились на австрийской школе, но акцентировали «переоткрытие» Госсена Джевонсом и Вальрасом (о влиянии Госсена на австрийцев подробнее писал Святловский). М.И. Туган-Барановский особо выделил универсализм теории предельной полезности – исчерпывающее объяснение ценности из единого принципа (Туган-Барановский, 1907. С. 181), а в обновленной энциклопедической статье о Менгере констатировал, что эта теория стала более или менее общепринятой (Туган-Барановский, 1915. Стб. 256–257).

Но наиболее интересные статьи о маржиналистах в Новом энциклопедическом словаре были написаны Николаем Шапошниковым, автором монографии «Теория ценности и распределения. Критическое исследование о новейших

7. В первом издании (1903) главы об австрийской школе не было.

течениях экономической теории» (1912), защищенной как магистерская диссертация в 1913 г. в Киевском университете Св. Владимира. Среди них — новая статья о Джевонсе, в которой впервые в русской научно-справочной литературе мы находим лапидарную каноническую характеристику принципиального отличия метода Джевонса и Вальраса от «австрийцев»: не просто применение математики, а анализ «полезности предмета как непрерывной функции количества предмета, которая падает по мере бесконечно малых и непрерывных приращений этого количества» (Джевонс, 1914. Стб. 61). Здесь же в круг предшественников этого метода наряду с А.О. Курно и Г. Госсеном включен еще и Ж. Дюпюи. Самой подробной была статья о Бём-Баверке, в которой упоминалось даже о его американском предшественнике первой половины XIX в. Джоне Рэ (ср.: *Блауг*, 2008. С. 258–259)). Отмечался растущий авторитет Бём-Баверка в изложении теорий предельной полезности и прибыли, но приводилась и критика целого ряда положений: роль времени в распределении; понижение ценности благ будущего; удлинение «окольности» с ростом производительности (Шапошников, 1911. Стб. 487). В целом обоснование Бём-Баверком принципа предельной полезности признавалось гораздо менее убедительным, чем у Вальраса, которого Шапошников охарактеризовал, как одного из самых выдающихся теоретиков, чьи «замечательные» работы и по форме, и по содержанию приближаются к математическим трактатам и потому недооценены. Н. Шапошников с удовлетворением отмечал формирование школы Вальраса в лице Парето и в России — Дмитриева⁸ (Шапошников, 1912. С. 60–61).

Чуть позже крупнейшим российским вкладом в вальрасианскую традицию стала статья Е. Слуцкого, опубликованная на итальянском языке в журнале, основанном и редактируемом В. Парето, уже после начала Первой мировой войны, но

8. Это было написано еще при жизни Дмитриева; после его смерти Шапошников посвятил ему доклад и брошюру (Шапошников, 1914).

снискавшая известность лишь спустя десятилетия (Елисеева, 1999). Изданная же уже в XXI в. дипломная работа Слуцкого об австрийской школе еще ждет своей оценки в истории российской политэкономии (Слуцкий, 2007). В рассматриваемый же период работы Дмитриева, Шапошникова и некоторых сторонников австрийской школы, перечисленных в методологически насыщенном курсе истории экономических учений Александра Миклашевского, не могли вывести рецепцию маржиналистских идей из-под тени направлений, стремившихся соединить социальные приоритеты с эмпиризмом исторической школы. А. Миклашевский оставил для австрийской и математической школ место в двух подстрочных (!) примечаниях (Миклашевский, 1909. С. 531, 538). Владимир Левитский, автор единственной в российской политэкономии монографии, специально посвященной «спору о методах» (Левитский, 1890), и четверть века спустя в своем курсе истории экономических учений вскользь упоминал Джевонса и Менгера лишь в связи с этим спором (Левитский, 1914. С. 383, 470). «Философ хозяйства» Сергей Булгаков в своем курсе истории экономических учений маржинализму посвятил лишь один последний абзац (Булгаков, 1914. С. 191).

Как было отмечено выше, российская политэкономия не приняла отрицания дедуктивного подхода молодой исторической школой. Но отвергнута была и дедукция в форме индивидуалистической «экономической псевдометафизики» маржинализма. В начале XX в. свое влияние на методологические позиции российских экономистов оказали и перерождение промышленной конкуренции в господство монополистических объединений («стачек») предпринимателей, и обострение социального (рабочего) вопроса, и неокантовское разграничение номотетических и идиографических наук, и распространение эволюционного учения. Причем в эволюционизме видели такой подход к объяснению целесообразности, с помощью которого общественная наука может обосновать «возможность и необходимость в человеческой среде борьбы за существование на совершенно иных началах сравнительно

с той, которая царит среди животного мира... заменять в этой борьбе естественные, стихийные силы природы силами разума... через уравнение средств и обстоятельств, при помощи которых и в условиях которых отдельная личность, союзы их и классы пробивают свою дорогу к их собственному и общему счастью» (Миклашевский, 1909. С. 65–66).

В контексте этого подхода российские политэкономы видели задачи «синтеза» теоретического и эмпирического познания, которого не находили в маржиналистских школах.

«Маршаллианский» перекресток между Двумя канонами

Концепция А. Маршалла в ретроспективе рассматривается не только как синтез классической традиции и предельного принципа (синтез «внутри Первого канона»), но и как попытка объединить оба канона (точнее – рикардизм, предшественников маржинализма и немецкую историческую школу (Автономов, 2019)). И прочная репутация отца-основателя графической неоклассической ортодоксии довольно парадоксально сочетается с апелляциями к наследию Маршалла в гетеродоксальных направлениях Другого канона. Но еще парадоксальнее отношение к Маршаллу у русских политэкономов рубежа XIX–XX вв. Они не рассматривали кембриджского профессора ни как ключевую фигуру в маржинализме, ни как теоретика с заделом для синтеза двух методологических противоположностей. В лучшем случае заслугой Маршалла вместе с целым рядом других английских политэкономов (наряду с Дж.Ст. Миллем, Дж.Э. Кэрнсом, У.Т. Торнтоном, Г. Фаусеттом) считалось проведение различия между частнохозяйственной и народнохозяйственной точками зрения и признание возможности коллизий между интересами отдельных лиц и целого общества (Соболев, 1898. С. 310). И если В. Железнов (по-видимому, основательнее других русских экономистов ознакомившийся с работой «Принципы экономической науки» («Principles of Economics») и А. Миклашевский воспринимали его как ярко

выраженного продолжателя абстрактно-индивидуалистических традиций классической школы (Миклашевский, 1909. С. 11), то автор вышедшей уже после революции 1917 г. методологической монографии «Введение в политическую экономию» С. Солнцев назвал Маршалла английским адептом этического направления (Солнцев, 2008. С. 519). М.И. Туган-Барановский же в своем учебнике «Основы политической экономии» начал библиографический абзац «Критика теории предельной полезности» с трактата Маршалла на том основании, что последний, в противоположность Джевонсу, не усматривает противоречия между теорией Рикардо и принципом предельной полезности (Туган-Барановский, 1909. С. 81, 84).

Отмеченная парадоксальность сказалась и на одном из наиболее значительных произведений российской ветви исторической школы в политэкономии — двухтомнике И.М. Кулишера «Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе» (Кулишер, 1906, 1908). Иосиф Кулишер, стажировавшийся в Берлине у Г. Шмоллера и в Вене у австрийского последователя исторической школы К.Т. Инама-Стернега, предпринял попытку «применить эволюционный метод к теоретическим категориям хозяйственной жизни», сочетая обширный свод данных экономической истории с обзорами и критикой различных учений XIX в. о прибыли с капитала. Последней Кулишер рассмотрел теорию прибыли Маршалла, оценив ее лишь как вариант пресловутой теории воздержания Н. Сениора, модифицированной Бём-Баверком в теорию лажа. Однако в то же время Кулишер, с одной стороны, отметил, что, в противоположность Бём-Баверку, Маршалл стоит на эволюционной точке зрения, рассматривая сравнительную оценку человеком благ настоящих и благ будущих как изменяющихся с общим поступательным движением культуры; хотя аргументацию Маршалла о возрастании ценности благ будущих сравнительно с благами настоящими Кулишер счел неубедительной (Кулишер, 1908. С. 412—413). С другой стороны, собственную концепцию четырехфазовой эволю-

ции прибыли (за счет: 1) насильственного захвата; 2) дохода потребителя, являющегося слабой стороной на рынке; 3) эксплуатации наемных рабочих; 4) присвоения части выгоды от внедрения изобретений) Кулишер во многом основал на категории потребительского излишка (избытка), введенной Маршаллом (там же. С. 12) и признанной главной теоретической новацией первого издания «Принципов экономической науки» («Principles of Economics») и «аналитическим орудием огромной силы» (Хикс, 1993. С. 176, 177). Для Кулишера маршаллианский «избыток удовлетворения» при разнице между действительной ценой и ценой, которую потребитель готов был бы уплатить, лишь бы не обойтись без данной вещи» (Маршалл, 1993. Т. I. С. 191), был категорией, объяснявшей различие природы прибыли в домануфактурный, раннепромышленный⁹ и современный периоды. Прибыль в древности и в средневековье проистекала из монопольного ценообразования на товары международной торговли и продукцию цехового ремесла и готовности потребителей платить по максимуму (Кулишер, 1906. С. 151, 398). Развитие мануфактурного производства при усилившейся конкуренции в международном товарообороте сделало источником прибыли не переплаты потребителей, а присвоение результатов труда наемных (особенно надомных) рабочих, эксплуатируемых капиталистами при поддержке правительственной власти, таксировавшей заработную плату. Эксплуатация продолжилась и при фабричном производстве, пока преобладали исключительно физический, или исполнительный, вид труда и внутренние рынки европейских стран. Но на протяжении XIX в., по мнению Кулишера, произошел двоякий перелом: роль творческого труда изобретателя стала возрастать по сравнению с ролью физического, или, точнее, исполнительного труда рабочего, а прогресс средств сообщения (паровых и затем электрифицированных) «разомкнул» народные

9. Трактат был первой обобщающей историей мануфактурного периода в Англии, континентальной Европе и России.

хозяйства и привел к усиленной конкуренции на мировом рынке при владычестве биржи, что повлекло резкое удешевление транспортировки и конечных цен и невиданное прежде выгодное положение потребителя (*Кулишер*, 1908. С. 12). Возможности потребителей получать по сниженным ценам товары, которые они согласились бы покупать по гораздо более высоким ценам, расширились также за счет массового внедрения в производство технических изобретений. Однако значительная часть добавочного дохода, получаемого благодаря усовершенствованиям в производстве и на транспорте за счет творческого труда изобретателей, присваивается предпринимателями как «передаточной инстанцией» между изобретателями и потребителями. Причем значимость этого дохода за «диспозитивный труд» внедрения тем больше, чем больше сокращение (вследствие фабричного законодательства и возросшей роли рабочих организаций) прибыли, извлекаемой за счет эксплуатации наемного труда (там же. С. 270–271, 354).

Характеристика Кулишером «современной биржи, в которой прежде всего воплощается мировой рынок» (там же. С. 7), и революционизирующего воздействия паровых, а затем электрифицированных средств сообщения на мировую торговлю даже по стилистике напоминает обобщения Маршалла на тех страницах «Принципов экономической науки» («Principles of Economics») (*Маршалл*, 1993. Т. II. С. 7, Т. III. С. 93), где сказались воздействие исторической школы. Но ссылок на эти страницы у Кулишера нет; сам же он упрекал молодую историческую школу за уход от теоретической разработки проблем ценности и распределения (*Кулишер*, 1908. С. 385).

Однако разработка самим Кулишером эволюционной теории прибыли была признана российскими политэкономными неубедительной (*Туган-Барановский*, 1908. С. 185, 186), в отличие от несомненных достоинств его историко-экономических трудов, на которых впоследствии ученый целиком сосредоточился. В 1920-е гг. историко-экономические труды Кулишера снискали международное признание, хотя в СССР

подверглись критике со стороны представителей партийного марксизма и после безвременной смерти автора были преданы забвению. Воскрешение наследия Кулишера в России в XXI в. сопровождалось характерной сменой знака тенденциозности. Издательство «Социум» переиздало последний советский выпуск лекций Кулишера по истории экономического быта Западной Европы с ремаркой: «В первом абзаце нужно поменять минус на плюс: «сочинение это не совсем строго отражает идеологию марксизма, в этом, несомненно, его [сильная сторона]» (Кулишер, 2004. С. III). Это издательство известно своими обширными публикациями работ представителей австрийской школы и апологетическим к ней отношением (как и к манчестерскому либерализму). Поэтому «Эволюция прибыли с капитала» Кулишера в круг его переизданных работ не вошла, так как содержит довольно резкую критику теории прибыли Бём-Баверка.

Кулишер, вероятно, первым среди русских экономистов ввел понятие «австро-американская школа», объединяя собственно австрийцев с их американскими последователями, и отметил, что Бём-Баверк едва ли не единственный в этом направлении, кто не ограничился теорией ценности и пошел в теории прибыли дальше обновленной концепции факторной производительности капитала. Но саму теорию Бём-Баверка Кулишер раскритиковал как предельно абстрактную и индивидуалистическую, которая:

- исходит из гипотетической психологии какого-то «экономического человека», мыслящего и чувствующего одинаково во все времена, и игнорирует научные исследования не только коллективной, но и реальной индивидуальной психологии;
- абсолютизирует неограниченную свободную конкуренцию, не касаясь вообще социальной стороны явлений;
- искажает действительный характер предпочтений капиталистов и рабочих относительно настоящих и будущих благ (Кулишер, 1908. С. 378, 387–388, 409).

Любопытна критика Кулишером отговорок австрийской школы в полемике о сопряжении роста производительности труда с удлинением «окольного» периода, когда Бём-Баверк, настаивая на достаточности робинзонад с черпанием воды и ловлей рыбы, отнекивался от более содержательной аргументации под тем предлогом, что это потребовало бы нескольких томов специального исследования технического характера. Возражения Кулишера Бём-Баверку про необходимый уровень компетентности в технике ключевых отраслей промышленности при решении проблем теории прибыли (*Кулишер*, 1908. С. 386–387) сопоставимы с современной критикой напыщенности учителя Бём-Баверка — Менгера, который, заявляя о своем следовании методам «точной науки», тщился «распространить свой радикальный субъективизм на физику, не удосужившись привести ни единого примера из физики» (*Майровски*, 2012. С. 109).

Напрашивается и другое сопоставление — с очевидным значением теории предельной полезности как «интеллектуального оружия против Маркса и Генри Джорджа» (*Блауг*, 1994. С. 287). И. Кулишер при полемичном отношении к теории Маркса (прежде всего, за игнорирование роли творческого изобретательского труда как источника прибыли) в целом был к ней гораздо более благосклонен, чем к теории Бём-Баверка (*Кулишер*, 1908. С. 408). В. Святловский же констатировал, что хотя теория предельной полезности проникла в Европе и в круги социалистические, под влияние австрийской школы подпали прежде всего «экономисты, остерегающиеся социализма» (*Святловский*, 1913. С. 491, 495).

В России громким «предостережением от социализма» стал знаменитый сборник «Вехи», авторы которого в большинстве своем начинали свою научную и публицистическую деятельность в канун XX в. как политэкономы, апеллировавшие к «марксизму» для обоснования роста производительных сил и «европеизации» российского хозяйства. «Веховство» традиционно рассматривается как философское и общественно-политическое течение в русской интеллектуальной среде начала XX в., но оно включило в себя и политэкономические

переоценки той «социалистической симпатии русской интеллигенции», которую сохранил, в отличие от других «легальных марксистов», М.И. Туган-Барановский (*Туган-Барановский*, 1991). Ключевое место в этих переоценках принадлежит бывшему другу Туган-Барановского П. Струве – как методологу, теоретику и редактору журнала «Русская мысль».

Два канона и формативные мотивы экономического мышления¹⁰

Пётр Струве еще в своей первой на шумевшей работе писал, что «можно быть марксистом, не будучи социалистом», и в учении о производительных силах Маркса прекрасно дополняет националист-протекционист Фр. Лист (*Струве*, 1894. С. 183). Следующим шагом стало понимание миссии марксизма в России как «исторического оправдания капитализма» – «задачи, которая везде в других странах выпадала на долю либеральной политической экономии – и притом как официальной науки» (*Струве*, 1902. С. 188). Сам Струве, эволюционировавший в своем «национал-либерализме» от временного союзника социал-демократов и кадетского оппозиционера к чину статского советника на госслужбе и вхождению в Академию наук при буржуазном Временном правительстве, свой главный труд по политэкономии «Хозяйство и цена», по частям защищенный как две диссертации, начал с окончательного размежевания с социализмом. Марксистская политэкономия была отправным пунктом разрыва: Струве отказывался от трудовой теории ценности и признавал опровержение ее критикой Бём-Баверка. Но только этой критической стороной он и воспринял переворот в теории ценности, совершенный маржиналистами: раскрытие ценности хозяйственных благ как производной цены, объективирующихся в ней отдельных и субъективных актов оценки, а не возведение образования цены к «объективной» ценности.

10. Основой данного текста послужила более ранняя статья автора (*Гловели*, 2018), и он ограничивается только эволюцией взглядов П. Струве.

Для собственной «исторической феноменологии цены» Струве принял за основу цену как эмпирико-статистическую данность, проходящую через историю не только как первичная вольная цена торговых сделок, но и как регулируемая («указная») цена. Этот подход был выбран как отвечающий цели построения политической экономии как идиографической дисциплины в контексте методологического разграничения (в неокантианском духе) идиографических и номотетических наук (Струве, 1916. С. 71). И маржиналистская «субтильная экономическая схоластика» утонченных робинзонад и облеченных в математическую форму равновесных конструкций была отвергнута как непригодная (Струве, 1913. С. XXXIII).

В «идиографической» политэкономии Струве отринул не только социализм, но и свой прежний восторг перед систематикой хозяйственных форм К. Бюхера — одного из самых популярных в России представителей исторической школы. Бюхеровская систематика увенчивалась категорией «народного хозяйства». Струве решил отказаться от этого понятия, отождествив «подлинное хозяйство» с автономным частным хозяйством, которое Менгер назвал «сингулярным». Струве придал понятию «сингуляризм» (от *lat. singularis* — «единственный, особенный»), созвучному провозглашенному веховцами этическому принципу «личной годности», принципиальное эпистемологическое значение в противопоставлении «универсализму».

Струве обратил внимание на раннюю версию концепции австрийского экономиста К. Прибрама (*Pribram, 1912*), прочертившего сквозь историю экономических учений антитезу «номинализм — реализм», восходящую к спору средневековых схоластов об универсалиях. Приверженцы «реализма» настаивали на существовании универсалий — «первообразных» и первичных по отношению к вещам общих понятий¹¹.

11. Отметим, что «реализм» в этом смысле принципиально отличен от эмпирического «реализма» исторической школы в политэкономии.

Номинализм отрицал существование таковых, считая их простыми «именами» (*nomina*). Впоследствии реалистический мотив проявился и в философии, и в специальных науках как тенденция приписывать реальность общим понятиям, не подвергая анализу их генезиса и значения. В политэкономии это проявилось в поиске вещественно-осязаемого воплощения богатства и природы «ценности» (драгоценные металлы, чистый продукт). А затем, в связи с проблемой распределения этого богатства, — как гипостазирование таких понятий, как «общество», «класс», ставших «универсалиями» социологического мышления (*Струве*, 1913. С. VI, XI).

Позднее, уже во второй половине XX в., Прибрам развернул антитезу «номинализм — реализм», выводя из номиналистического паттерна экономический либерализм и «распространение капиталистической модели производства и распределения», а из реалистического — различные формы «коллективизма» (*Pribram*, 1983. Pp. 589–590). Либерализм из «номинализма», а социализм из «реалистического паттерна» выводил и самый упертый апологет «свободного капитализма» Л. Мизес. В начале XXI в. Й. Цвайнерт применил подход Прибрама к истории российской политической экономики, считая как раз Струве ярчайшим выразителем российского номинализма и экономического либерализма (*Цвайнерт*, 2008. С. 21–22, 322).

Но позиция самого Струве была более сложной. Определяя «сингуляристический» и «универсалистический» подходы, укорененные в антитезе «номинализм — реализм», как противоположные формативные мотивы *теоретического* экономического мышления, Струве призывал не смешивать их с оценочными мотивами мышления практического (антитезы «коллективизм — индивидуализм» и «социализм — либерализм»).

Меркантилисты, проповедники активного государственного вмешательства, внесли в политэкономия универсалистическое — субстанциальное — понимание богатства (избыток драгоценных металлов). Но ни французские физиократы, ни

английские политэкономы-классики при обосновании индивидуалистического невмешательства (*laisser faire*) не преодолели этого универсалистического («реалистического») мотива в своих учениях о «чистом продукте» и «производительном труде». Произошло это, по мнению Струве, в силу того, что либеральная английская политэкономия, выросшая из британского индивидуалистического эмпиризма, некритически оперировала понятием «естественного закона», прикрепляя идею общественной закономерности к чему-то субстанциальному, и отдала тем самым обильную дань универсалистическому мотиву в категориях «естественной», или «внутренней» цены-ценности и распределения классовых доходов. В марксизме универсалистический формативный мотив довлеет как над материалистическим пониманием истории, придающим верховное значение категории производства материальных благ, так и над политэкономией в учении об абстрактном труде и прибавочной ценности. Марксизм, таким образом, подытожил «погоню за прочным “вещным” ядром», субстанцией эмпирического явления «цена», в тщетном стремлении «вместить мир эмпирических хозяйственных явлений в “реалистическую” концепцию “внутренней”, “объективной”, “трудо-вой” ценности товара» (Струве, 1913. С. XXXVI).

Но, с одной стороны, и маржинализм, особенно в теории факторной предельной производительности Кларка, не освободился от универсалистического мотива (Струве, 1916. С. 42). С другой — маржиналистский методологический индивидуализм не устраивал Струве своей нарочитой абстрактностью. Книгу молодого Шумпетера «Теория экономического развития» Струве приветствовал за «откровенность, с которой автор очерчивает дедуктивно-математическую политическую экономию, как нечто далекое от действительности» (там же. С. 64). Но сам Струве не собирался отдавать политэкономии от экономики промышленности и торговой политики, курсы которых он читал в основанном Витте Санкт-Петербургском политехническом институте — первом вузе России со специальным экономическим отделением.

Еще одно «родство» экономического либерализма и марксизма Струве находил в доктринерских представлениях о рационализации общественно-экономического процесса (Струве, 1913. С. 58–59), с той разницей, что марксизм проповедовал утопию полной рационализации цен и управления ими, а либерализм — оптимизацию производства и распределения при свободной игре стихийных рыночных сил (там же. С. 312). Для методологического преодоления этих крайностей Струве считал необходимым ввести в политэкономии еще одну антитезу, заимствованную у выдающегося германского психолога-философа В. Вундта — «автогения» и «гетерогения» целеполагания (там же. С. 38). «Автогения», т.е. соответствие полученных результатов поставленным целям, достижима, по мнению Струве, лишь в категориях «сингулярного» хозяйства, выражающих рациональное отношение всякого хозяйствующего субъекта к внешнему миру (потребности, субъективная ценность, издержки и т. д.). Но помимо них, существуют категории межхозяйственные (основная из них — цена) и социальные, в которых выражается иррациональность системы взаимодействующих хозяйств как области господства «гетерогении» целей — столкновения индивидуальных волей. Сочетание рациональной «автогении» сингулярного хозяйства и иррациональной «гетерогении» взаимодействующих хозяйств вследствие неизбежного отличия результатов целенаправленных человеческих усилий от заданных намерений составляет «основной дуализм общественно-экономического процесса» (там же. С. 60, 67–74).

Цена — явление гетерогеническое, возникающее в результате столкновения множества человеческих волей. Социальное (властное, «указное») регулирование цены сводится к стремлению превратить ее в автогеническое явление, т.е. в заранее учтенное и построенное решение какого-либо надындивидуального социального субъекта хозяйствования. Но при самых различных формах политического, социального и экономического строя эти попытки плохо удаются. Цена и в самых примитивных, и в довольно сложных условиях хозяйствования

и властвования оставалась в общем и целом гетерогеническим явлением, упорно сопротивляющимся «рациональному социальному построению».

Но, несмотря на это, государство все же не бессильно (пусть и не всеильно) в воздействии на рыночную «гетерогению» целей. Правительство способно в некоторой степени навязать обществу рационализацию проводимой экономической политикой — тарифной и денежной; расширение поля рационального построения цены хотя бы на ограниченных пространствах стало возможным благодаря железнодорожным тарифам, картельным соглашениям и регулированию заработной платы (там же. С. 321).

Очерченный Струве сингуляристический формативный мотив экономического теоретического мышления можно вписать в «Первый канон» либеральной ортодоксии. Тогда как пафос итогового политэкономического трактата самого Струве можно охарактеризовать как попытку обоснования «Другого канона» с элиминированием универсалистического («реалистического») формативного мотива теоретического мышления, а также и социалистического оценочного мотива практического мышления.

Можно также отметить отход Струве в движении в континууме между Двумя канонами от традиций исторической школы — но далеко не полный.

«Междуканонье» рельефно проявилось в двух докладах, которые Струве, доктор политической экономии, директор экономического департамента МИД и член Предпарламента, сделал осенью 1917 г. как ординарный академик по разряду политической экономии и статистики на заседаниях историко-филологического отделения Академии наук — уже не императорской, но еще не советской¹².

Первый доклад «Проблема капитала в политической экономии, построенной на понятии цены» был прямым про-

12. Струве был избран в мае 1917 г. (на место, пустовавшее после кончины осенью 1914 г. И.И. Янжула) на общем собрании академиков.

должением диссертаций Струве и дополнялся докладом его ученика Виктора Штейна по случаю 100-летия выхода в свет классических «Принципов политической экономии и налогового обложения» Рикардо. Причем в докладе В. Штейна снова, как ранее в трактате И. Кулишера (см. выше), использовалось понятие «австро-американская школа», а стержень докладу самого П. Струве придала дискуссия о капитале, проходившая в начале XX в. с участием экономистов австрийской школы (О. Бём-Баверк, И.А. Шумпетер) и близких к ней (а не к английским школам) американских маржиналистов (Дж.Б. Кларк, Ф. Феттер).

В. Штейн констатировал, что «система экономии» приходит на смену классической школе (Штейн, 1917. С. 1529). Струве, хотя и с оговорками, присоединился к «австро-американскому» пересмотру исходных понятий в абстрактно-индивидуалистическом каноне, включающего:

- отказ от смитианского разграничения производительного и непроизводительного труда¹³;
- выдвижение на первый план вместо категории «богатство» категории «благо»;
- введение категории благ длительного пользования, которое сделало возможным вместо традиционного трехфакторного подхода рассматривать землю как разновидность капитала¹⁴ (Fetter, 1991. P. 35);
- переосмысление причинно-следственных связей между производством, обменом и потреблением и определение ценности средств производства, исходя из субъективной ценности потребляемых благ (Струве, 1917а. С. 1402).

Струве принял все перечисленные пункты как элементы, соответствующие «номиналистическому» формативному мотиву экономического мышления и позволяющие

13. «Это разграничение считается одной из самых пагубных концепций в истории экономической мысли» (Блауг, 1994. С. 48).

14. А позднее – ввести категорию «человеческого капитала», найдя в ней соответствие одному из элементов основного капитала по А. Смиту (Блауг, 1994. С. 48).

уйти от «универсалистической фикции» материалистического субстанционализма. Но маржиналистское преодоление «универсалистического» формативного мотива Струве дополнил определением хозяйственного блага как такого, которое (в силу присущей ему относительной редкости) «несет на себе знак или клеймо цены». На основе сингуляристического «психологического функционализма» выстраивался категориальный ряд: «услуга — оцененное благо («овеществление услуги») — денежный доход — капитал («богатство, поскольку оно обращается или может быть по своей природе и социальному положению своего собственника обращено на извлечение дохода»)» (там же. С. 1401). В этот ряд вписывались и определение И. Фишером капитала как дисконтированного дохода, и различение «капитала» и «капитальных благ» Дж.Б. Кларком (там же. С. 1401, 1407).

Новшеством академического доклада Струве было определение денег как главного представителя «отсылочных» благ, выделенных особо в классификации хозяйственных благ наряду с потребительскими и производственными. Деньги, в трактовке Струве, — это «вторичные» блага, служащие для осуществления непрямого обмена и выполняющие функции средства обращения и платежного средства в силу своей технической обратимости в любую непосредственную полезность (ликвидности). Деньги всегда «отсылают» к другим хозяйственным благам (натуральным), имеющим потребительское и производственное значение. Хотя Струве и не использовал понятие альтернативных издержек, его функциональные определения хозяйственных благ, денег и капитала опирались на предпосылку о возможности выбора. Обладание деньгами воплощает возможность выбора в приобретении — предметов потребления или капитальных благ, или прав на извлечение доходов (там же. С. 1403, 1408).

Первый академический доклад Струве завершался разбором концепции главного американского представителя австрийской школы Ф. Феттера (см.: *Блауг*, 2008. С. 313–316)) о ценностной разности, обусловленной временем

(«time-value»), и согласием с критикой Феттером концепции процента Бём-Баверка. Однако в противоположность «австро-американцу» Феттеру Струве не мог остановиться только на «экономике личного поведения» (*Струве*, 1917а. С. 1413). И его второй академический доклад «Понятие и проблема торговой политики» был выдержан в ином ключе, чем первый, совсем с другим кругом упоминаемых имен (Ф. Лист, Г. Шмоллер, швейцарский меркантилист Ж. Герреншванд и др.) и с вниманием к столь значительной для «Другого канона» фигуре Ф. Листа (ср.: *Райнерт*, 2011. С. 80 и др.)). Центральная тема данного доклада — характеристика государства как субъекта экономической политики, призванного «перед лицом настоящих поколений с их интересами представлять будущие поколения и их интересы» (*Струве*, 1918. С. 2123). И Струве не только ставил (в полном соответствии с «Другим каноном»!) вопрос об активной роли государства в переходе нации на более высокую ступень хозяйственного развития и в решении проблемы соотношения между интересами настоящего и будущих поколений (там же. С. 2124–2126), но и, возвращаясь к проблематике своих самых первых экономических работ, оперировал категориями явно «универсалистического» формативного мотива экономического мышления: «производительные силы», «интересы будущих поколений», «нация», «классы».

Таким образом, Струве (и в его лице — русской академической политэкономией) так и не было завершено самоопределение относительно Двух канонов. Он по существу развел Два канона по разным докладам, первый из которых был сделан до, а второй — уже после красногвардейского переворота, в результате которого было свергнуто Временное правительство. Общим в докладах было игнорирование учения К. Маркса и социалистических доктрин и умолчание о своей роли «пионера» русского марксизма, о чем вспомнила общественность между двумя революциями 1917 г. (*Базаров*, 1917), вторая из которых навсегда озлобила Струве против «русского социализма... в современных условиях» (*Струве*, 1917б. С. 60).

Любопытно, что академик А.С. Лаппо-Данилевский (историк-методолог), представляя Струве для избрания в академии, не преминул отметить, что экономическая теория «переживает кризис, несколько напоминающий тот, который некогда привел к одностороннему господству историко-описательного направления в экономической науке. После недолгой сравнительно поры увлечения абстрактными конструкциями на базе предельной полезности и родственных ей концепций снова начинает чувствоваться острая неудовлетворенность малой плодотворностью новых учений, оторванностью теоретических построений от жизни, их схоластичностью» (Лаппо-Данилевский, 2015. С. 270). Описанная ситуация применительно к России отчасти напоминает ту, в которой появилось ныне второе уже издание главного экономического трактата Струве (Струве, 2022) – конечно, с существенными коррективами. В советском прошлом осталось одностороннее господство марксистской версии трудовой теории ценности (стоимости). Но к острой неудовлетворенности маржиналистским мейнстримом успел привести тенденциозный рыночный фундаментализм с его, казалось бы, старомодной «верой в прекрасное устройство спонтанных институтов» (Gide, Rist, 1909. P. 107). И снова настает время переоценок.

ЛИТЕРАТУРА

- Автономов В.С. (2012). Два «канона» в истории экономической мысли и экономической политики: Сб. докладов XIII Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. В 4 кн. / Отв. ред.: Е.Г. Ясин. Кн. 4. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. С. 327–334.
- Автономов В.С. (2013). Абстракция – мать порядка? // Вопросы экономики. № 4. С. 4–23.
- Автономов В.С. (2019). Методология «Основ политической экономии» Туган-Барановского в сопоставлении с методологией «Принципов» Маршалла // Вопросы теоретической экономики. № 1. С. 24–29.
- Базаров В.А. (1917). Пионеры марксизма / Русская литература XX века (1890–1910). Кн. II / Под ред. С.А. Венгерова. М.: Изд-во Товарищества «Мир». С. 90–120.

- Блауг М. (1994). Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело.
- Блауг М. (2008). 100 великих экономистов до Кейнса / Пер. с англ. под ред. А.А. Фофонова. СПб.: Экономическая школа.
- Буквич Р.М. (2015). Неоклассическая экономическая парадигма и экономическая реальность // Приволжский научный журнал. №2. С. 157–166.
- Булгаков С.Н. (1914). История экономических учений. Лекции, читанные в Московском Коммерческом Институте в 1912/1913 акад. г. Ч. 2. М.: Книж. маг. «Высшая школа».
- Вернадский И.В. (1858). Проспект политической экономии. СПб.: Тип. П.А. Кулиша.
- Винярский Л. (1897). Математический метод в политической экономии // Научное обозрение. № 12. С. 1–24.
- Витте С.Ю. (1997). Конспект лекций о государственном и народном хозяйстве. М.: Фонд «Начала».
- Гловели Г.Д. (2003). Судьба энциклопедиста // Вестник Международного института. А. Богданова. №2(14). С. 10–11.
- Гловели Г.Д. (2018). Экономическая мысль веховства между Двумя канонами // Вопросы теоретической экономики. №2. С. 62–82.
- Гольцев В.А. (1885). Движение русской экономической науки // Русская мысль. Кн. 3. С. 60–77.
- Гранат И.Н. (1926). Чупров // Энциклопедический словарь. Т. 49. М.: Русский библиографический институт Гранат. Стб. 17–23.
- Джевонс (1914) // Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 5. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон.
- Дмитриев В.К. (1908). Теория ценности. Обзор литературы на русском языке // Критическое обозрение. №2. С. 12–26.
- Елисеева И.И. (1999). Жизнь и научное творчество Е.Е. Слуцкого // Экономическая школа. Вып. 5. С. 8–18.
- Железнов В.Е. (1904). Главные направления в разработке теории заработной платы. Киев: товарищество И.Н. Кушнерев и К°.
- Железнов В.Е. (1905). К реформе современной теоретической экономии. Киев: Кн. маг. С.И. Иванова и К°.
- Железнов В.Е. (2003). Россия / Историки экономической мысли России. М.: Наука.
- Иванюков И.И. (1891). Политическая экономия как учение о процессе развития хозяйственных явлений. 3-е изд. М.: Н.И. Мамонтов.
- Кулишер И.М. (1906). Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе. Т. 1. СПб.: Типо-литография А.Г. Розена.

- Кулишер И.М.* (1908). Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе. Т. 2. СПб.: Типо-литография А.Г. Розена.
- Кулишер И.М.* (2004). История экономического быта Западной Европы. 9-е изд. Челябинск: Социум.
- Лапто-Данилевский А.С.* (2015). Записка об ученых трудах П.Б. Струве. Публикация А.В. Малинова // Вече. №1 (27). С. 267–272.
- Левитский В.Ф.* (1890). Задачи и методы науки о народном хозяйстве. Ярославль: Типо-литография Г.В. Фальк.
- Левитский В.Ф.* (1914). История политической экономии в связи с историей хозяйственного быта. Харьков: Тип. фирмы А. Дарре.
- Майровски Ф.* (2012). Физика и маржиналистская революция // *Tetra Economicus*. №2. С. 100–115.
- Мануилов А.А.* (1901). Понятие ценности по учению экономистов классической школы (Смит, Рикардо и их ближайшие последователи): Критическое исследование по истории основных положений теоретической экономии. М.: Унив. тип. VII, 220, [1] с.
- Мануилов А.А.* (1903). Ценность // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Полутом 75. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. С. 326–330.
- Маршалл А.* (1993). Принципы экономической науки. В 3 т. Предисл. Дж. М. Кейнса. М.: «Прогресс»; «Универс».
- Миклашевский А.Н.* (1909). История политической экономии. Философские, исторические и теоретические начала экономии XIX века. Юрьев (Дерпт): Тип. К. Матисена.
- Райнерт Э.* (2010). Забытые уроки прошлых успехов // Эксперт. № 1. С. 12–17.
- Райнерт Э.* (2011). Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: ИД ГУ-ВШЭ.
- Рыкачёв А.* (1900). Учение Бём-Баверка о доходе на капитал // Научное обозрение. № 4. С. 776–796.
- Святловский В.В.* (1913). Очерки истории экономических воззрений на Западе и в России. СПб.: Тип. «Герольд».
- Слуцкий Е.Е.* (2007). Экономические и статистические произведения. Избранное / Под науч. ред. П.Н. Ключкина. М.: Эксмо.
- Соболев М.Н.* (1898). Политическая экономия // Энциклопедический словарь. Полутом 47. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. С. 305–312.
- Соболев М.Н.* (1900). Конкуренция как двигатель современной экономической жизни // Мир Божий. Кн. IX. С. 1–22.

- Солнцев С.И. (2008). Введение в политическую экономию / Солнцев С.И. Общественные классы. М.: Астрель. С. 381–563.
- Струве П. (1894). Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова.
- Струве П. (1902). На разные темы: Сб. ст. (1893–1901). СПб.: Тип. А.Е. Колпинского.
- Струве П. (1913). Хозяйство и цена. Т. I. М: Издание В.П. Рябушинского.
- Струве П. (1916). Хозяйство и цена. Т. II. М: Издание В.П. Рябушинского.
- Струве П. (1917а). Проблема капитала в политической экономии, построенной на теории цены // Известия Российской академии наук. Сер. VI. № 16. С. 1401–1414.
- Струве П. (1917б). В чем революция и контрреволюция? // Русская мысль. Кн. XI–XII. С. 56–61.
- Струве П. (1918). Понятие и проблема торговой политики // Известия Российской академии наук. Сер. VI. №18. С. 2117–2128.
- Струве П. (2022). Хозяйство и цена. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Туган-Барановский М.И. (1899). Россия. Экономическая наука / Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Полутом 55. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. С. 851–854.
- Туган-Барановский М.И. (1907). Очерки из истории новейшей политической экономии и социализма. СПб: Ред. журн. «Мир божий».
- Туган-Барановский М.И. (1908). Рецензия на книгу: Кулишер И.М. Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе. В 2 т. // Журнал Министерства народного просвещения. №1. С. 174–193.
- Туган-Барановский М.И. (1909). Основы политической экономии. СПб.: Тип. АО «Слово».
- Туган-Барановский М.И. (1915). Менгер / Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 26. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Стб. 256–257.
- Туган-Барановский М.И. (1991). Интеллигенция и социализм / Вехи. Интеллигенция в России. М: Молодая гвардия. С. 419–439.
- Филитов М. (1900а). Новейшие русские экономисты // Научное обозрение. №3. С. 529–564.
- Филитов М.М. (1900б). Психология в политической экономии // Научное обозрение. №11. С. 1997–2018.
- Хикс Дж.Р. (1993). Реабилитация потребительского излишка // Вехи экономической мысли. Вып. 1. СПб: Экономическая школа. С. 176–189.
- Цвайнерт Й. (2008). История экономической мысли в России. 1805–1905 / Пер. с нем.; под науч. ред. В.С. Автономова. М.: ИД ГУ ВШЭ.

- Чижевский А.А. (1995). На берегу Вселенной. Годы дружбы с Циолковским. М.: Мысль.
- Шапошников Н.Н. (1911). Бём-Баверк / Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 5. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Стб. 844–848.
- Шапошников Н.Н. (1912). Вальрас / Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 9. СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Стб. 460–462.
- Шапошников Н.Н. (1914). Первый русский экономист-математик В.К. Дмитриев. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко.
- Штейн В.М. (1917). Давид Рикардо. К столетию выхода в свет его «Principles of Political Economy and Taxation» (1817–1917) // Известия Российской академии наук. Сер. VI. №16. С. 1515–1529.
- Шумпетер Й.А. (2001). История экономического анализа. Т. 3. СПб.: Экономическая школа.
- Янжул И.И. (1910). Воспоминания о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. Т 1. СПб.: Электротипография Н.Я. Стойковой.
- Янжул И.И. (1911). Воспоминания о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. Т. 2. СПб.: Электротипография Н.Я. Стойковой.
- Fetter F. (1991). Present State of Economic Theory in the United States of America // Research in the History of Economic Thought and Methodology: Archival Supplement 2. Pp. 9–45.
- Gide C., Rist C. (1909). Histoire des doctrines économiques depuis les physiocrates jusqu'à nos jours. Paris: L. Larose & L. Tenin.
- Hamilton W.H. (1919). The Institutional Approach to Economic Theory // American Economic Review. Vol. 9. No. 1. Pp. 309–318.
- Pribram K. (1912). Die Entstehung der individualistischen Sozialphilosophie, Hirschfeld, Leipzig.
- Pribram K. (1953). Patterns of Economic Reasoning // American Economic Review. Vol. 43. No. 2. Pp. 243–258.
- Pribram K. (1983). A History of Economic Reasoning, The Johns Hopkins University Press Ltd, Baltimore – London.

О. И. Ананьин
НИУ ВШЭ, г. Москва

МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В ТЕОРИИ РИЧАРДА КАНТИЛЬОНА

«Опыт о природе коммерции: общие вопросы» Ричарда Кантильона (*Cantillon*, 1931 [1755])¹ – первый в истории систематический трактат по экономической теории. Он был опубликован посмертно, в 1755 г., спустя примерно четверть века после его создания. Метод анализа и представления экономической реальности в работе Кантильона стал важным фактором формирования методологических норм в экономической науке. Однако свое влияние на теоретическую мысль идеи Кантильона оказали посредством учения физиократов. Это посредничество не было нейтральным и не обошлось без потерь. Если Кантильон предполагал неизбежное присутствие в рыночной экономике неопределенности, определяющей поведение предпринимателей, то лидер физиократов Кенэ абстрагировался от нее, а с ней и от темы поведения экономических агентов. Вторичное открытие «Опыта» в конце XIX в. У.С. Джевонсом – одним из родоначальников маржиналистской революции – выявило эту односторонность и даже создало Кантильону репутацию теоретика предпринимательства. Задача данной статьи – показать, как именно автор «Опыта» трактовал экономическое поведение и какое место в его теории занимали предпосылки в отношении поведения экономических агентов.

1. Далее в ссылках на это издание будут указываться только страницы.

Время Кантильона

В начале XVIII в. вопросы экономического поведения все еще оставались в ведении моральной философии и, как правило, рассматривались в нормативном ключе. При этом поведение, мотивированное частным интересом, в теологической литературе трактовалось, скорее, как греховное (например, в сочинениях янсенистов), а в светской — нередко, пусть и с оговорками, стало рассматриваться как естественное. Характерно в этом отношении признание ведущего теоретика естественного права Самюэля Пуфендорфа, согласно которому «любовь каждого к самому себе всегда настолько сильна, что любая склонность к любому другому человеку ей уступает» (*Pufendorf*, 1710 [1672]. Р. 110). Такой взгляд получил широкое распространение, однако инструментом экономического анализа еще не стал. Это произошло гораздо позже, в ходе маржиналистской революции. Даже у классиков политической экономии, вплоть до Дж.С. Милля, предпосылка рациональности экономических субъектов не осознавалась в этом качестве (см.: (*Lagueux*, 2010. Рр. 32–34)). Давид Юм и Адам Смит не верили в рациональность человеческого поведения², хотя в некоторых своих рассуждениях на такую предпосылку фактически уже опирались. У Смита можно найти попытку обойти это противоречие путем разведения индивидуального и массового поведения: «..если правила обычного благоразумия не всегда определяют поведение отдельных лиц, они всегда влияют на поведение большинства членов каждого класса...» (*Смит*, 2007 [1776]. С. 306). Соответственно, стандартные объяснения человеческого поведения связывали его, прежде всего, с привычками и обычаями, отражавшими социальную структуру общества.

2. Юму принадлежит известный афоризм: «Разум есть и должен быть лишь рабом аффектов» (*Юм*, 1996 [1739]. С. 457). Слабость «усилий человеческого разума» в сравнении с ролью аффектов отмечал и Смит в «Теории нравственных чувств» (*Смит*, 1997 [1790]. С. 93).

В первой трети XVIII в. — период активной жизни Кантильона — структура французского общества оставалась традиционной: власть по-прежнему принадлежала земельной аристократии во главе с королем. В картине мира Кантильона этот факт принимался как данность: «Никто кроме государя и земельных собственников не живет независимо. Все остальные сословия и жители страны являются либо наемными работниками, либо предпринимателями...

...Если государь и земельные собственники закроют свои имения и не позволят их обрабатывать, то очевидно, что никто из жителей государства не будет иметь ни пищи, ни одежды. Следовательно, дело не только в жизненных средствах, которые жители государства черпают из продукта земли, обрабатываемой за счет собственников; из средств этих собственников они получают все, что у них имеется» (pp. 42–43).

После смерти Людовика XIV в 1715 г., в период регентства Филиппа Орлеанского, во французской экономике происходили важные перемены, связанные, главным образом, с реформами Джона Ло. В эти же годы Ричард Кантильон поселился в Париже и разворачивал свою деятельность в качестве коммерсанта, а затем и банкира. В 1718 г. он познакомился с Ло и вскоре вошел в его ближний круг (Murphy, 1989. Pp. 74–75). Участие в финансовых пирамидах, возникших в этот период в Париже и Лондоне, позволило Кантильону существенно нарастить состояние, разобраться в «механике» финансовых пирамид и в результате заблаговременно вывести из них свои капиталы. Такое развитие событий во многом повлияло на его последующую судьбу: произошел разрыв его отношений с Ло, а разорение ряда контрагентов Кантильона после краха финансовых пирамид сопровождалось серией финансовых исков к нему, которые, в свою очередь, заставили его искать аргументы в оправдание своих финансовых операций. По версии Антуана Мёрфи, ведущего исследователя жизни и творчества Кантильона, именно переписка с его адвокатом стала импульсом к написанию «Опыта о природе торговли» (ibid. Pp. 246–248).

Теоретическая система

«Опыт» Кантильона представлял собой первую в истории экономической мысли попытку построения абстрактной теории, описывающей экономику как функционирующую систему. Ядром его теории была схема производства и воспроизводства (кругооборота) материального богатства. Вся конструкция строилась на предпосылке существования некоторого естественного состояния, которое имеет тенденцию воспроизводиться в ходе функционирования экономической системы.

Основные элементы базовой схемы — это, *во-первых*, земля, пригодная для производства средств жизни и монополизированная ограниченным числом собственников; *во-вторых*, работники (крестьяне-земледельцы и ремесленники), обеспечивающие нужды всех групп населения. Система детерминирована, с одной стороны, общим объемом ресурсов, в конечном счете — плодородной землей, а с другой — необходимыми пропорциями между видами деятельности как предпосылкой жизнеспособности (воспроизводимости) каждого ее элемента. Это и определяет «естественное» состояние системы в целом. Эти факторы заданы объективно, но в действие они приводятся самими людьми с их ограниченными возможностями и несовершенными механизмами взаимодействия. В меру этих несовершенств возникают несоответствия между естественным состоянием и реальностью, которые задают сферу неопределенности.

Какое место в этой схеме занимает человеческое поведение? По Кантильону, все население государства: «можно подразделить на два класса — предпринимателей и наемных работников. Все предприниматели имеют как бы неопределенное жалованье, тогда как остальные — фиксированное... Генерал с его жалованьем, придворный с его пансионом и домашний слуга с его заработком — все попадают в этот второй класс. Все прочие — предприниматели, независимо от того вкладывают они капитал [fond] в свое дело или выступают предпринимателями собственного труда без капитала.

Их можно считать живущими в неопределенности. Даже нищие и грабители относятся к предпринимателям этого класса» (pp. 54–55).

Соответственно, различаются и поведенческие характеристики каждого из этих классов.

Общественные классы и их поведенческие характеристики

Земельные собственники, или аристократия

Главная экономическая функция аристократии в теории Кантильона – формирование спроса: «Земельный собственник, который распоряжается третью продукции земли, – это главное действующее лицо, определяющее возможные изменения в потреблении. Крестьяне и ремесленники, живущие сегодняшним днем, меняют свой образ жизни только по необходимости. Если же среди немногих более зажиточных фермеров, мастеров-ремесленников или других предпринимателей найдутся такие, кто изменяет свои расходы и потребление, то они всегда следуют примеру вельмож и земельных собственников. Они подражают их одежде, еде и образу жизни. Если земельным собственникам понравится носить тонкое белье, шелка и кружева, то спрос на эти товары будет выше, чем спрос самих земельных собственников» (pp. 62–63).

Из того, что аристократия свободна в выборе своего образа жизни, Кантильон делает вывод, что единственный способ повлиять на ее поведение – это сила примера, причем подать такой пример способен лишь наивысший авторитет – сам король: «Пример государя, которому следует его двор, обычно способен определить склонности и вкусы остальных земельных собственников, а пример последних естественным образом влияет на все низшие сословия. Так что не приходится сомневаться, что государь своим собственным примером и без всякого принуждения может придать труду своих подданных такой оборот, какой пожелает» (pp. 92–93).

Для Кантильона влияние собственным примером – это важный рычаг управления. Если государство заинтересовано

в усилении своей мощи, и она зависит от числа подданных, то рост населения естественно считать целевой функцией управления. И Кантильон прослеживает связь между структурой спроса и числом жителей: «Если ... государь или земельные собственники будут использовать землю в иных целях, чем пропитание народа, если своими ценами, предлагаемыми на рынке за продовольствие и товары, они заставят фермеров использовать землю для иных целей, чем жизнеобеспечение людей, ... то численность населения непременно уменьшится» (pp. 72–73).

«Если земельные собственники переезжают из сельской местности жить в города вдали от своих поместий, то придется кормить лошадей для транспортировки в город продуктов питания как для них самих, так и для домашней прислуги, ремесленников и остальных переезжающих вместе с земельными собственниками в город. Доставка вина из Бургундии в Париж стоит зачастую больше, чем само вино стоит на месте его производства; это значит, что земли для содержания ломовых лошадей и тех, кто ухаживает за ними, потребуется больше, чем для производства вина и содержания всех, кто в этом производстве участвует. Чем больше лошадей содержится в государстве, тем меньше еды остается людям» (pp. 72–75).

Не ограничиваясь условным примером, Кантильон приводит конкретные факты поведения аристократии, противоречащего государственным интересам: «Когда парижские дамы с удовольствием носят брюссельские кружева, а Франция платит за них шампанским вином, продукт всего одного акра льна должен быть оплачен продуктом 16 000 акров виноградников... [П]ри такой сделке значительная часть продукта земли изымается из средств существования французов, и отправка этого продукта за границу... ведет к сокращению населения в государстве» (pp. 76–77).

Через тот же механизм связи между спросом аристократии и структурой производства Кантильон вводит еще один ключевой элемент своей теоретической системы — фактор неопределенности, чреватый экономическими последстви-

ями: «Когда земельный собственник уволит значительное число домашних слуг и увеличит число лошадей, это вызовет избыток зерна по отношению к потребностям населения, и оно станет дешевым, а сено дорогим. Вследствие этого фермеры расширят пастбища и сократят производство зерна, чтобы привести их в соответствие с потреблением. Таким образом, вкусы и мода земельных собственников предопределяют использование земли и вызывают колебания в потреблении, порождающие колебания рыночных цен» (pp. 64–65).

Работники

Люди, работающие по найму, в теории Кантильона лишены субъектности. Даже их личная жизнь в основном предопределена обычаями и обстоятельствами жизни. Исключение допускается лишь в отношении брачного поведения части дворянских детей, из которых «лишь немногие избегают браков из ветрености» (pp. 78–79). У бедняка свободы выбора нет: те, кто не найдут работу, «не смогут жениться из-за нехватки средств на воспитание детей. Если же они женятся, то их дети будут обречены на голодную смерть вместе со своими родителями, как мы повседневно это видим во Франции» (pp. 22–23).

Общее правило в отношении работающих по найму Кантильон выразил лаконично и образно: «Люди размножаются как мыши в амбаре, если количество средств существования не ограничено. Англичан в колониях через три поколения станет относительно больше, чем бы их было в Англии через тридцать поколений, ибо в колониях они находят новые площади для обработки земли, с которой изгоняются дикари...» (pp. 82–83).

Иными словами, численность населения — в отличие от большинства современных теорий — у Кантильона выступает эндогенной величиной, зависящей от размера и качества плодородных земель, с одной стороны, и потребительских привычек людей — с другой. При этом различия в привычках не позволяют считать соотношение между землей и населением

однозначным и «естественным». Учитывая это обстоятельство, Кантильон сознательно уклоняется от оценивания привычек, отделяя ценностные суждения от объективно заданных: «...Я не затрагиваю здесь вопроса о том, лучше ли иметь огромное население, бедное и необеспеченное, или меньшее по количеству, но в большем достатке, то есть один миллион людей, потребляющих продукцию 6 акров на человека, или 4 миллиона, живущих продукцией 1,5 акра» (pp. 84–85).

Наличие субъектности Кантильон предполагает скорее у работодателей. Им приходится дифференцировать предложение рабочих мест, чтобы привлечь нужных специалистов или заполнить наименее привлекательные рабочие места: «Выше должны оплачиваться те ремесла, которые требуют больше времени для подготовки или больше изобретательности и усердия. Опытный краснодеревщик должен получать за свою работу больше обычного плотника, а хороший часовщик больше, чем кузнец. Искусства и ремесла, сопряженные с риском и опасностью, такие как у литейщиков, моряков, рудокопов, должны вознаграждаться соразмерно риску. Когда опасная профессия требует к тому же специальных умений, оплата должна быть еще выше, например, у лоцманов, ныряльщиков, инженеров и т.д. Ну, а если нужны смекалка и надежность, то труд следует оплачивать еще более щедро, как в случае с ювелирами, бухгалтерами, кассирами и др.» (pp. 20–21).

Кроме потребительских привычек Кантильон указал на еще один институциональный фактор, способный затруднять адаптацию общества к спросу на рабочие руки – религиозные практики, отвлекающие людей от полезного труда. В этом случае – в отличие от реакции на потребительские привычки – он не уклонился от ценностных суждений, перечислив целый спектр негативных экономических эффектов таких практик: неэффективное использование земель, перераспределение доходов, большое число нерабочих дней. Примечательно, что позитивный опыт решения таких вопросов Кантильон, будучи католиком по вероисповеданию, нашел в протестант-

ских странах: «Монастыри монахов нищенствующего ордена намного губительнее для государства, чем закрытые ордены. Последние обычно не приносят другого вреда кроме как занятие имений, способных дать государству офицеров и служащих магистратов, в то время как нищенствующие монахи, сами не занимаясь полезным трудом, часто отрывают от работы и мешают ее делать другим людям. Они берут у бедняков милостыню из тех средств, которые нужны для поддержания их трудоспособности. Они вынуждают людей терять много времени на пустые разговоры, не говоря о тех, кто ведет интриги в семьях или просто порочен. Опыт показывает, что страны, принявшие протестантизм и не имеющие ни монахов, ни нищенствующих орденов, стали заметно более могущественными. Во благо им пошло и запрещение большого числа священных дней, в которые в католических странах не работают, что сокращает труд людей на $\frac{1}{8}$ часть ежегодно» (рр. 94–95).

Раскритиковав сложившиеся практики, Кантильон пошел дальше и развернул целый план по их реформированию, один из пунктов которого предоставлял человеку более широкие возможности самому выбирать сферу приложения своих способностей: «При желании применить с пользой все, что в государстве имеется, можно было бы, как мне кажется, уменьшить количество нищенствующих монахов, помещая их в монастыри по мере появления там свободных мест, когда кто-либо уходит или умирает; и не запрещать уход [из монастырей] тем, кто не смог продемонстрировать способностей в спекулятивных науках, будучи способным развивать практические искусства, например, некоторые разделы математики... [Ц]елибат священнослужителей не столь ущербен, как принято полагать, но их праздность весьма вредна» (ibid.).

Предприниматели

Третий класс в социуме Кантильона — предприниматели. Сопоставляя растущую буржуазную рыночную экономику с традиционным хозяйством, автор «Опыта» уподобляет пред-

принимателя надсмотрщику в рабовладельческом и помещиц-
чем имении, поскольку тот и другой — посредники между
земельным собственником и конечными потребителями.
Но если в традиционном обществе потребности хозяина
задаются надсмотрщику в виде *команды*, то в рыночном они
принимают форму *рыночного спроса*. Кантильон исходит из
предположения, что «после этих изменений все люди в этом
большом имении живут так же, как раньше, а следовательно,
все участки земли и фермы этого имения будут использоваться
по тому же назначению, что и раньше» (pp. 60–61). Это пред-
положение он делает несмотря на убеждение, что, превратив-
шись в предпринимателей, бывшие надсмотрщики «будут
действовать с большим усердием и получать, работая на себя,
большее удовлетворение» (*ibid.*). Вывод Кантильона может
показаться нелогичным: почему работа с большим усердием
не скажется на результате? Прямого ответа на этот вопрос
в «Опыте» нет, однако в логике Кантильона такой вывод зако-
номерен и важен для понимания места предпринимателя
в его теоретической системе. Как уже было отмечено, теория
Кантильона исходит из наличия некоторого естественного
состояния системы, с одной стороны, и действия факторов
неопределенности — с другой. Естественное состояние опре-
деляется неизменными базовыми условиями — ресурсами
(прежде всего, запасами земли) и обычаями. Эти условия не
зависят от того, будут ли решения приниматься командными
методами или в порядке реагирования на спрос. Но во втором
случае субъектом принятия решений, призванных согласо-
вывать спрос и предложение, становится предприниматель. Он
же несет ответственность, если такого согласования достичь
не удастся: «...[п]оскольку все фермеры и мастера-ремеслен-
ники... — это предприниматели, работающие на свой риск,
одни из них богатеют..., другие разоряются, становясь банкро-
тами» (pp. 40–41). Таким образом, предприниматель в тео-
рии Кантильона — это агент, выполняющий важнейшую для
рыночной экономики функцию по преодолению неопреде-
ленности при согласовании спроса и предложения. Кантильон

верит в успешность этих усилий, полагая, что «[в] хорошо организованных обществах рыночные цены на товары, потребляемые более или менее постоянно и единообразно, резко не отличаются от их внутренней ценности» (р. 31). По определению Кантильона: «Фермер — это предприниматель, обязующийся платить земельному собственнику за... землю фиксированную сумму денег... без гарантии выгоды от этого предприятия. Часть земли он по своему усмотрению отводит под корма животным, для производства зерна, вина, сена и т.д., не имея возможности предвидеть, что из этого лучше окупится. Цена на эти продукты будет зависеть частично от погоды, частично от потребления; к примеру, если зерно будет в избытке относительно потребления, то оно будет очень дешевым, а если случится его нехватка, то оно станет дорогим. А кто сможет предугадать, сколько человек родится и умрет в государстве в течение года? Кто сможет предвидеть увеличение или сокращение семейных расходов? И тем не менее цена на продукцию, производимую фермером, естественным образом зависит от этих непредсказуемых обстоятельств; следовательно, он ведет дело своей фермы в условиях неопределенности... [Предприниматели] платят определенную цену по месту закупок с тем, чтобы перепродавать ее оптом или в розницу по неопределенной цене» (рр. 46–49).

В подобном положении оказываются, согласно Кантильону, и «[в]се другие предприниматели — ответственные за рудники, спектакли, здания и т.д.; купцы, перевозящие товар морским и наземным путем; держатели столовых и постоялых дворов, кондитеры, а также предприниматели собственного труда, не нуждающиеся в капитале (*fonds*) для своей деятельности, как подмастерья, медники, швеи, трубочисты, водовозы, — все они живут в неопределенности, приспосабливаясь к числу своих клиентов. Мастера-ремесленники, например, сапожники, портные, плотники, изготовители париков и т.д., нанимающие подмастерьев в соответствии с объемом своей работы, живут в такой же неопределенности, поскольку их клиенты в любой день могут отказаться от

их услуг. Предприниматели собственного труда в искусстве и науке, в частности художники, врачи, юристы и т.д., живут в условиях аналогичной неопределенности. Если один стряпчий или адвокат за услуги клиентам или свою практику зарабатывает 5000 фунтов стерлингов в год, а другой — только 500, то заработки, которые они получают от своих нанимателей, можно считать столь же неопределенными» (pp. 52–55).

Коль скоро предприниматель принимает решения самостоятельно и действует в условиях неопределенности, то естественно задаться вопросом о принципах, на которые он при этом опирается. Ранее было показано, что поведение аристократии Кантильон характеризовал как изменчивое и зависимое от прихотливых вкусов и склонностей, что нет причин считать рациональным. Как обстоит дело с предпринимателями? В общей постановке Кантильон этот вопрос не обсуждает. Тем не менее в «Опыте» можно встретить немало примеров предпринимательского поведения, которые показывают, что он допускал различные его типы.

Так, в главе о рыночных ценах Кантильон предлагает пример рационального поведения в условиях торга, пригодный для учебника микроэкономики:

«Несколько мажордомов получили приказ закупить зеленый горошек первого урожая. Одному из них хозяин велел купить десять литронов за 60 фунтов, другому — десять за 50, третьему — десять за 40, четвертому — десять за 30 фунтов. Для выполнения этих заказов на рынке должно быть сорок литронов зеленого горошка. Но предположим, что их только двадцать. Тогда продавцы, видя много покупателей, будут твердо держать свои цены, а покупатели — предписанные им цены. Предложивших 60 фунтов за десять литронов обслужат первыми. Затем продавцы, увидев, что по цене выше 50 фунтов никто покупать не будет, продадут за эту цену оставшиеся десять литронов. Те же, кому не велено покупать дороже 40 и 30 фунтов, уйдут ни с чем» (pp. 118–119).

Более сложный расчет, включающий субъективную оценку риска, нужен заимодавцу при оценке кредитоспособ-

ности потенциальных клиентов. Кантильон приводит пример водовоза и шляпника: первый имеет шанс умножить полученную в кредит сумму в 50 раз, а второй — только в пять за тот же период. Казалось бы, в первом случае можно рассчитывать на более высокий процент, но Кантильон объясняет, почему риск невозврата выданных денег в первом случае выше, чем во втором, и потому лучше ссудить деньги шляпнику. Вот его обоснование:

«Если... предпринимателем в своем ремесле захочет стать парижский водовоз, то все средства, которые ему потребуются, будут соответствовать цене двух ведер, которые можно купить за одну унцию серебра, после чего все, что он зарабатывает, составит его прибыль. Если своим трудом он зарабатывает 50 унций серебра в год, то сумма его фонда, или займа, будет относиться к его прибыли как 1 к 50. То есть он получит 5000 процентов, тогда как шляпник — только 50 процентов, причем должен будет выплатить займодавцу те же двадцать—тридцать процентов.

Тем не менее займодавец предпочтет ссудить 1000 унций серебра шляпнику под 20 процентов, чем дать ту же тысячу унций тысяче водовозов под 500 процентов. Водовозы быстро израсходуют на самих себя не только то, что заработают ежедневным трудом, но и то, что получают займы. Ссужаемые им капиталы малы в сравнении с тем, что им нужно для поддержания жизни. Много они трудятся или мало, они легко могут истратить все заработанное» (pp. 204–205).

Наконец, при обсуждении поведения контрабандистов, где цена риска — их жизнь, Кантильон обращает внимание на психологические аспекты восприятия риска, рациональная оценка которых вряд ли вообще возможна:

«Если португальский король строго, под угрозой не только конфискации, но и лишения жизни, запретит вывозить из государства золото и серебро в любом виде, то страх перед запретом прежде всего воспрепятствует банкирам вообще участвовать в урегулировании торгового баланса. Выручка от английских товаров будет оставаться в кассах

Лиссабона. Английские торговцы, не получая из Лиссабона своих средств, перестанут поставлять туда суконные изделия, сукно чрезвычайно подорожает... Чтобы приобрести сукно, португальское дворянство... [будет] предлагать двойную цену, но поскольку и для таких покупок нужно вывозить деньги за границу, возросшая цена на сукно станет прибылью для тех, кто будет вывозить золото или серебро за пределы королевства, невзирая на запрет. Это побудит многих евреев, как и других, доставлять золото и серебро на английские суда, находящиеся в лиссабонском порту, пусть даже с риском для жизни. Поначалу они будут получать 100 или 50 процентов за такие услуги, и эта их прибыль будет оплачиваться португальскими жителями через повышенную цену сукна. Постепенно, благодаря успешной практике, эти посредники привыкнут действовать таким образом, и в дальнейшем будут доставлять деньги на английские суда за цену в 2 или 1 процент» (pp. 264–267).

Аристократы-чиновники

Естественное состояние экономики Кантильон определяет независимо от денег. Денежно-финансовая система как бы «набрасывается» на натуральное хозяйство страны как инструмент, облегчающий естественное движение материальных потоков между классами общества. Предприниматели — это посредники между производителями и потребителями, отвечающие за организацию товарных потоков, а деньги — это посредник в отношениях между самими предпринимателями. При этом контроль за денежным хозяйством находится в руках государственных чиновников, выходцев из аристократии и составляющих ее особую часть.

Как и предприниматели, аристократы-чиновники действуют в полосе отклонений от естественного состояния экономики, где они могут принимать значимые решения или влиять на них. Но если при характеристике предпринимательской деятельности Кантильон акцентирует внимание на ее роли по *приближению* фактического состояния к есте-

ственному (согласованию спроса и предложения), то в деятельности чиновников – наоборот, его беспокоят решения, способные усиливать *дисбаланс*.

Один вариант такого поведения – игнорирование мер, необходимых для устранения возникающих отклонений. Такую ситуацию Кантильон рассматривает на примере чрезмерного притока денег в страну:

«...[К]огда государство усиливается благодаря торговле, и обилие денег ведет к чрезмерному удорожанию земли и труда, государь или законодатель должны, как представляется, изымать часть денег, хранить их для непредвиденных случаев и стараться замедлить их обращение всеми средствами, кроме принуждения и злонамеренности. И все это ради того, чтобы избежать чрезмерной дороговизны своих товаров и отрицательных последствий привычки к роскоши. Так как непросто установить, когда все это нужно делать, и когда именно обилие денег становится избыточным..., то государи и главы республик, не очень склонные разбираться в подобных вопросах, видят лишь те возможности, которые обильные государственные доходы создают для усиления власти и нападков на другие государства под самыми пустыми предлогами. И с учетом всех обстоятельств они поступают не так уж дурно..., ибо, поскольку по законам естественного хода человеческих дел, государство должно, в конечном счете, пасть само по себе, они лишь немного ускоряют падение... Умелый министр всегда может снова запустить движение по этому кругу, и требуется не так уж много лет, чтобы испытать этот опыт и увидеть успех, по крайней мере вначале, когда положение особенно выигрышное» (pp. 184–187, 194–195).

Крайний случай – когда чиновник дестабилизирует положение, пользуясь властью в корыстных целях. Такую ситуацию Кантильон иллюстрирует примером, прозрачно намекающим на деятельность Джона Ло и судьбу его финансовой пирамиды:

«Итак, несомненно, что банк в сговоре с министром всегда может поднять и поддерживать, действуя с осторож-

ностью, курс государственных ценных бумаг на высоком уровне, снижая, по усмотрению министра, норму процента в данном государстве, и таким образом освободить государство от его долгов. Однако подобные ухищрения, открывающие дорогу к созданию немалых состояний, редко применяются в интересах одного лишь государства; участники таких операций зачастую оказываются коррумпированными» (pp. 322–323).

Этим примером Кантильон завершает свой трактат, поясняя последними фразами, почему подобные манипуляции какое-то время могут оставаться безнаказанными и при каких условиях они вызывают общественные потрясения:

«Излишние банковские билеты, выпускаемые и распространяемые в подобных случаях, не нарушают денежного обращения, поскольку, обслуживая покупки и продажи ценных бумаг, они не используются для семейных расходов, и не обмениваются на наличные деньги. Но если какие-либо страхи или непредвиденные обстоятельства заставят держателей ценных бумаг потребовать у банка их деньги, то бомба разорвется и станет ясно, что такие операции опасны» (ibid.).

И всякий раз, когда экономическое поведение зависит от самостоятельных решений людей, Кантильон дает понять, что оно может быть объектом этической оценки, но сам от подобных оценок воздерживается. Так, обсуждая роль предпринимателей, он замечает: «Можно, наверное, сказать, что предприниматели стремятся урвать все от своего дела, что сумеют, и берут со своих клиентов как можно больше, но это не является предметом моей работы» (pp. 54–55).

Аналогична его реакция на поведение финансовых аферистов:

«...[Ч]астные лица, желающие подражать агентам банка в их операциях, тем самым способствуют поддержанию курса бумаг. Некоторые из них попадают в ловушки, ибо не понимают сути этих операций, напичканных бесчисленными ухищрениями и, более того, подвохами, но это уже не моя тема» (pp. 322–323).

Восприятие экономической науки как науки о человеческом поведении получило распространение только в XX в., после известной работы Л. Роббинса, содержавшей каноническую ныне формулу: «Экономическая наука — это наука, изучающая человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное применение» (Роббинс, 1993 [1932]. С. 18). Это определение отразило содержание тех новых направлений экономической теории, которые сложились в результате маржиналистской революции в конце XIX — начале XX в., когда единицей экономического анализа стали ожидания, оценки и решения условного экономического агента — *homo oeconomicus* — с интроспективно известными (Менгер) или заранее заданными (Парето) свойствами. До маржиналистской революции экономика стандартно ассоциировалась с наукой о производстве и распределении богатства, которая явно или неявно отталкивалась от естественно-правового учения о человеке как существе себялюбивым, но оставляла тонкости его поведения моралистам.

Концепция Кантильона заметно выделяется на этом фоне. Стремление теоретически представить функционирование экономики как единой системы заставило его ввести несколько важных разграничений:

- вероятно, впервые в обществоведении была задана социально-классовая структура общества с различающимися поведенческими характеристиками;
- разграничены два контура взаимосвязей в экономической системе: *базовый материально-вещественный* — производство и распределение общественного продукта с экзогенно детерминированной структурой, и *вспомогательный денежно-финансовый*, функционирующий в условиях неопределенности и формирующий среду, в которой происходит движение этого продукта между звеньями системы;

- в базовом контуре различия поведенческих характеристик обусловлены зависимостью структуры выпуска от потребностей. В связи с этим Кантильон (вслед за Буагильбером) выделяет два типа агентов и, соответственно, моделей поведения: (i) аристократия, характеризующаяся изменчивыми, подверженными иррациональной моде потребностями; (ii) основная масса населения, имеющая как стабильное ядро потребностей, так и их подвижную часть, имитирующую поведение аристократов;
- во вспомогательном контуре поведенческие характеристики отражают отношение классов к неопределенности, сопровождающей процессы согласования спроса и предложения. Выделяется три типа агентов и соответствующих моделей поведения: (i) аристократия как генератор изменчивых потребностей; (ii) активные агенты — предприниматели-посредники, которые отвечают за согласование производства и потребностей и несут риски их рассогласованности; (iii) пассивные агенты — работники-исполнители на службе у посредников;
- в этом же контуре разграничены два уровня посредников: один — это собственно предприниматели, полностью несущие риски, связанные с неопределенностью рыночной среды; другой — это аристократы-чиновники, которые регулируют денежную среду предпринимательской деятельности и в определенных пределах могут перелagать такие риски на общество в целом.

В целом в теории Кантильона экономические агенты выступают исполнителями определенных функций в процессе естественного (natural) кругооборота общественного продукта. Дифференциация моделей их поведения обусловлена наличием факторов неопределенности в процессе такого кругооборота. Вводя эти модели, Кантильон объясняет как эволюцию базовых характеристик кругооборота, так и различные отклонения в ходе его осуществления.

Новации Кантильона дали толчок последующему развитию экономической мысли. Так, теоретическая схема Кантильона стала прообразом «Экономической таблицы» Кенэ, которая, в свою очередь, существенно повлияла на формирование теорий Смита и Маркса. Разграничение «естественного состояния» экономической системы как ядра теории и конъюнктурных процессов как отклонений от такого состояния получило развитие в концепции общего экономического равновесия и стало основой неоклассического мейнстрима XX в. Переоткрытие «Опыта» в 1881 г. Джевонсом, одним из инициаторов маржиналистской революции, послужило стимулом для новой волны интереса к теме предпринимательства, которая приобрела особое значение в рамках австрийской школы. Идеи Кантильона оказали влияние на денежные, демографические и другие теории.

Однако рецепция идей Кантильона никогда не была буквальной: обогащение на одних направлениях сопровождалось потерями на других. Кантильон был пионером в осмыслении фактора неопределенности в экономике, но потребовалось двести лет, чтобы это начинание было подхвачено. Принцип дифференциации типов экономического поведения был воспринят классической политэкономией и марксизмом, но утрачен неоклассикой, и лишь частично начинает воссоздаваться современной поведенческой экономикой. Экономическая наука все еще в долгу у Ричарда Кантильона.

ЛИТЕРАТУРА

- Роббинс Л. (1993) [1932]. Предмет экономической науки // THESIS. Вып. 1. С. 10–23.
- Смит А. (1996) [1790]. Теория нравственных чувств. М.: Республика.
- Смит А. (2007) [1776]. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо.
- Юм Д. (1996) [1739]. Трактат о человеческой природе. Книга 2. Об аффектах. Соч. в 2-х томах. Т. 1. М.: Мысль.
- Cantillon R.* (1931) [1755]. *Essai sur la nature du commerce en général*. Ed. by H. Higgs. London: Macmillan.

- Lagueux M.* (2010). *Rationality and Explanation in Economics*. London and New York: Routledge.
- Murphy A. E.* (1989). *Richard Cantillon: Entrepreneur and Economist*. Oxford: Oxford University Press.
- Pufendorf S.* (1710) [1672]. *On the Law of Nature and Nations*. [De Jure Naturae et Gentium]. Oxford: L.Lichfield. <http://lawlibrary.wm.edu/wythepedia/library/PufendorfOfTheLawOfNatureAndNations1710.pdf> (accessed 14.05.2022).
-

О.Н. Борох
ИКСА РАН, г. Москва

УИЛЬЯМ СТЕНЛИ ДЖЕВОНС В КИТАЕ: ЭТАПЫ ВОСПРИЯТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИДЕЙ

История восприятия в Китае идей британского экономиста У.С. Джевонса начинается в 1880-е гг. и состоит из этапов, каждый из которых иллюстрирует смену подходов к освоению западных знаний. В статье предпринята попытка выделить эти этапы, охарактеризовать их основное содержание и взаимосвязь, проанализировать смену акцентов в изучении работ Джевонса в ракурсе изменений научного и общественно-политического контекста развития Китая.

Ранние переводы трудов Джевонса

Первое знакомство с западной экономической мыслью в Китае состоялось в 1880-е гг. благодаря выполненным иностранными миссионерами переводам учебников политической экономии. Их необычные китайские названия отразили представление о новом знании как о науке об обогащении государства и управлении. Раньше всех в 1883 г. на китайском языке появился неполный перевод «Учебника политической экономии» (*Manual of Political Economy*, 1863) британского экономиста Г. Фосетта под названием «Политика обогащения государства» («Фуго цэ»). В 1885 г. на китайский язык переведен изданный У. и Р. Чемберсами учебник «Политическая экономия для использования в школах и для частного обу-

чения» (Chambers' Educational Course: Political Economy, for Use of Schools, and for Private Instruction, 1852), который получил название «Простые слова о помощи в управлении» («Цзочжи чюань»). В 1886 г. под названием «Политика обогащения государства и вскармливания народа» («Фуго янминь цэ») был издан «Начальный учебник по науке: политическая экономия» (Political Economy. Science Primers Series, 1878) Джевонса (*Чжэфэньсы*, 1902).

Книгу Джевонса перевел протестантский миссионер и синолог Дж. Эдкинс. Учебник политической экономии стал частью серии, в которую вошли 16 просветительских работ об основах научных знаний Запада. Эдкинс следовал тексту оригинала и достаточно адекватно передал содержание учебника Джевонса. Главной проблемой стало отсутствие в то время в китайском языке четкого терминологического аппарата экономической науки. Это особенно проявилось при переводе терминов «спрос», «предложение», «труд», «ценность», «цена».

Учебник Джевонса соответствовал просветительским устремлениям протестантских миссионеров, стремившихся доходчиво рассказать китайской образованной элите о странах Запада, их истории и культуре, в том числе о коренящихся в экономических идеях причинах западного могущества. Он стал в Китае одним из ранних источников информации о «Богатстве народов» Адама Смита, его учении о разделении труда, теории заработной платы и принципах налогообложения. Переводчик сумел близко к оригиналу изложить тезис о связи экономического процветания Великобритании с успехами в изучении политической экономии и следованием идеям экономической свободы Смита. Тема связи ценности вещи с ее полезностью и редкостью присутствует в тексте лишь в той степени, в какой она была изложена в учебнике самим Джевонсом в кратком фрагменте о труде водолаза и извлекаемых со дна моря жемчужинах, которые хотят приобрести состоятельные дамы. Эдкинс, не будучи профессиональным экономистом, не проводил четкого различия между «ценностью» и «ценой».

Чтобы не отвлекать китайского читателя названиями иностранных городов и незнакомых товаров, Эдкинс постарался адаптировать примеры из учебника Джевонса к местным реалиям. В переводе названия последней главы он опустил упоминание о «мрачной науке», сказав лишь о том, что люди имеют возможность изучить «науку об обогащении государства и вскармливании народа». В те времена исторический, социальный и культурный контекст появления этого образа был совершенно непонятен китайскому читателю, незнакомому ни с полемической статьей Т. Карлейля, ни с ответом на нее Дж.С. Милля (см.: *Макашова, 2019*)).

Через более чем полтора десятилетия книгу Джевонса «Государство в отношении к труду» (*The State in its Relation to Labour, 1882*) под названием «Теория политики государства в отношении к промышленности» (*Сыданбли Чжэфэнсы, 1900*) перевели американский миссионер Э. Уильямс и китаец Ван Жужань. При работе над переводом они вновь столкнулись с проблемой отсутствия в китайском языке устойчивого набора экономических терминов. Современная экономическая терминология утвердилась в Китае в начале XX в. в результате широкомасштабного заимствования из японского языка.

Книга Джевонса вышла вместе с переводом работы британского чиновника и экономиста Т. Фаррера «Государство в отношении торговли» (*The State in its Relation to Trade, 1883*). В отборе экономических трудов для перевода была внутренняя логика. Если на первом этапе миссионеры перевели элементарные учебники, чтобы изложить общие причины процветания Запада, то после этого появилась потребность в более подробном рассказе об экономической политике Великобритании. Работа Джевонса «Государство в отношении к труду» рассматривала государственное законодательство в сфере промышленности, проблемы государственного вмешательства и регулирования трудовых отношений.

В конце XIX в. в Китае стали известны логические произведения Джевонса. Одновременно с учебником политиче-

ской экономике Эдкинс перевел и издал в 1886 г. начальный учебник по логике (Logic. Science Primers Series, 1876), получивший китайское наименование «Элементарные знания о науке о диспуте».

На рубеже столетий китайские интеллектуалы видели в логическом методе мышления главное преимущество Запада, ставшее основой для расцвета всех отраслей наук. Этот настрой способствовал повышению интереса к изучению логики. Известный переводчик и просветитель Янь Фу повторно перевел начальный учебник логики Джевонса в 1908 г., расширяя сферу замены примеров внутри текста в интересах культурной адаптации (*Ефансы*, 1981). Исследователи китайской культуры также проявили интерес к этой стороне наследия Джевонса, сосредоточив внимание на его «Элементарном учебнике логики» (*Elementary Lessons on Logic*, 1870). В 1907–1908 гг. его фрагменты перевел Чжан Цзюньмай, в 1909 г. свой перевод опубликовал Ван Говэй.

Восприятие идей Джевонса в конце династии Цин

Подтверждение знакомства с китайским переводом учебника Джевонса можно найти в наследии известного реформатора и мыслителя Лян Цичао. Его источники познаний о зарубежной науке и общественных теориях были ограничены переводами и трудами китайских авторов.

В 1897 г. мыслитель попытался сопоставить изложенную Джевонсом идею воздействия природных циклов на экономику с древнекитайскими представлениями об экономических циклах. Лян Цичао опирался на «Исторические записки» («Ши цзи») древнего историка Сыма Цяня. Китайского реформатора заинтересовали слова: «Каждые шесть лет бывает хороший урожай, каждые шесть лет бывает засуха, каждые двенадцать лет – сильный голод» (*Сыма Цянь*, 2010. С. 298).

Лян Цичао сообщил, что некий западный ученый обобщил ситуацию в торговле и пришел к схожему выводу, что продолжительность цикла составляет около десяти лет. При

этом иностранец обнаружил принцип, благодаря которому происходит этот кругооборот. В ряде европейских стран, где выращивают виноград, раз в 10 или 11 лет получают очень хороший урожай. А в разных районах Индии каждые 12 лет бывает неурожай. Наблюдения западного ученого совпали с древним китайским учением «через шесть лет хороший урожай, через шесть лет засуха» (Лян Цичао, 1999. С. 118).

Хотя Лян Цичао не назвал имя зарубежного автора, процитированный фрагмент взят из учебника Джевонса (Джевонс, 2021. С. 458–459). Китайский мыслитель особо подчеркнул, что западный ученый назвал причиной чередования урожайных и неурожайных лет разницу в степени получаемого тепла. Он отметил сходство этой идеи с изложенным в «Ши цзи» учением советника правителя древнего царства Юэ о связи урожая и стихийных бедствий с расположением Юпитера (Сыма Цянь, 2010. С. 297–298).

Известный исследователь истории китайской экономической мысли Ху Цзичуан отметил, что проведенное Лян Цичао сопоставление использовало западную теорию цикла – «учение о винограде», которое было взято из учебника Джевонса. В результате «впервые в трудах китайца в Новое время была представлена теория экономического кругооборота» (Ху Цзичуан, 1984. С. 310).

В конце правления династии Цин произошла смена посредников в распространении в Китае иностранных экономических идей. Прибывшие из экономически развитых стран Запада протестантские миссионеры утратили эту роль к началу XX в. Ведущими носителями знаний стали китайские студенты, отправившиеся на учебу в культурно и территориально близкую Японию. Они получали информацию о западной экономической науке из японских учебников и лекционных курсов.

Япония стала источником получения информации о финансовых идеях Джевонса. Побывавший там китайский чиновник Цянь Сюнь опубликовал в 1901 г. книгу «Четыре устоя финансов». В предисловии он признался, что не знает

западных языков и не может понять точность и глубину иностранных источников. Книга была написана на основании обработки записей и материалов обучавшихся в Японии студентов из провинции Хубэй, которых он инспектировал (*Цзоу Цзиньвэнь*, 2016. С. 337).

Книга «Четыре устоя финансов» охватывала вопросы налогов, денег, банков и государственных займов. В разделе об эмиссии бумажных денег банками Цянь Сюнь рассказал о четырнадцати способах регулирования бумажного денежного обращения, которые обобщил Джевонс. Очевидно, что к этому времени содержание книги Джевонса «Деньги и механизм обмена» (*Money and the Mechanism of Exchange*, 1875) было известно в Японии (там же. С. 341).

Если Лян Цичао обращался к переводу учебника Джевонса для межкультурных сравнений, то Цянь Сюнь ориентировался на практические запросы китайской экономики. Появление этой книги стало свидетельством того, что отбором актуальных для Китая экономических знаний занимались уже не иностранцы, а сами китайцы, имевшие собственное представление о стоящих перед страной проблемах (*Е Шичан*, 2003. С. 325).

В 1902 г. китайский просветитель Янь Фу опубликовал первый том своего перевода «Богатства народов» Адама Смита. Это событие стало символической датой, от которой начинается отсчет истории китайской экономической науки. В предисловии к переводу Янь Фу продемонстрировал знание перемен в методологии западной экономической науки, произошедших после публикации «Богатства народов». Он отметил, что экономическая наука является «индуктивным знанием», подобный подход можно найти в трудах Смита, Рикардо, отца и сына Миллей: «Но недавно книги Джевонса и Маршалла использовали дедукцию» (*Янь Фу*, 1981. С. 9). Янь Фу пояснил, что экономическая наука начала использовать формальные дедуктивные методы для того, чтобы переходить от общего к частному с помощью «кривых дифференциалов и интегралов» с «четкими и ясными принципами» (там же).

На примере оценок воззрений Джевонса можно наблюдать очевидный прогресс в понимании западной экономической науки китайскими интеллектуалами конца династии Цин. После характеристик британского экономиста как создателя учения о влиянии солнечного цикла на экономическую жизнь общества (Лян Цичао) и как систематизатора способов регулирования бумажного денежного обращения (Цянь Сюнь) Янь Фу проявил научную осведомленность и проницательность, сумев выявить вклад Джевонса в разработку формализованных математических инструментов экономического анализа.

Распространение экономических знаний в республиканский период

После революции 1911 г. в период существования Китайской республики обучавшиеся за рубежом студенты сохранили за собой ведущую роль в ознакомлении с западной экономической наукой. Практика получения образования в Японии постепенно утратила популярность, стремившиеся к знаниям молодые люди все чаще отправлялись на учебу в США и европейские страны. Эта перемена привела к заметному повышению качества поступавших в Китай сведений о западной экономической науке.

Получивший экономическое образование в Мичиганском и Гарвардском университетах специалист по зарубежной и китайской экономической мысли Тан Цинцзэн одним из первых рассказал о теориях обмена и последней степени полезности Джевонса. После возвращения из США в публикациях 1920–1930-х гг. он рассмотрел историю становления математического направления в экономической науке, неизменно подчеркивая новаторский подход Джевонса.

В 1926 г. Тан Цинцзэн опубликовал в шанхайском журнале «Кэсюэ» («Наука») статью «Математическая школа в экономической науке» (Тан Цинцзэн, 1926). Современные исследователи полагают, что первая научная публикация в Китае вернувшегося из США исследователя стала также первой

публикацией на китайском языке о математической школе. Примечательно, что Тан Цинцзэн выбрал журнал по естественным наукам, тем самым косвенно подчеркнув статус математической школы как части доказательного научного знания.

Тан Цинцзэн охарактеризовал ведущих представителей математической школы в истории экономической науки. К первой группе он отнес экономистов-математиков до А.О. Курно. Основоположителем применения математических методов к обсуждению экономических проблем он назвал итальянца Дж. Чева. Возможно, это утверждение было заимствовано из предисловия Джевонса ко второму изданию «Теории политической экономии» (*The Theory of Political Economy*, 1871), увидевшему свет в 1879 г. (Джевонс, 2021. С. 67). Исследователь пояснил, что более всех использовали математику итальянцы П. Верри, П. Феррони, Ч. Беккариа, Г. Силио, также был отмечен англичанин Г. Ллойд. Тан Цинцзэн особо упомянул Франсуа Кенэ и работы о нем С. Бауэра и А. Онкена, пояснив, что в период от Адама Смита до Т. Мальтуса на протяжении шестидесяти – семидесяти лет экономисты математикой не пользовались.

Китайский автор подробно изложил основные идеи и методы «Исследований о математических основаниях теории богатства» (*Recherches sur les Principes Mathématiques de la Théorie des Richesses*, 1838) Курно, коснулся исследований француза Ж. Дюпюи и немца И.Г. Тюнена. По мнению Тан Цинцзэна, заслугой Курно было то, что он «сначала использовал формулу для описания отношения между спросом и предложением, а также связи между производственными затратами и ценами» (цит. по: (Лао Ханьшэн, 2000. С. 12)). Затем он применял вычисления для объяснения цены вещи, говоря, что количество проданных вещей является функцией цены.

Далее Тан Цинцзэн обратился к рассмотрению исследований «эпикурейской или утилитарной» полезности и рыночных цен Г. Госсена. Китайский автор подчеркнул, что графическое объяснение Госсеном «законов человеческих чувств» очень похоже на возникшее позже учение Джевонса.

Рассказывая о «Теории политической экономии» Джевонса, Тан Цинцзэн указал, что около сотни страниц в ней посвящено использованию математических методов. Центральное место занимает теория обмена, которая «основана на расчете удовлетворения людских желаний» (там же). Джевонс полагал, что важность производства проистекает из потребления. $F(x)$ представляет потребительную ценность вещи для человека, а $F'(x)$ – важность каждого приращения. Здесь кроется «путеводная нить» меновой ценности, теорию обмена Джевонс видел как систему уравнений.

Китайский ученый рассказал о работах Л. Вальраса «Элементы чистой политической экономии» (*Éléments d'Économie Politique Pure*, 1874) и «Математическая теория социального богатства» (*Théorie Mathématique de la Richesse Sociale*, 1884), отметив, что концепция Вальраса «имеет математическую природу» и «охватывает проблему равновесия» (там же).

После рассмотрения «равновесия по Парето» вместе с «кривой безразличия» Парето и ординалистской теорией полезности Тан Цинцзэн представил современные достижения математической школы, связанные с именами Ф.И. Эджуорта, А. Маршалла и Ф. Уикстида, В. Лаунхардта и Р. Ауспитца, Э. Бароне и М. Панталеони, И. Фишера и А. Янга, В.И. Борткевича и других, неизменно подчеркивая национальную принадлежность экономистов. В завершение он заявил: «В целом, в экономике иногда для объяснения всего невозможно не опираться на математический метод. Если не использовать математику, ценность самой науки также снизится» (там же). Тан Цинцзэн пояснил, что хотя абстрактные символы являются предметом монопольного использования математиков, «на деле они необходимы еще и экономистам» (там же. С. 13).

В 1930 г. Тан Цинцзэн опубликовал небольшую популярную работу «Пять крупных экономистов Запада» (*Тан Цинцзэн*, 1930). В предисловии он подчеркнул важность изучения истории экономической мысли и указал на связь

известных экономистов с пятью ее основными течениями на Западе. Первая глава посвящена учению Адама Смита. Глава о Г. Шмоллере поведала о зарождении исторической школы, критике классической экономической науки и влиянии ученого на немецкие экономические круги. В главе о К. Марксе говорилось о научном социализме, материалистическом взгляде на историю, ценности и прибавочной ценности, классовой борьбе, капитале и кризисах. На примере О. Бём-Баверка Тан Цинцзэн показал «вклад маленькой европейской страны в экономическую мысль» (там же. С. 42) и охарактеризовал его учение о проценте, философию и методологию. В завершающей главе о Джевонсе был подчеркнут вклад экономиста в развитие математической школы, обозначена связь теории полезности и формулы обмена.

Упомянув среди основателей математического направления Л. Шепли, Дж. Крейга, Г. Госсена и А. Курно, Тан Цинцзэн отметил, что это течение обрело влияние благодаря Джевонсу, соединившему в одном лице таланты экономиста, логика и математика. Особенность экономических идей Джевонса китайский ученый видел в том, что до него английские экономисты в основном писали о производстве, распределении и финансах, тогда как он сосредоточил внимание на потреблении, использовал слово «полезность» (utility) и писал о последней степени полезности (там же. С. 52). В брошюре Тан Цинцзэна была воспроизведена данная Джевонсом математическая формулировка теории обмена, в которой «зерно» и «говядина» в его примере были заменены на более понятные для китайского читателя «рис» и «ткань» (там же. С. 53).

Китайский ученый особо выделил слова Джевонса о том, что экономическая наука должна опираться на математику, лишь только тогда она будет наукой. Хотя движение к этой цели продолжается, использование математики приносит немалую пользу: простые понятные формулы более применимы, чем сухие объяснения, они помогают избежать ошибок. Помимо этого метод дедукции вкупе с использованием математики позволяет обнаружить новые принципы. Тан

Цзинцзэн подчеркнул, что хотя история этой школы коротка, ее не следует отделять от других школ и ею нельзя пренебрегать (там же. С. 54).

Восходящая к публикации 1926 г. тема вклада математической школы и ее представителей в экономическую науку присутствовала в более поздних публикациях Тан Цзинцзэна. В 1932 г. он отметил, что вопрос о том, следует ли сдерживать человеческие желания или давать им самопроизвольно возрастать, с XIX в. привлекал внимание экономистов-математиков. Госсен изобрел законы человеческих чувств, чтобы объяснить радость наслаждения. Джевонс также обратился к проблеме желаний, в «Теории политической экономии» ее изучение занимает одну треть объема работы. Этой темой также заинтересовался Л. Вальрас. По мнению Тан Цзинцзэна, с начала 1920-х гг. экономисты Запада уделяли этой проблеме большое внимание, это был «период наибольшего развития учения потребления» (Тан Цзинцзэн, 1932. С. 21). Китайский ученый заявил, что теория ценности является центральной и наиболее сложной в истории экономической мысли Запада (там же).

В 1933 г. Тан Цзинцзэн отметил, что в прошлом западные экономисты У.Н. Сениор, Дж.С. Милль выводили тему потребления за пределы экономической науки – в сферу этики. Хотя впоследствии У. Джевонс, Ф.А. Уокер и Н. Пирсон указали, что подобный подход является заблуждением, лишь в последнее время появилась специальная экономическая литература о потреблении (Тан Цзинцзэн, 1933. С. 201).

Китайский перевод «Теории политической экономии» Джевонса был опубликован в 1936 г. В предисловии к изданию переводчик Го Дали характеризовал Джевонса как основателя математической школы, а саму книгу – как «представительный труд» в области экономической науки, в котором использованы математические методы и символы, «исходя из субъективной теории предельной полезности объяснены субъективные понятия экономической науки» (Сытаньле Ефансы, 1936. С. 1). Перевод был выполнен по

четвертому изданию книги, из пяти приложений было переведено только третье, кратко излагавшее общую математическую теорию политической экономии. Китайским названием книги Джевонса стала «Теория экономической науки» («Цзинцзисюэ лилунь») (*Сытаньле Ефансы*, 1936). В 1997 г. этот перевод был переиздан под названием «Теория политической экономии» в авторитетном издательстве Шаньху иньшугуань (*Сытаньли Цзевэньсы*, 1997). Трудности, которые с огромными усилиями преодолевали переводчики конца XIX в., остались далеко в прошлом. Экономическая терминология китайского текста «Теории политической экономии» в наши дни выглядит современной и точной.

Переводы Го Дали оказали огромное влияние на формирование китайской экономической науки XX в. В 1930-е гг. вместе с Ван Янанем он перевел «Богатство народов» Смита, «Начала политической экономии и налогового обложения» Д. Рикардо и «Капитал» Маркса. Очевидная симпатия обоих ученых к идеям марксизма не исключала перевода ключевых экономических произведений других школ.

Вместе с тем в 1930–1940-е гг. Ван Янань выступал с активной критикой учения «австрийской школы» как обобщенного собирательного образа абстрактной формализованной экономической науки, неспособной решать проблемы Китая и принципиально нежелающей заниматься этим. Ван Янань осуждал исследователей республиканской эпохи за антиисторический априорный подход и трактовку экономической науки как не связанного с реальностью чистого знания.

Подтверждение пропаганды западными экономистами собственного учения как универсальной всеобщности китайский ученый нашел в книге Дж.Н. Кейнса «Предмет и метод политической экономии» (*The Scope and Method of Political Economy*, 1890). Ван Янань был хорошо знаком с этой работой, поскольку в 1933 г. перевел ее на китайский язык. В примечании к главе 9 были процитированы слова Джевонса, что «первые принципы политической экономии обладают столь широкой истинностью и применимостью, что их можно рас-

смаатривать как всеобщую истину в отношении человеческой природы», и что «научная теория состоит из всеобщих законов, которые столь просты по своей сущности и столь глубоко укоренены в организации человека и внешнего мира, что остаются неизменными на протяжении всех веков, которые доступны нашей мысли» (Кейнс, 1899. С. 111; Jevons, 1905. P. 198).

Ван Янаню важно было подчеркнуть, что в сфере экономической науки «всеобщие» и «неизменные» истины, которые могут быть применены к любой эпохе, лишены специфики и практической привязки к конкретному месту и времени наподобие формулы «дважды два» (Ван Янань, 2011. С. 386–387). Ссылка на Джевонса позволила указать на источник трактовки экономической науки как «превосходящего реальность» знания, чтобы подвергнуть эту позицию осуждению и критике.

На фоне распространения знаний о вкладе Джевонса в развитие математического течения экономической науки и марксистской критики его представлений о всеобщем характере экономической теории ученые демонстрировали интерес к идее воздействия природных циклов на хозяйственную деятельность человека. В конце 1930-х гг. исследователь Китайской академии наук (Академия Синика) У Баосань, впоследствии получивший образование в США и ставший известным специалистом по проблемам национального дохода и истории китайской экономической мысли, написал статью «Сельское хозяйство и экономические колебания». Весной 1941 г. она вышла в журнале «Шэхуэй кэсюэ» («Общественные науки»), который издавал Университет Цинхуа в эвакуации в Куньмине.

Одним из источников вдохновения У Баосаня стала разработанная отцом и сыном Джевонсами концепция воздействия цикла солнечной активности на экономические кризисы. У. Стенли Джевонс и Х. Стенли Джевонс полагали, что солнечные циклы воздействуют на объем производства сельскохозяйственной продукции и, тем самым, на положение в экономике в целом. Эта гипотеза получила назва-

ние «теории солнечных пятен». В статье «Солнечные циклы и цена на зерно» (The Solar Period and the Price of Corn, 1875) Дживонс-старший исследовал совпадение между длительностью экономических циклов и средней продолжительностью цикла солнечных пятен.

Китайский исследователь назвал эту концепцию «теорией урожая». С этой точки зрения в урожайные годы цены на сельскохозяйственную продукцию демонстрируют тенденцию к понижению, поэтому потребители и производители пользуются выгодой от низких цен, а перекупщики и транспортировщики — выгодой от увеличения количества продукции, в сумме эти факторы приводят к экономическому процветанию. У Баосань полагал, что «теория урожая» не может полностью объяснить колебания в индустриальных странах. Не годится она и для аграрных стран, в которых промышленность совсем не развита. По мнению У Баосаня, сам по себе богатый урожай не определяет уровня цен, который зависит от эластичности спроса на данный вид сельскохозяйственной продукции (У Баосань, 2003. С. 1–2).

Идеология и экономическая наука в КНР

После образования КНР в экономической науке произошли глубокие изменения. Марксистская политэкономия обрела нормативный статус, началось широкомасштабное заимствование советских экономических воззрений, включая оценки западной немарксистской экономической мысли.

Весной 1957 г. в период кампании «Сто цветов», когда были разрешены критические выступления по вопросам развития китайского общества, свое мнение в письме о проблемах в сфере экономической науки сформулировала группа влиятельных экономистов с дореволюционным научным прошлым и западным экономическим образованием, среди которых был У Баосань. В частности, они поставили вопрос о возможности использования при социализме «отдельных полезных концепций и методов анализа» западной экономической науки. Ученые предлагали применять «теорию мультиплика-

тора» Кейнса для анализа эффективности китайских инвестиций и задавались вопросом: «Есть ли в часто используемых вульгарной экономической наукой “концепциях предельных величин” польза как в аналитических инструментах?» (Чэнь Чжэньхань и др., 1957. С. 127).

Содержание письма указывало не только на недовольство ученых воцарившимся в экономической науке догматизмом, но и на сохранение среди них позитивного интереса к западным теориям. Летом 1957 г. в ходе кампании «борьбы против правых элементов» прошла критика письма недовольных экономистов.

Одним из сюжетов стало провозглашение неприемлемости использования маржиналистских концепций для анализа социалистической экономики. Критики предупредили, что замена средних величин на предельные может привести к отрицанию марксистской политэкономии и реставрации буржуазной науки. «Если заработная плата равна предельному продукту труда, тогда полностью отрицается самая основная теория марксистской политэкономии о том, что при капиталистическом строе рабочие подвергаются эксплуатации» (Фаньдуй..., 1958. С. 420).

Упоминание в письме экономистов «концепции предельных величин» было воспринято как отсылка к разработанной Джевонсом и австрийской школой теории предельной полезности. Предложение рассматривать предельный подход как нейтральный «метод анализа» или «технику» оппоненты сочли неприемлемым (там же. С. 426–427). Критики заявили, что он не только противостоит марксистской трудовой теории ценности, но и пытается с помощью концепции «редкости» скрыть упадок капитализма и явление эксплуатации. Это способствовало укоренению в китайском экономическом сообществе представления о том, что маржинализм является врагом марксизма, отголоски которого можно встретить и в наши дни.

Примечательным явлением в процессе развития марксистских исследований истории зарубежной экономической

науки стала публикация двух научных статей известного экономиста и общественного деятеля Тао Даюна. Он окончил экономический факультет Центрального университета (Нанкин) в 1940 г., в 1946–1948 гг. занимался исследовательской работой в Великобритании в университетах Манчестера и Лондона.

Обладавший хорошей научной подготовкой, исследователь напечатал в «Вестнике Пекинского педагогического университета» статьи о методологии и теории ценности западной экономической науки конца XIX – начала XX в. Несмотря на заявленную в заголовках статей мировоззренческую позицию автора, акцентировавшего «банкротство вульгарной экономической науки», статьи Тао Даюна отличаются серьезностью разработки проблемы. Статьи увидели свет в 1962–1963 гг., когда после неудачи политики «большого скачка» в КНР возросло внимание к экономическому знанию.

Тао Даюн подробно, с опорой на источники и их цитированием с указанием страниц, рассказал о критике марксизма Ф. Визером, О. Бём-Баверком, А. Маршаллом, Дж.Б. Кларком, Дж.М. Кларком и Т. Вебленом. Китайский исследователь заявил, что австрийская школа «сыграла постыдную роль в священном союзе» против марксовской трудовой теории ценности, а ее теория предельной полезности стала «оружием реакционных крестоносцев» (Тао Даюн, 1963. С. 28). При изложении западного понимания маржиналистской революции он сослался на «Историю экономического анализа» Й. Шумпетера, «Историю экономической мысли» О. Тэйлора и «Школы и течения экономической мысли» Э. Уиттэкера. Резкие оценочные суждения в те годы не были редкостью, однако использование современной западной научной литературы было необычным явлением, и в этом отношении Тао Даюн опередил свое время.

Китайский исследователь стремился доказать, что У. Джевонс, Л. Вальрас и К. Менгер недостойны именоваться «революционерами» в экономической науке. Для этого Тао Даюн отсылал к работе Дж. Стиглера «Теории производства и распределения» (Production and Distribution Theories,

1941), а также обращался к опубликованным уже после образования КНР книгам Р.С. Хауи «Подъем школы предельной полезности» (The Rise of the Marginal Utility School, 1960), О. Тэйлора «История экономической мысли» (A History of Economic Thought, 1960), Р. Мика «Исследование трудовой теории ценности» (Studies in the Labour Theory of Value, 1956). С точки зрения Тао Даюна, в воззрениях маржиналистов не было ничего творческого и оригинального. В частности, учение Джевонса о расчете наслаждений и страданий подверглось несомненному влиянию И. Бентама. В подтверждение китайский ученый указал, что в предисловии ко второму изданию «Теории политической экономии» Джевонс сам признался в том, что использовал идеи Бентама как отправную точку своей теории.

Принцип полезности Джевонс выдвинул самостоятельно, однако здесь можно проследить влияние работы Р. Дженнингса «Естественные элементы политической экономии» (Natural Elements of Political Economy, 1855). Джевонс признал, что в этой книге было сказано о сути закона полезности. По мнению Тао Даюна, Дженнингс подчеркивал важность использования в экономической науке математических методов и критиковал трудовую теорию ценности, что не могло не оказать влияния на Джевонса. Китайский исследователь отметил, что буржуазные ученые уделяют Дженнингсу мало внимания, а именно он первым дал разъяснение «предельной полезности» и подтвердил это в книге «Общественные заблуждения, касающиеся богатства и потребностей» (Social Delusions Concerning Wealth and Want, 1856), где также назвал трудовую теорию «коренной ошибкой» (там же. С. 30).

Тао Даюн также упомянул о влиянии Госсена на Джевонса и о восхвалении немецкого ученого в «Теории политической экономии» (там же. С. 32). Ради доказательства того, что у Джевонса и других маржиналистов были научные предшественники, китайский исследователь написал заслуживающую внимания статью, которая совмещала резкость идеологической оценки с использованием большого коли-

чества первоисточников и исследовательской литературы на английском языке. Помещение маржинализма в контекст истории развития западной экономической мысли косвенно способствовало формированию более взвешенного и объективного понимания этой экономической школы.

С началом реформ ученые обрели возможность расширить круг обсуждаемых проблем в области экономической науки, хотя мировоззренческая инерция предшествующих десятилетий сохранила заметное влияние на оценки немарксистской экономической мысли. В 1979 г. вышла новаторская статья Ли Цзиннэна об истории проникновения в Китай западной экономической науки в конце династии Цин, рассказавшая о миссионерских переводах западных экономических учебников.

Исследователь заметил, что учебник Джевонса был по тем временам относительно «новым» и «еще более вульгарным» (Лу Цзиннэн, 1979. С. 69) по сравнению с уже переведенной работой Фосетта. Причина в том, что Джевонс «еще больше отбросил традицию английской классической политэкономии, всеми силами пропагандировал субъективную полезность и прочие психологические факторы, играл с математическими формулами, стал одним из создателей теории предельной полезности» (там же). Проекция общей характеристики творчества Джевонса на содержание «Политики обогащения государства и вскармливания народа» создавала ошибочное впечатление, что в этой работе в изобилии присутствовали «математические формулы» (там же), которых на самом деле в учебнике не было. Китайский автор также указал, что Джевонс использовал теорию пятен на солнце для объяснения «циклов подъема и спада торговли» (там же).

Попытка преподнести в Китае перевод столь «вульгарного» и «грубого» произведения западной буржуазной экономической мысли в качестве хорошего рецепта политики «обогащения государства и вскармливания народа» представлялась исследователю наглядным подтверждением «нищеты западной и китайской буржуазии того времени в сфере эко-

номических учений» (там же). Китайский исследователь отметил, что в то время «Капитал» Маркса уже получил широкое распространение среди европейских и американских рабочих масс, буржуазная экономическая наука уже начала атаку на марксизм. Это обстоятельство еще больше увеличило сожаление автора по поводу того, что ознакомление Китая с западной экономической наукой в конце XIX в. началось с учебника Джевонса.

В начальный период реформ китайские исследователи заметно расширили понимание западной экономической науки. Представляет интерес опубликованная в 1986 г. статья о социальных и исторических причинах «маржиналистской революции» (Фань Ган, 1986). Ее автором был молодой аспирант Фань Ган, ставший впоследствии одним из видных теоретиков рыночных преобразований и пользующийся ныне высоким авторитетом в сообществе профессиональных экономистов.

Начинающий ученый признал, что маржинализм проповедует субъективизм, представляет интересы буржуазии и противостоит социалистическим течениям. Позитивным признаком новой эпохи стала попытка самостоятельно разобраться в причинах появления маржинализма и сопоставить разные объяснения истоков маржиналистской революции. Фань Ган указал, что многие буржуазные ученые считают теорию предельной полезности нейтральной. С их точки зрения, у ее возникновения нет социальных причин, и она не служит какому-либо классу. Лишь отдельные ученые (например, Дж. Робинсон) связывают ее появление с экономическим развитием и классовой борьбой.

Тем временем марксисты неизменно обращают внимание на социально-экономические причины появления маржинализма. Они видят в этой теории продукт классовой борьбы и инструмент апологетики капиталистического строя. Фань Ган выявил две наиболее представительные точки зрения. Согласно первой, утверждается, что теория предельной полезности является экономической наукой класса рантье

(эту идею выдвинул Н.И. Бухарин), а второй — что это экономическая наука класса монополистической буржуазии (эту позицию подробно изложил И.Г. Блюмин).

Фань Ган ознакомился со взглядами Бухарина по английскому изданию «Политической экономии рантье», с подходами Блюмина — по китайскому переводу «Субъективной школы в буржуазной политической экономии». Возможность критики советских научных подходов позволяла проводить сопоставления и выявлять слабые стороны марксистских трактовок классовой сущности теории предельной полезности.

Постепенно маржинализм утрачивал в глазах экономического сообщества КНР образ главного противника марксизма в стане буржуазной политической экономии. Тема субъективизма предельной полезности ушла на задний план, и в центре внимания оказалась актуальная проблема математизации экономического знания. Ознакомление с западными публикациями, приуроченными к столетию маржиналистской революции, произошло в Китае с опозданием. Большой интерес вызвала статья Р.Д. Блэка, указавшая на роль Джевонса как открывателя пути к использованию математики в экономических исследованиях и представившая аргументы в пользу математической экономики (*Black, 1972*). Китайский автор У Хань признал, что среди трех революций в истории экономической мысли — смитианской, кейнсианской и маржиналистской — последняя изучена меньше всех (*У Хань, 1988*).

В обобщающей работе Чэнь Яньхэ «Китайские экономисты и западная экономическая наука» есть отдельная глава про восприятие в КНР идей Джевонса. В ней сказано, что британского экономиста — вместе с Менгером и Вальрасом — называют основателем теории предельной полезности. Поскольку Джевонс и Вальрас выступали за использование математики в экономике, их обычно считают основоположниками школы математической экономики. «Теория политической экономии» охарактеризована как работа, которая утвердила статус Джевонса в качестве основателя школы предельной полезности и математической школы.

Чэнь Яньхэ выделил четыре направления исследований Джевонса китайскими учеными: «движущие причины и фон возникновения маржинализма»; «методология математической экономики»; «теоретические идеи математической экономики»; «общие оценки». Лишь первое направление дает пространство для идеологических трактовок. В исследовании указано, что по этому вопросу в китайских экономических кругах существуют две точки зрения.

Сторонники первой (Хэ Ляньчэн и Вэй Цзе) утверждают, что появление идей маржинализма Джевонса было направлено против Маркса. По их мнению, Джевонс, Менгер и их единомышленники стали реформировать политическую экономию ради того, чтобы нанести удар по марксистской трудовой теории ценности и отбросить старую вульгарную теорию ценности, представленную Дж.С. Миллем. Эти экономисты создали теорию ценности, которая исходит из субъективной психологии, основана на полезности и использует математический анализ в качестве инструмента. В качестве подтверждения неприятия ими марксистской теории приведена цитата Джевонса: «Часто оказывается, что труд действительно определяет ценность, но лишь косвенным путем, меня степень полезности блага через прирост или ограничение предложения» (Джевонс, 2021. С. 81).

Представители второй (Чэнь Дайсунь, Янь Чжицзе) заявляют, что появление маржинализма нельзя рассматривать как реакцию на марксизм. Он отмечал, что хотя в процессе развития теория предельной полезности стала школой, противостоящей марксизму, изначально она не была направлена против него. Он указал на несовпадение времени появления двух теорий. Первый том «Капитала» Маркса был издан в 1867 г., его перевод на французский язык появился только в 1875 г., а на английский — в 1887 г. «Теория политической экономии» Джевонса увидела свет в 1871 г., а некоторые ее положения он изложил еще в 1862 г. в докладе на XXXII собрании секции Британской ассоциации (Чэнь Яньхэ, 2015. С. 3–5).

На фоне систематической работы китайских властей по укреплению позиций марксизма в общественных науках оценки западной экономической теории вообще и маржинализма в частности сохраняют идеологическую окраску. В качестве примера можно указать на опубликованную в прошлом десятилетии фундаментальную «Историю экономической мысли в новой редакции». Составители работы относят Джевонса к математической школе и критикуют его за то, что в книге «Государство в отношении к труду» британский экономист назвал все конфликты между трудом и капиталом «иллюзией», а в «Теории политической экономии» заявил о том, что экономическое знание «это не только наука об обмене или ценности, это также наука о капитале» (Гу Хайлян, Янь Пэнфэй, 2013–2014. С. 430). По мнению современных китайских исследователей, подобные суждения полностью подтверждают правоту слов Ф. Энгельса о «гнилой вульгарной политической экономии» Джевонса (Энгельс, 1965. С. 299). Тема противостояния марксизма и маржинализма не исчезла и не исчезнет в обозримом будущем из китайской экономической науки.

Новым явлением, обусловленным появлением в развитии Китая серьезных проблем в сфере экологии и энергетических ресурсов, стало заметное повышение внимания к «парадоксу Джевонса», который оставался вне поля зрения на протяжении XX в. (Цао Цзин, Лян Хуэйфан, 2013; Ван Инцзе, Ляо Маолин, 2017; Ван Цичао, 2019; Лу Биньдянь, 2020). Урбанизация и индустриализация ведут Китай по пути наращивания потребления энергоресурсов. На этом фоне обрел актуальность поставленный Джевонсом вопрос о связи повышения эффективности использования энергоресурсов с объемом их потребления. В книге «Угольный вопрос» (The Coal Question, 1865) на примере угля Джевонс продемонстрировал, что основанные на технологических усовершенствованиях рост эффективности и удешевление использования ископаемого топлива парадоксальным образом ведут к увеличению, а не к снижению его потребления.

Рост внимания современных китайских исследователей к национальной традиции способствует поддержанию интереса к сопоставлению древнекитайской идеи цикличности с гипотезой Джевонса о воздействии пятен на солнце на экономические кризисы. Впервые такое сравнение провел Лян Цичао в конце XIX в. С тех пор тема обоснования китайского интеллектуального приоритета в разработке идеи цикличности не утратила актуальности. Исследователи напомнили, что впервые на Западе циклическую теорию «пятен на солнце» выдвинул Джевонс, когда как в Китае на две тысячи лет раньше ее предложил советник древнего царства Юэ (Чэн Линь и др., 2016. С. 24). Речь идет о том же самом фрагменте из «Исторических записок» Сыма Цяня, который анализировал Лян Цичао.

Данный подход разительно меняет контекст восприятия идей Джевонса. Британский экономист остается «противником марксизма», но в то же время превращается в повторного открывателя идей древнекитайских политических советников, что неизбежно вызывает у китайского читателя позитивный интерес к его интеллектуальным поискам.

История распространения экономических идей Джевонса в Китае охватывает все этапы развития китайской экономической науки начиная от ранних миссионерских переводов западных учебников политэкономии в последней четверти XIX в. Уникальность роли Джевонса в интеллектуальной истории Китая обусловлена тем, что его учебник был издан на китайском языке раньше переводов классиков западной экономической науки. Появление новых акцентов и научных интересов было связано с изменениями социально-политических приоритетов развития Китая. На рубеже XIX и XX вв. практические соображения обусловили интерес реформаторов к учению Джевонса о роли государства в экономике и его исследованиям денег и финансов. В тот же период возникла дожившая до наших дней проблема сопоставления его теории

«солнечных пятен» с древнекитайским пониманием воздействия природных циклов на экономическую активность людей.

Во второй четверти XX в. обучавшиеся на Западе китайские экономисты приобщились к современным экономическим знаниям, которые они излагали в своих публикациях на китайском языке. Благодаря их усилиям сформировалось понимание места Джевонса в истории западной экономической мысли, его вклада в становление маржинализма и математической экономики. Уже в 1930-е гг. китайские марксисты развернули критику учения о предельной полезности, указывая на его непригодность для решения проблем развития Китая.

После образования КНР широкомасштабная критика буржуазной экономической науки привела к закреплению за маржинализмом статуса главного идейно-теоретического противника марксизма. В годы реформ ослабление накала полемики позволило сформировать более взвешенное и объективное понимание роли маржиналистской революции в истории мировой экономической мысли. Вместе тем современная китайская экономическая наука сохраняет связь с марксистской методологией, что способствует воспроизводству критических оценок западных немарксистских теорий, включая маржинализм. Новой проблемой, которая отсутствовала прежде в поле зрения китайских исследователей, стало осмысление «угольного вопроса» Джевонса в контексте экологических ограничителей современного развития Китая.

Анализ истории распространения и восприятия идей Джевонса в Китае, охватывающей более 130 лет (от неудачных реформ конца династии Цин до успешных преобразований в КНР), позволяет реконструировать основные вехи в изучении китайскими экономистами западной экономической науки. За эти годы Китай познакомился с учениями многих западных теоретиков, однако опыт освоения идей Джевонса стал особенно длительным и многогранным. Комплексное осмысление этого феномена обогащает наше понимание механизмов интеллектуального взаимодействия между Китаем и Западом.

ЛИТЕРАТУРА

- Джевонс У.С. (2021). Теория политической экономии; с приложением «Учебника политической экономии». М.; Челябинск: Социум.
- Кейнс Д.Н. (1899). Предмет и метод политической экономии. М.: И.А. Баладин.
- Макашева Н.А. (2019). Романтик-реакционер против мрачной науки / Истоки: экономика – «мрачная наука»? М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. С. 13–24.
- Сыма Цянь (2010). Исторические записки: Ши цзи: [В 9 т.]: Т. 9 / пер. с кит. и коммент. под ред. А.Р. Вяткина; вступ. ст. А.Р. Вяткина. М.: Восточная литература.
- Энгельс Ф. (1965). Письма Ф. Энгельса к разным лицам (январь 1888–декабрь 1890). Фридриху Адольфу Зорге в Хобокен / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Изд-во политической литературы. Т. 37. С. 296–300.
- Black R.D.C. (1972). W.S. Jevons and the Foundation of Modern Economics // History of Political Economy. Vol. 4. No. 2. Pp. 364–378.
- Jevons W.S. (1905) [1876]. The Future of Political Economy // Fortnightly Review. Vol. 20. Pp. 617–631. Reprinted in Jevons W. (1905). The Principles of Economics: A Fragment of a Treatise on the Industrial Mechanism of Society and other Papers, ed. H. Higgs. London: Macmillan. Pp. 187–209.
- Ван Инцзе, Ляо Маолин (2017). Цзюй Цзевэньсы болунь дэ вою цзевэнэн цзяньпай вэньти фэньси (Анализ энергосбережения и сокращения выбросов в Китае на основе парадокса Джевонса) // Шэнтай цзинцзисюэ. №10. С. 53–57 (на кит. яз.).
- Ван Цичао (2019). Чжунго нэньюань сяофэй сяньжу «Цзевэньсы болунь» лэма? – Цзюй хуэйтань сяоин дэ цзиньянь фэньси (Связано ли потребление энергии в Китае с «парадоксом Джевонса»? – эмпирический анализ, основанный на эффекте отскока) // Наньцзин цайцзин дасюэ сюэбао. №2. С. 1–11 (на кит. яз.).
- Ван Янань (2011). Фулунь и. (Приложение 1). Чжэнчжи цзинцзисюэ цзай Чжунго (Политическая экономия в Китае) / Ван Янань. Чжунго цзинцзи юаньлунь (Основы экономики Китая). Пекин: Чжунго да байкэ цюаньшу чубаньшэ. С. 376–412 (на кит. яз.).
- Гу Хайлянь, Янь Пэнфэй (ред.) (2013–2014). Синь бянь цзинцзи сысянши (История экономической мысли в новой редакции). В 11 т. Т. 3. Пекин: Цзинцзи кэсюэ чубаньшэ (на кит. яз.).

- Ефансы* [Джевонс] (1981). Минсюэ цяньшо (Поверхностный рассказ об учении об именах) / Пер. Янь Фу. Пекин: Шанъу иньшугуань (на кит. яз.).
- Е Шичан* (2003). Чжунго хоби лилунь ши (История китайской теории денег). Сямэнь: Сямэнь дасюэ чубаньшэ (на кит. яз.).
- Лао Ханьшэнь* (2000). Шули цзинцзисюэ цзай Чжунго дэ чуаньбо юй фачжань (Распространение и развитие в Китае математической экономики) // Цзинцзи ши. №1. С. 12–13 (на кит. яз.).
- Ли Цзиннэн* (1979). Лунь Цин мо сифан цзычань цзеци цзинцзисюэ дэ чуаньжу Чжунго (О проникновении в Китай западной буржуазной экономической науки в конце династии Цин) // Цзинцзи яньцзю. №2. С. 69–75 (на кит. яз.).
- Лу Биньдянь* (2020). «Цзевэньсы болунь» дэ шидай хуэйсян цзи цииши (Отголоски времени и пища для размышлений, вызванная «парадоксом Джевонса») // Чуансинь. №4. С. 82–87 (на кит. яз.).
- Лян Цичао* (1999) [1897]. «Шицзи. Хочжи лечжуань» цзинь и (Новый смысл «Повествования о приумножении богатства Исторических записок») / Лян Цичао цюаньцзи (Полн. собр. соч. Лян Цичао). Т. 1. Пекин: Бэйцзин чубаньшэ. С. 116–121 (на кит. яз.).
- Сыданьли Чжэфэнсы* [Стенли Джевонс] (1900). Гунье юй гочжэн сянгунань лунь (Теория политики государства в отношении к промышленности). Пер. Э. Уильямс, Ван Жужань. Шанхай: Цзяннань чжицзаоцзюй (на кит. яз.).
- Сытаньле Ефансы* [Стенли Джевонс] (1936). Цзинцзисюэ лилунь (Теория экономической науки). Пер. Го Дали. Шанхай: Чжунхуа шуцзюй (на кит. яз.).
- Сытаньли Цзевэньсы* [Стенли Джевонс] (1997). Чжэнчжи цзинцзисюэ лилунь (Теория политической экономии). Пер. Го Дали. Пекин: Шанъу иньшугуань (на кит. яз.).
- Тан Цинцзэн* (1926). Цзинцзисюэ чжун чжи суаньшу сюэпай (Математическая школа в экономической науке) // Кэсюэ. №3. С. 393–406 (на кит. яз.).
- Тан Цинцзэн* (1930). Сиян у да цзинцзисюэцзя (Пять крупных экономистов Запада). Шанхай: Лимин шуцзюй (на кит. яз.).
- Тан Цинцзэн* (1932). Сань цян нянь лай сиян цзинцзи сысян чжи цзун гуаньча (Общий обзор западной экономической мысли за 3000 лет) // Цзинцзисюэ цзикань. Т. 3. №3. С. 1–23 (на кит. яз.).
- Тан Цинцзэн* (1933). Цзинцзисюэ чжи цзибэнь гайнянь (Основные концепции экономической науки) // Цзинцзисюэ цзикань. Т. 4. №1. С. 197–207 (на кит. яз.).

- Тао Даюн (1963). Шицзю шицзи мо эрши шицзи чу юнсу цзинцзисюэ цзай цзячжи шан дэ почань (Банкротство вульгарной экономической науки конца XIX – начала XX в. в области теории ценности) // Бэйцзин шифань дасюэ сюэбао (шэхуэй кэсюэ бань). №4. С. 27–54 (на кит. яз.).
- У Баосань (2003) [1940]. Нунье юй цзинцзи бодун (Сельское хозяйство и экономические колебания) / У Баосань цзи (Сочинения У Баосаня). Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ. С. 1–11 (на кит. яз.).
- У Хань (1998). Чунсинь жэньши Цзевэньсы дуй цзинцзи кэсюэ дэ гунсянь (Вновь понять вклад Джевонса в экономическую науку) // Хуанань шифань дасюэ сюэбао (шэхуэй кэсюэ бань). №2. С. 26–28, 43 (на кит. яз.).
- Фань Ган (1986). Лунь «бяньцзи гэмин» дэ шэхуэй лиши юаньинь (О социальных и исторических причинах «маргиналистской революции») // Чжунго шэхуэй кэсюэюань яньцзююань сюэбао. №3. С. 25–32 (на кит. яз.).
- Фаньдуй цзычань цзецзи шэхуй кэсюэ фуби. Ди эр цзи (Выступать против реставрации буржуазных общественных наук. Вып. 2) (1958). Пекин: Кэсюэ чубаньшэ (на кит. яз.).
- Ху Цзичуан (1984). Чжунго цзиньдай цзинцзи сысянши даган (Очерк истории китайской экономической мысли Нового времени). Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ (на кит. яз.).
- Цао Цзин, Лян Хуэйфан (2013). Тигао нэньюань сяолоу хуэй фоу цзяньшао нэньюань сяофэй – цзи юй нэньюань сяофэй чжун дэ фаньтань сяоин (Может ли повышение энергоэффективности снизить потребление энергии – анализ на основе эффекта отдачи в потреблении энергии) // Таньсо юй чжэнмин. №12. С. 64–49 (на кит. яз.).
- Цзоу Цзиньвэнь (2016). Цзиньдай Чжунго цзинцзисюэ дэ фачжань: и люсюэшэн боши луньвэнь вэй чжунсинь дэ каоча (Развитие современной китайской экономической науки: исследование докторских диссертаций китайских студентов, обучавшихся за границей). Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ (на кит. яз.).
- Чжэфэньсы [Джевонс] (1902). Фуго янминь цэ (Политика обогащения государства и вскармливания народа) / Пер. Дж. Эдкинс. Шанхай: Хунбао шуцзюй (на кит. яз.).
- Чэн Линь, Чэнь Сюйдун, Чжан Шэнь (2016). Чжунго чуаньтун цзинцзи сысян дэ лиши дивэй (Историческое место традиционной китайской экономической мысли) // Чжунго цзинцзиши яньцзю. №2. С. 16–31 (на кит. яз.).
- Чэнь Чжэньхань, Сюй Юйнань, Ло Чжижу, Гу Чуньфань, У Баосань, Нин Цзяфэн (1957). Вомэнь дуйюй данцянь цзинцзи кэсюэ гунцзо дэ исе

ицзянь (Наши некоторые мнения относительно современной работы в экономической науке)//Цзинцзи яньцзю.№5.С.123–133(на кит.яз).

Чэнь Яньхэ (2015). Чжунго цзинцзисюэцзя юй сифан цзинцзисюэ (Китайские экономисты и западная экономическая наука). Пекин: Синьхуа чубаньшэ (на кит. яз).

Янь Фу (1981) [1902]. И ши ли янь (Предисловие переводчика) / Юань фу. Шан цэ. [Ин] Ядан Сыми чжу (Источники богатства. Ч. 1. [Англ.] Адам Смит). Пер. Янь Фу. Пекин: Шанъу иньшугуань. С. 7–14 (на кит. яз).

О.В. Нифаева

БГТУ, г. Брянск

КОМПОЗИТИВНЫЙ МЕТОД К. МЕНГЕРА: ПОНЯТИЕ, ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ, СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Введение

В 1871 г. был опубликован фундаментальный труд К. Менгера «Основания учения о народном хозяйстве» (в русском переводе — «Основания политической экономии»). Ф. Визер назвал эту работу «архимедовой точкой опоры» для преобразования экономической науки. К. Виксель полагал, что после «Начал политической экономии и налогообложения» Д. Рикардо книга К. Менгера — единственная работа, оказавшая большое влияние на развитие экономической науки. Однако, несмотря на это, Ф. Хайек мог справедливо сетовать на то, что книга, столь сильно революционизировавшая экономическую науку и оказавшая такое «длительное и устойчивое влияние», оставалась недостаточно известной (Менгер, 2005. С. 11, 24, 54).

«Основания политической экономии» сделали автора не только авторитетным ученым и соавтором маржиналистской революции, но и послужили теоретическим фундаментом для формирования австрийской школы экономической теории. Методологической основой работы К. Менгера послужил композитивный метод исследования хозяйственных явлений.

В данной статье сделана попытка рассмотреть сущность и области применения К. Менгером композитивного метода, а также проанализировать его потенциал как методологической основы австрийской (и неоавстрийской) школы экономической теории и как одного из альтернативных вариантов преодоления дихотомии методологического индивидуализма и коллективизма. Композитивный метод К. Менгер также именовал атомистическим. Как указывал Ф. Хайек, этот метод позднее был назван Й. Шумпетером методологическим индивидуализмом (Менгер, 2005. С. 27, 50; Шумпетер, 2001. С. 1172–1173), хотя нельзя не заметить, что современное (узкое) понимание данного принципа несколько отличается от того, что К. Менгер подразумевал под композитивным методом.

Методологическая позиция К. Менгера

К. Менгер исходил из того, что основной хозяйствующей единицей в конечном счете является индивид и индивидуальное хозяйство, поэтому он настаивал на том, что понимание экономики (народного хозяйства) как целого возможно лишь на основе анализа его структурных элементов. Тем самым К. Менгер предлагал свести сложные хозяйственные явления к их «простейшим элементам», которые доступны «точному наблюдению», как это происходит в естественных науках (Менгер, 2005. С. 62, 202, 207). Основатель австрийской школы полагал, что в общественных и естественных науках возможно точное исследование и применение общих методов. В частности, К. Менгер писал: «...мы старались свести сложные явления человеческого хозяйства к их простейшим элементам, еще доступным точному наблюдению, ... и... показать, как сложные хозяйственные явления закономерно развиваются из своих элементов» (там же. С. 62). Начиная исследование с более простых форм явлений, по мнению К. Менгера, можно впоследствии перейти к более сложным, выяснив тем самым индивидуальные факторы возникновения социальных феноменов и законы, по которым из простейших элементов складываются сложные явления человеческого

хозяйства (там же. С. 202, 207, 327, 418). В том, чтобы выяснить, как возникают сложные явления в результате «взаимодействия факторов их возникновения», и заключается смысла теоретической науки (там же. С. 356).

К. Менгер считал несправедливым, что подход, согласно которому мы можем показать, как сложные явления развиваются из простых элементов, был признан целесообразным только для естественных наук, хотя он может быть использован и в других науках. Для этого и необходимо отталкиваться от тех элементов экономической реальности, которые мы можем наблюдать, которые нам лучше знакомы. Ведь именно благодаря познанию этих простейших элементов можно изучать всевозможные комбинации более сложных хозяйственных явлений. Однако К. Менгер вполне осознавал, что экономическая наука никогда не сможет похвастаться абсолютной точностью своих выводов (хотя к ее повышению нужно стремиться) и что изучение комбинаций простых элементов и предсказание их поведения имеют свои пределы. Даже применение строгих математических методов не гарантирует точный результат прогноза. Хорошо известно, что в работах К. Менгера, в том числе в «Основаниях», мы можем встретить не так много вычислений и цифровых примеров, служащих скорее иллюстрациями к умозаключениям австрийского ученого. В частности, при рассмотрении вопросов полезности используемые К. Менгером числа отражают относительные значения потребностей, порядковые, а не количественные величины (там же. С. 21, 137). Показательно, как подчеркивал Ф. Хайек, что «ни в одной из своих методологических работ» К. Менгер «не обращается к математическому методу» (там же. С. 16).

Следует также отметить, что способ аргументации К. Менгера, не связанный с математикой, способствовал тому, что его работа стала более доступной для широкого круга исследователей, владеющих математическим инструментарием и отдающих себе отчет в его ограничениях. Без опоры на математические методы К. Менгер смог избежать по меньшей мере двух присущих им подводных камней:

когда они начинают определять предпосылки теоретической модели, подстраивать ее под себя, ограничивая поле исследования жесткими рамками доступной количественной информации; когда имеет место чрезмерное упрощение поведения хозяйствующих субъектов или разработка удобной для формализации психологии их поведения, больше напоминающей условие математической задачи, стилизованной под экономику, чем описание приближенного к реальности поведения экономического субъекта. Отсутствие строгой математической аргументации у К. Менгера делает его предпосылки о поведении человека более гибкими и разнообразными и поэтому более перспективными для дальнейшего исследования и понимания экономического поведения. Крайне малое использование математики в главной работе К. Менгера не помешало австрийскому ученому в вербальной форме изложить общие для творцов маржиналистской революции идеи, что еще раз демонстрирует справедливость тезиса о первостепенности самой теоретической идеи, а не ее последующего упрощенного формализованного представления. Отсутствие масштабных математических выкладок, четкость и даже некоторая дотошность литературной манеры К. Менгера, стремление как можно более законченно описать свои идеи, сделав многочисленные отступления, уточнения и выводы, и в целом стиль и глубина подачи материала К. Менгером приводили к тому, что его фигура всегда стояла и до сих пор стоит особняком среди других маржиналистов. Тем притягательнее она для исследователя. Более того, как писал Б. Селигмен, приход К. Менгера к тем же идеям, что и у маржиналистов — инженеров и математиков, и выражение их без использования математических методов лишь подчеркивают его одаренность (Селигмен, 1968. С. 159).

Сущность композитивного метода

Реализуя композитивный метод применительно к исследованию хозяйственной деятельности, К. Менгер сформулировал, казалось бы, тривиальный тезис (который, тем не

менее, не является широко применимым в микроэкономике), что «человек со своими потребностями и своей властью над средствами удовлетворения последних составляет исходный и конечный пункт всякого человеческого хозяйства» и соответственно исходный элемент экономического анализа (Менгер, 2005. С. 118). Это, на первый взгляд, очевидное обстоятельство чаще всего упускают, анализируя то, что более доступно наблюдению (цены, объемы производства, процентные ставки), забывая при этом о том, что за всеми этими показателями стоят люди. Отсюда, по К. Менгеру, вытекает тезис, что ценность — это сугубо субъективное понятие, не существующее в объективной реальности и не имеющее «реального характера». Ценность — это суждение людей о значении благ для удовлетворения их потребностей и поддержания их благосостояния; именно люди приписывают вещам ту или иную степень важности. Поэтому явления ценности невозможно наблюдать так же как явления природы, они всегда в отличие от последних связаны с конкретными индивидами (там же. С. 49, 132, 150). Однако субъективное понятие ценности в экономической теории часто подменяется ценой — явлением, лежащим на поверхности (как видимое следствие экономических изменений) и более доступным для наблюдения и количественного измерения. Соответственно, ученые впадают в заблуждение, когда поверхностные явления вроде цены принимают за истинные причины хозяйственных явлений только потому, что по ним есть доступная информация, в то время как необходимо изучать глубинные причины народнохозяйственных явлений, хотя это и более сложная задача. Разграничение категорий цены и ценности в этом плане крайне важно, так как сегодня мы можем наблюдать, как экономические величины, по которым имеется обширная статистическая информация, преподносятся как истинные причины экономических феноменов, включаются в формализованные экономические модели, в которых человек и его потребности, о которых писал К. Менгер, просто теряются. Опасения К. Менгера были

не напрасны. В современной экономической науке мы часто наблюдаем, как умение оперировать математическими символами и сомнительными, но доступными статистическими данными нередко подменяет собой поиск коренных причин экономических явлений, заключенных в главном экономическом субъекте – человеке.

Термин «компози́тивный» встречается, как писал Ф. Хайек, в рукописных заметках К. Менгера (там же. С. 50), хотя в самих «Основаниях» использовался термин «атомистический», возможно, с оглядкой на авторитет точных естественных наук. Однако атомистический метод К. Менгера – это не совсем то, что сегодня подразумевается в жесткой форме методологического индивидуализма (*Селигмен*, 1968. С. 158), т. е. это отнюдь не сведение общества к множеству однообразных индивидов, живущих в вакууме. В связи с этим термин «компози́тивный метод» представляется более подходящим для отражения теоретических новаций и методологических предписаний К. Менгера. Он не только позволяет уйти от моды на физические аналогии, от атомизма, характерного для классического естествознания, но и отразить сложность народнохозяйственных и социальных явлений в целом, комбинирующихся из различных элементов, и тем самым реализовать намерение К. Менгера перейти от изучения изолированного хозяйствующего субъекта к более сложным отношениям в обществе и затем к еще более сложным отношениям народа и человечества (*Менгер*, 2005. С. 142, 145, 147). По мысли К. Менгера, такой подход может служить аргументом в пользу отказа от фикции народного хозяйства как некоего надиндивидуального образования, так как сами по себе в отрыве от конкретных людей явления народного хозяйства не существуют. Он полагал, что это возможно, если рассматривать явления народного хозяйства как результирующую многочисленных стремлений индивидуальных хозяйств, а народное имущество – как соединение индивидуальных имуществ (там же. С. 123, 197). К. Менгер писал: «Кто хочет уразуметь теоретические явления «народного хозяйства», те

сложные человеческие феномены, которые мы обыкновенно обозначаем указанным выражением, тот должен возвратиться к их истинным элементам, к сингулярным хозяйствам народа, и стараться исследовать законы, по которым создаются первые из последних» (там же. С. 356). С позиций субъективизма, характерного для австрийской и неоавстрийской школы, К. Менгер, ставя во главу угла человека и его потребности, предлагал рассматривать народнохозяйственные явления как результат целенаправленного поведения «мыслящих, чувствующих и действующих людей», закрепленного в соглашениях членов общества и законодательстве (там же. С. 390–391) (в данном случае наблюдается оперирование К. Менгером идеями, характерными для немецкой исторической школы и позднее – оригинального институционализма). В противном случае, как считал К. Менгер, мы переходим от теоретической науки, от точного исследования к эмпирическому, поскольку сама генетическая природа науки состоит в том, чтобы выявить простейшие факторы возникновения сложных явлений (там же. С. 356, 418). Таким образом, суть композитивного метода К. Менгера заключается в следующем:

- 1) сведение ненаблюдаемых сложных явлений народного хозяйства к их простейшим элементам;
- 2) принятие в качестве основной хозяйствующей единицы индивида с его потребностями или индивидуального хозяйства;
- 3) понимание экономики как целого на основе анализа структуры этого целого как комбинации простейших элементов;
- 4) возможность точного изучения сложных явлений.

Композитивный метод и предпринимательская практика

Последовательный субъективизм и индивидуализм методологии К. Менгера по сравнению с другими теоретиками маржиналистской революции сделали его идеи имеющими наибольшее отношение к реальной предпринимательской

практике. Здесь стоит обратиться к биографии К. Менгера. Ссылаясь на Ф. Визера, Ф. Хайек писал, что, работая журналистом, К. Менгер должен был делать обзоры состояния рынка (там же. С. 18). В ходе этой работы К. Менгер был поражен тем, насколько традиционная теория цен противоречит фактам. До сих пор может вызывать недоумение, насколько вопросы ценообразования в базовом курсе микроэкономики (а ведь это курс, который закладывает основы экономического мышления и мировосприятия будущих профессионалов в сфере экономики) расходятся с практикой. На это обращают особое внимание студенты и слушатели, которые уже имеют опыт предпринимательской и управленческой деятельности. В частности, законы спроса и предложения, справедливые при прочих равных условиях, в реальных хозяйственных ситуациях соблюдаются для весьма ограниченного круга товаров и услуг. Часто на первое место по силе влияния на принятие решений экономическими субъектами выходят неценовые детерминанты спроса и предложения, а прочих равных условий оказывается слишком много, чтобы игнорировать их действие. В практике управления рынком выявлено большое количество факторов и обстоятельств, которые вызывают нарушение закона спроса (*Горностаева, Ницаева, 2009*). Одним из таких наиболее существенных обстоятельств является то, к какой категории относится тот или иной товар. В этом плане большое значение имеет классификация благ, которой придерживались австрийские экономисты. Речь идет о благах экономических и неэкономических, высшего и низшего порядка, взаимозаменяемых и взаимодополняемых. Эту классификацию используют на различных этапах управления активностью фирмы на рынке (исследование микро-, мезо- и макросреды функционирования предприятия, в том числе конкурентных сил, поведения потребителей и контрагентов, стратегическое планирование, разработка отдельных инструментов управления рынком: товарной, ценовой, сбытовой политики и политики продвижения). В частности, при анализе сил рыночной конкуренции (по М. Портеру) обраща-

ются к делению благ на взаимозаменяемые и взаимодополняемые, а при выявлении динамики, степени неопределенности и особенностей поведения экономических субъектов на рынках конечных потребителей и организаций учитываются соотношение и взаимосвязь в производственном процессе благ низшего и высшего порядка. Немаловажно с предпринимательской и рыночной точек зрения и то, что само понятие блага К. Менгер определял через способность вещи удовлетворять наши потребности, в то время как исследование нужд, потребностей и мотивов поведения, ранжирование потребностей (что соответствует ординалистской трактовке полезности) является одним из исходных пунктов планирования предпринимательской деятельности в рыночных условиях.

Благодаря опоре на композитивный метод К. Менгер сделал интересные заключения прикладного характера. Так, австрийский ученый отметил, что продавец сначала может поставлять на рынок небольшое количество товара по более высокой цене, чтобы впоследствии, по мере снижения цены, охватывать другие слои населения с менее платежеспособным спросом (Менгер, 2005. С. 227). Сегодня для описания такой стратегии поведения фирмы на рынке используют термины «снятие сливок» и «стратегия глубокого проникновения на рынок» по мере прохождения товаром различных стадий жизненного цикла. Причем продавец или производитель нового товара становится на какое-то время на определенной территории монополистом; в целом К. Менгер показал, что явление монополии возникло исторически раньше, чем конкуренция, что это более естественное хозяйственное состояние (там же. С. 221).

Композитивный метод К. Менгера и исторический метод

Использование композитивного метода, по мысли К. Менгера, должно было позволить нивелировать ряд затруднений, вызванных нечетким разграничением точного теоретического и эмпирического исследования, смешением теоре-

тического исследования с философией и историей хозяйства, преувеличением значения исторического метода. К. Менгер связывал их с трудами В. Рошера и его последователей по немецкой исторической школе. Указанные затруднения приводят к такому заблуждению, когда народное хозяйство трактуется не как множество индивидуальных хозяйств, а как «одно большое индивидуальное хозяйство» (там же. С. 445, 452). Однако стоит отметить, что самому К. Менгеру не всегда удавалось следовать собственным методологическим предписаниям. Как было указано выше, он, опираясь на атомистический подход, видел возможность перехода от изучения индивидуального поведения к явлениям более сложным, групповым, например, на уровне отрасли, и далее к еще более сложным — народного хозяйства в целом. Однако в самих «Основаниях» прослеживается, как сложные, групповые, социальные образования с легкостью заменяются индивидами и вместо обещанной сложности рассуждения сводятся к индивидуальному поведению (там же. С. 197, 210–228). Собственно говоря, до сих пор в узкой версии принципа методологического индивидуализма имеет место сведение группового поведения к индивидуальному, а в качестве недостатка самого принципа указывается на то, что никакого индивидуального подхода он не предполагает (Hodgson, 2007), напротив, характеристики индивидов остаются однородными, что и позволяет исследовать некое усредненное поведение и открывает широкий простор для использования математических методов. Сам по себе методологический индивидуализм — это и не хорошо, и не плохо. Многое зависит от того, что мы понимаем под индивидом, каким мы его представляем: сверхрациональным, расчетливым автоматом, нацеленным на максимальное удовлетворение материальных потребностей, или наделенным разными мотивами и потребностями и действующим в определенном социальном и институциональном окружении. Поэтому немаловажно то, о какой версии (трактовке) методологического индивидуализма идет речь в каждом конкретном случае (Автономов, 2014).

В этом плане обращают на себя внимание и отдельные примеры из хозяйственной жизни, которые приводил К. Менгер в «Основаниях» и которые в некоторой степени смещают фокус исследования экономической теории в сферу обмена и потребления, сужая ее предметное поле до индивидуального хозяйства Робинзона (*Селигмен*, 1968. С. 165) и уводя ее от проблем развития крупного промышленного производства и решения сложных социальных вопросов, характерных для экономики второй половины XIX в. Хотя нельзя не отметить, как писал Ф. Хайек, что К. Менгер затрагивал в своих работах вопросы производства и поведения товаропроизводителей (*Менгер*, 2005. С. 50), а также обращался к актуальным социально-политическим проблемам своего времени — особенно в своих статьях (*Menger*, 1933–1936). Тем не менее необходимо учитывать, что в своей критике методологических оснований исторической школы К. Менгер иногда заходил слишком далеко, так как в сфере взаимодействия людей целое не всегда равно простой сумме частей, а индивидуальное хозяйство или индивид (как конечные единицы анализа) не является совершенно изолированным, однотипным, не предполагающим разнообразия, в то время как именно последнее должно давать различные комбинации, становящиеся сложными народнохозяйственными явлениями, не говоря уже о том, какое большое значение оказывают всевозможные исторические, культурные, институциональные факторы на поведение индивидуальных хозяйств в разные исторические эпохи.

«Спор о методах»: К. Менгер и Г. Шмоллер

Взаимная критика новой немецкой исторической школы и австрийской школы, которая развернулась в первую очередь между К. Менгером и Г. Шмоллером, получила в истории экономической мысли наименование «спора о методах». Нередко считается, что этот спор носил беспредметный и бесплодный характер, а затраченные учеными с обеих сторон усилия могли бы найти лучшее применение (*Селигмен*, 1968. С. 27,

159; Шумпетер, 2001. С. 1073). Однако подобное определение — «спор о методах» — не совсем справедливо. Дело в том, что это было не просто выяснение отношений и столкновение амбиций тогдашних лидеров немецкой и австрийской экономической науки, но и важное событие в истории экономической мысли, доказывающее, что наука есть социальный институт, что человеческие отношения оказывают влияние и на развитие науки, и являющееся предвестником перехода экономической теории на новый этап развития. То, что спор в конце концов сошел на нет, показывает не его бесплодность, а то, что ряд методологических вопросов все же был прояснен (Шумпетер, 2001. С. 1073) и обе стороны смогли увидеть преимущества и недостатки собственной и противоположной позиции. Возможно, личные амбиции и пристрастия не позволили открыто согласиться друг с другом, хотя отдельные учтивые реверансы противоположной стороне участники спора всегда делали. К сожалению, существует весьма распространенное упрощенное представление о противоположности методологических взглядов лидеров спора в духе крайнего противопоставления дедукции и индукции, индивидуализма и коллективизма, теоретического и эмпирического исследования, чистой теории и коллекционирования фактов (Нуреев, 2014. С. 14). При внимательном изучении работ К. Менгера и Г. Шмоллера возникает стойкое убеждение в том, что значение спора обоих выдающихся мыслителей часто выхолащивается до банального выяснения отношений. Разумеется, личные амбиции и борьба за лидерство в немецкоязычной академической среде сыграли не последнюю роль в этом споре, но гораздо интереснее то, что в методологических взглядах К. Менгера и Г. Шмоллера было едва ли не больше точек соприкосновения, чем расхождений. Так, оба ученых указывали на необходимость и важность использования и индукции, и дедукции, не считая единственно верным ни один из методов исследования, а также на возможность отталкиваться в каждом конкретном теоретическом исследовании от известных нам элементов, доступных наблюдению

(будь то индивиды или их группы), чтобы затем создавать модели сложных явлений, которые уже недоступны непосредственному наблюдению (Менгер, 2005. С. 51). Они оба выделяли в науке теоретическую и эмпирическую области, указывали на относительность и субъективность важнейшей для политической экономии категории ценности и невозможность ее оценки с помощью одних только затрат труда. Взгляды К. Менгера и Г. Шмоллера были близки и в отношении неправомерности триады факторов производства (труд, земля, капитал). Так, К. Менгер в большей степени предпочитал оперировать категориями благ высшего и низшего порядка, а Г. Шмоллер крайне скептически относился к самой возможности объединения в триаду столь разных по своей природе сущностей. Важнейшую роль в экономике оба ученых отводили человеку с его потребностями, мотивами и тому, что сегодня относят к институциональным факторам (соглашениям членов общества, нормам и законам), а цель экономической науки видели в изучении деятельности человека, направленной на удовлетворение его потребностей (Менгер, 2005; Шмоллер, 1897, 1902, 2011; Menger, 1933–1936). Близость к немецкой исторической школе находит отражение и в исследовании К. Менгером различных экономических институтов. Б. Селигмен прямо указывал на влияние немецкой исторической школы на К. Менгера в вопросе об эволюции денег, что позволило австрийскому ученому прийти к выводу, что каждой исторической стадии экономического развития соответствуют те или иные формы денежного обращения (Селигмен, 1968. С. 162, 164). Наконец, у К. Менгера можно найти слова о том, что народнохозяйственные явления он относил к «этическим», хотя и отрицал возможность существования «этического направления» теоретической экономической науки (Менгер, 2005. С. 380, 492, 493) в противоположность историко-этической школе, которую возглавлял Г. Шмоллер и которая придавала большое значение изучению этических факторов экономических феноменов (морали, нравов, обычаев и законов). Более того, в 1903 г., как сообщал

Ф. Хайек, К. Менгер оставил кафедру, чтобы посвятить больше времени изучению вопросов философии, психологии и этнографии (там же. С. 38), т. е. сфер, традиционно ассоциирующихся с междисциплинарными исследованиями немецкой исторической школы. Возможно, в результате этой работы появилось бы еще больше точек соприкосновения немецкой исторической и австрийской школ. По крайней мере, в работах неоавстрийцев (Л. Мизеса и Ф. Хайека) мы видим гораздо больше элементов психологии, этики, антропологии, лингвистики.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что потенциал композитивного метода К. Менгера еще до конца не оценен, хотя он показал свою эффективность в работах учеников и последователей основателя австрийской школы экономической теории. Достаточно вспомнить, какую роль индивид, человек, его потребности, мотивы, ценности играют в работах Л. Мизеса, Й. Шумпетера, Ф. Хайека по теории экономического развития, инноваций, предпринимательства, экономических циклов и кризисов (*Мизес*, 2008; *Хайек*, 1992; *Шумпетер*, 2007). Кроме того, пути для дальнейших разработок обусловлены идеями К. Менгера, связанными с анализом потребностей как исходным пунктом исследования рыночного поведения фирмы, а также изучением потребительских ожиданий и факторов неопределенности рыночной среды. Возможно, современная экономическая теория мейнстрима могла бы иметь совсем иной облик, если бы еще полтора столетия назад она пошла по пути не ужесточения предпосылок человеческого поведения и усложнения математического аппарата, а расширения представлений о поведении человека с учетом достижений других социально-гуманитарных наук, как это имело место в работах неоавстрийцев, представителей новой и новейшей немецкой исторической школы и оригинального институционализма. В настоящее время мы уже наблюдаем ряд изменений в этом направлении, в том

числе в рамках сближения экономической теории, психологии и этики. В свою очередь композитивный метод мог бы сыграть ощутимую роль и в разрешении дихотомии: индивидуализм—коллективизм (в части пересмотра модели человека экономического), и в развитии современных идей так называемой теории сложности.

Если предположить, как писал автор статьи в других своих работах, что экономическая наука развивается кумулятивно-циклически, т. е. и наращивая объем накопленных знаний, и возвращаясь к прошлым идеям на новом этапе экономического развития, то в свете последних изменений в ее методологии — в смысле возвращения к человеку — у композитивного метода есть будущее за счет углубления изучения потребностей, мотивов, ценностей человека (пусть пока и в статусе когнитивных искажений и всевозможных аномалий), расширения модели человека путем включения в нее новых свойств на основе взаимодействия с психологией, социологией, этикой, характеризующего новый этап развития экономической теории.

ЛИТЕРАТУРА

- Автономов В.С. (2014). Еще несколько слов о методологическом индивидуализме // *Общественные науки и современность*. №3. С. 53–56.
- Горностаева А.Н., Нифаева О.В. (2009). *Ценообразование в маркетинге: Практические аспекты*. Брянск: БГТУ.
- Менгер К. (2005). *Избранные работы*. М.: Территория будущего.
- Мизес Л. фон (2008). *Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории*. Челябинск: Социум.
- Нуреев Р.М. (2014). Методологические предпосылки современной экономической теории (economics): тенденции развития // *Научные труды ДонНТУ*. Серия: Экономическая. №1. С. 5–18.
- Селигмен Б. (1968). *Основные течения современной экономической мысли* / Пер. с англ.; общ. ред. и вступ. статья акад. А.М. Румянцева [и др.]. М.: Прогресс.
- Хайек Ф. А. фон. (1992). *Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма*. М.: Новости.

- Шмоллер Г.* (1897). Наука о народном хозяйстве. Ее предмет и метод. М.: Издание М. и С. Сабашниковых.
- Шмоллер Г.* (1902). Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы. Хозяйство, нравы и право. Разделение труда. М.: Издание К.Т. Солдатенкова.
- Шмоллер Г. фон.* (2011). К методологии общественно-политических и социальных наук // *Terra Economicus*. Т. 9. № 3. С. 31–49.
- Шумпетер Й.А.* (2001). История экономического анализа: в 3 т. СПб.: Экономическая школа.
- Шумпетер Й.А.* (2007). Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо.
- Hodgson G.M.* (2007). Meanings of Methodological Individualism // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 14. No. 2. Pp. 211–226.
- Menger C.* (1933–1936). *Collected Works: in 4 vols.* London: The London School of Economics and Political Science (University of London).

А.Я. Рубинштейн

ИЭ РАН, г. Москва

МАРЖИНАЛИСТСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ КОНСОЛИДИРОВАННОГО ДОХОДА В ТЕОРИИ ОПЕКАЕМЫХ БЛАГ

Уже более пятидесяти лет моя научная деятельность так или иначе связана с проблемами государственного финансирования производства и потребления опекаемых благ, категориями дотации, субвенции и субсидии. Несмотря на их определенные различия – *дотация* суть пожертвование на безвозвратной основе, *субвенция* предоставляется в виде помощи под конкретные цели, *субсидия* выделяется в виде долевого финансирования целевых расходов, есть нечто фундаментально общее, позволяющее под единым углом зрения рассматривать бюджетные расходы. Строго говоря, если верить словарям и статьям Бюджетного кодекса, то речь идет лишь о разных формах государственной поддержки. Но что же представляет собой государственное финансирование, каким содержанием наполнена конкретно категория бюджетной субсидии?

Бюджетная субсидия: предварительные замечания

Анализируя российскую практику, нетрудно заметить, что методология определения бюджетной субсидии для любых объектов за «30 лет после социализма» почти не изменилась и мало отличается от советского времени. Как и раньше, в ее основе лежит марксистская традиция, берущая начало в тру-

довой теории стоимости с доминирующим поныне затратным методом. Изменить такую трактовку государственного финансирования оказалось делом крайне сложным, даже при создании альтернативного подхода, опирающегося на маржиналистские идеи предельной полезности с акцентом на потребительский спрос (*Рубинштейн, 2021*).

Анализ научной литературы свидетельствует, что сторонники неоклассической теории, обсуждая бюджетное финансирование, государство как таковое вообще не рассматривают. Даже Пол Самуэльсон, не желая включать государство в анализ затрат общества, на первой же странице знаменитой «Чистой теории общественных расходов» спешит предупредить читателя: «Я не предполагаю наличия мистического коллективного разума, который пользуется общественным благом, вместо этого я делаю предположение о том, что каждый индивид обладает согласованной системой упорядоченных предпочтений в отношении потребления им всех благ» (*Samuelson, 1954. P. 387*).

Его коллега и создатель фундаментальной теории общественных финансов – Ричард Масгрейв (*Musgrave, 1959*) – также обходит вниманием патерналистское государство, определяя интересы этого обезличенного субъекта в виде «механизма передачи в политический тракт индивидуальных предпочтений: голосуя на выборах за ту или иную партию, индивидуумы передают им право выразить их мнение о том, какими должны быть общественные предпочтения» (*Рубинштейн, 2009. С. 100–101*). Не будет преувеличением, наверное, и общая констатация, что в основном русле экономической теории бюджетная субсидия – без осмысления, с какой целью она выделяется – осталась содержательно неопределенным понятием.

В попытках установить экономический смысл субсидии в статье представлены ряд исходных положений на теоретическом и методологическом уровне. Во-первых, речь идет об отказе от затратного метода; во-вторых, предложен подход, где государство выступает в качестве полноценного

участника рыночных отношений, обладающего собственной функцией полезности; в-третьих, представлена модель бюджетной субсидии, в которой ее объем обусловлен социальной полезностью опекаемого блага (Рубинштейн, 2021). Ключевой предпосылкой построения данной модели стала известная экономическая закономерность – «болезнь цен», или «болезнь издержек», открытая Уильямом Баумодем еще в середине прошлого столетия (Baumol, Bowen, 1966).

О «болезни издержек». За прошедший период ей были посвящены как теоретические исследования, так и статистические анализы, авторы которых сомневались в этой гипотезе, ставшей одной из оснований современной экономики, и снова подтверждали ее (Globerman, Book, 1974; Schwarz, Greenfield, 1981; Heilbrun, 2003; Ginsburgh, Throsby, (eds.), 2006). И, несмотря на изредка продолжающиеся проверки и попытки ее опровергнуть¹, данная гипотеза превратилась фактически в аксиому. При этом фундаментальной причиной «болезни издержек» теория называет *отставание производительности труда* в соответствующих отраслях от производительности по экономике в целом.

Сопоставление факторов экономического роста и производительности труда в различных отраслях экономики всегда было в центре внимания экономистов. Концептуально новый подход для такого анализа был заложен в докторской диссертации У. Баумоля² и окончательно оформился в его известной работе, посвященной проблемам «несбалансированного роста», где важным фактором стало выделение «стагнирующих (с малыми или нулевыми темпами технического прогресса) и технологически прогрессивных» экономических

1. Речь идет о ряде работ, в которых авторы продемонстрировали наличие временных периодов, когда при росте цен на билеты дефицит доходов по отдельным видам искусства снижался (Schwarz, Peters, 1983; Felton, 1994; Towse (ed.), 1997b. P. 351). В этом же контексте и некоторые отечественные экономисты рассматривают возможности повышения цен на культурные услуги в качестве «надежного лекарства от “болезни издержек”» (Тамбовцев, 2012).
2. Диссертация «Экономика благосостояния и теория государства» была защищена У. Баумодем в 1949 г. в Лондонской школе экономики и много лет спустя была опубликована в издательстве Гарвардского университета (Baumol, 1965).

секторов (Baumol, 1967). Применительно к стагнирующим секторам автор отказался от стандартной предпосылки экзогенного технического прогресса, указав на отсутствие технологических возможностей для роста производительности труда. Это объясняется тем, что технологические возможности увеличения рыночных доходов и, тем самым, роста производительности часто ограничены особенностями производства. Данное положение подчеркивал Баумоль, рассматривая в качестве примера живое искусство: «...количество труда, предназначенное для производства данного уровня продукции, постоянно во времени и не зависит от новаторства и концентрации капитала» (Baumol, Bowen, 1966. P. 415).

История экономической мысли и экономическая теория демонстрируют наличие общего тренда мирового развития — возрастающую динамику производительности труда, обусловленную техническим прогрессом, обеспечивающим замену живого труда машинами и оборудованием. Невозможность такой замены в художественном производстве, собственно, и обуславливает феномен отставания технологической производительности в сфере искусства от производительности в экономике. Этот факт иллюстрирует Баумоль своим известным примером: «... производительность четырех музыкантов, исполняющих квартет Бетховена, сегодня такая же, как и 200 лет назад (ibid. P. 416).

Вспоминая работы, в которых исследуется «болезнь цен», отмечу представленное в них доказательство опережающего роста издержек, основанное на особенности динамики производительности труда. Живые искусства, согласно Баумолю, принадлежат к сектору со «стагнирующей производительностью», и автор подчеркивает, что организации исполнительских искусств «не могут даже надеяться догнать производительность труда в целом по экономике (ibid. P. 165). Речь идет о производительности, обусловленной *технологическими* особенностями и возможностями исполнительских искусств.

Феномен отставания производительности труда в организациях исполнительских искусств, обнаруженный в США

во второй половине XX столетия (*Baumol, Bowen, 1965, 1966*), был неоднократно подтвержден в работах отечественных исследователей, посвященных театрам, концертным организациям и музеям (*Рубинштейн, 2012, 2017; Рубинштейн, Славинская, 2018*)³. Подобные результаты были получены и в исследовании «Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения», авторы которого продемонстрировали наличие межсекторальных разрывов в оплате труда и его производительности в различных отраслях экономики (Российский рынок труда..., 2017. С. 92–111)⁴. Надо особо отметить ренессанс теории Баумоля в XXI столетии, связанный с расширением границ ее использования в гуманитарном секторе экономики, – сферах образования (*Neck, Getzner, 2007*) и здравоохранения (*Pomr, Vujic, 2008*), применительно к другим видам услуг (*Fernandez, Palazuelo, 2012*), а также в макроэкономических исследованиях (*Nordhaus, 2008*).

Теоретическое обоснование указанной закономерности позволило сформулировать и другое важное заключение в отношении необходимости компенсации дефицита дохода производителей опекаемых благ – прямого следствия отстающей динамики производительности труда. Кроме спонсорской поддержки таких организаций, которые Баумоль относил к сектору «стагнирующих, с малыми или нулевыми темпами технического прогресса» (*Baumol, 1967*), главным методом покрытия дефицита дохода стало государственное финансирование в привычной форме бюджетных субсидий.

Равновесия в гуманитарном секторе. Особенности рынков опекаемых благ в гуманитарном секторе экономики позволяют сделать вывод, что стандартная модель конкурентного равновесия, основанная на предпосылке существования

-
3. Вслед за работой Баумоля о «несбалансированном росте» (*Baumol, 1967*) указанная закономерность была продемонстрирована для всей сферы услуг. См., например: (*Fuchs, 1980; Ofer, 1973; Easterly et al., 1994; Лукьянова, 2003*).
 4. См. также монографию «Механизмы российского рынка труда» (Механизмы российского..., 2016) и ряд специальных докладов, подготовленных в рамках XXI Апрельской международной научной конференции (*Симачев и др., 2020; Источники роста..., 2020*).

равновесных цен, обеспечивающих равенство потребительского спроса и предложения соответствующих товаров и услуг (Arrow, Debreu, 1954), для организаций науки, образования, культуры и здравоохранения оказывается неприменимой. Это следует из самой дефиниции опекаемых благ, спрос на которые со стороны патерналистского государства превышает потребительский спрос индивидуумов. (Рубинштейн, 2018. С. 14–18).

Иначе говоря, если мы хотим построить модель равновесия для любого из рынков гуманитарного сектора, будь то услуги организаций науки, культуры, образования или здравоохранения, необходимо модифицировать стандартную модель — с опорой не только на потребительский спрос, но и спрос государства. В этом случае объем предложения и равновесная цена должны соответствовать консолидированному спросу на опекаемое благо, включающему потребительский спрос и спрос патерналистского государства.

Подчеркну, что в основе предлагаемого решения лежат концепция экономической социодинамики и теория опекаемых благ, позволившие увидеть патерналистское государство, находящееся не где-то за пределами рынка или над рынком, а органично в него встроенное. С учетом сказанного может быть получен ответ и на поставленные выше общие вопросы. Я исхожу из следующей дефиниции — бюджетная субсидия представляет собой расходы патерналистского государства, обусловленные социальной полезностью опекаемых благ. К этому добавлю, что метод оценки объема субсидии, удовлетворяющей приведенному определению, является одной из задач настоящей работы.

Замена распространенной среди чиновников трактовки государственного финансирования — с ложным пониманием благотворительности государства — на приведенную выше дефиницию бюджетной субсидии потребовала обоснования принципиально нового подхода, разработанного в рамках теории опекаемых благ. Согласно данной теории, государство, которое в процессе своей эволюции трансфор-

мируется в патерналистское, является рыночным актором, максимизирующим собственную функцию полезности, отражающую его интересы, декларируемые от имени общества (Экономическая теория..., 2020. С. 168–181).

Использование основных положений данной теории и соответствующей модификации известной модели Викселя—Линдаля для общественных товаров позволяет определить условия равновесия применительно к опекаемым благам, с учетом индивидуальных интересов и интересов общества в целом, носителем которых выступает патерналистское государство (Рубинштейн, 2018. С. 188–193). Теоретическое обоснование модификации модели Викселя—Линдаля базируется на следующей важной лемме: «Если индивидуумы из множества N предъявляют спрос U_1, U_2, \dots, U_n в отношении опекаемого блага X и их агрегированный посредством рыночных механизмов совокупный спрос U_1 дополняет спрос государства U_2 в отношении этого же блага, то само благо X приобретает свойство двойственности: оставаясь частным благом для индивидуумов, оно выступает в качестве общественного товара для пары агрегатов U_1 и U_2 » (там же. С. 190). Этот теоретический вывод стал основанием для разработки принципиально нового подхода к стоимостной оценке совокупного результата производства опекаемых благ.

В модели Викселя—Линдаля, как известно, рассматривается общественное благо, спрос на которое предъявляют две группы индивидуумов (два агрегированных участника), обладающих соответственно низким и высоким доходом. И, как отмечал Линдаль, «спрос одного участника на общественное благо по определенной цене зависит от точки зрения другого участника, так как предложение данного блага возможно только в случае покрытия всей стоимости его производства» (Lindahl, 1919. P. 90). Модификация этой модели также позволяет анализировать поведение двух рыночных акторов, но теперь уже «мегаиндивидуума» и государства. При этом спрос «мегаиндивидуума» представлен рыночным агрегатом спроса отдельных индивидуумов, а спрос патерналистского

государства является результатом общественного выбора, обусловленного механизмами существующей политической системы.

Особенность модели Викселля–Линдаля состоит в том, что «...каждый индивид вносит разный налоговый взнос, соответствующий его оценке общественного блага» (ibid. P. 91). И в нашем случае расходы государства зависят от цены, которую платят потребители, и должны компенсировать ту часть издержек производства опекаемого блага, которая обусловлена большей величиной спроса государства по сравнению с потребительским спросом. С учетом этого в модели равновесия для опекаемых благ также рассматриваются разные цены: по которой индивидуумы готовы покупать опекаемое благо, по которой государство готово оплачивать это благо в объеме, соответствующем величине его спроса. Иначе говоря, бюджетная субсидия представляет собой расходы государства, обусловленные социальной полезностью опекаемого блага.

Учитывая же, что на рынке одновременно действуют индивидуальные акторы, предъявляющие спрос в отношении опекаемого блага, и государство, стремящееся реализовать собственные интересы, равновесие достигается тогда, когда затраты на производство данного блага уравниваются суммой выручки от его рыночных продаж и бюджетной субсидии. Данный вывод и есть описание условий равновесия для любых опекаемых товаров и услуг.

Следствием этого вывода является новая категория — «консолидированный доход» производителей опекаемых благ, представляющий собой сумму выручки от рыночных продаж и бюджетной субсидии. Введение в научный оборот данного понятия, вообще говоря, принципиально меняет содержание всех экономических процессов производства опекаемых благ, в том числе в организациях гуманитарного сектора. Это относится и к производительности труда, где «технологическая производительность» дополняется категорией «полная производительность», которая определяется как отношение величины консолидированного дохода к числу занятых.

Отмечу также, что категория «консолидированный доход» порождает ряд методологических вопросов. Во-первых, как в различные моменты времени измерить данный доход в реальном выражении (в постоянных ценах базового года), если каждая его составляющая дефлируется с помощью различных индексов цен: рыночная часть на основе индекса цен на соответствующее благо, бюджетная субсидия – с использованием дефлятора ВВП? Во-вторых, и это особенно важно, как в динамике консолидированного дохода отразить структурные связи между доходами от рыночных продаж и бюджетной субсидией, учитывая интерес государства в росте потребления опекаемых благ в гуманитарном секторе экономики и известную проблему их доступности для населения? (Культурная деятельность..., 2019).

Композитный индекс цен

Ответом на поставленные вопросы может служить использование в каждый момент времени средневзвешенного индекса цен, где в качестве весов выступают доли рыночной и нерыночных составляющих консолидированного дохода производителей опекаемых благ в сферах науки, образования, культуры и медицины.

Простая форма. Полученное таким образом для любого года t общее решение можно назвать «простой формой» композитного индекса цен:

$$I_k^t = \lambda_R^t I^t + \lambda_S^t I_{GDP}^t \quad (1)$$

где I_k^t – величина композитного индекса цен в году t ; I^t – индекс цен на соответствующее опекаемое благо в году t ; I_{GDP}^t – дефлятор ВВП в году t ; λ_R^t – удельный вес доходов от рыночных продаж данного блага в консолидированном доходе производителей опекаемого блага в году t ; λ_S^t – удельный вес величины бюджетной субсидии в консолидированном доходе производителей опекаемого блага в году t .

В качестве примера можно рассмотреть статистические данные по экономике в целом и деятельности российских

государственных и муниципальных театров в период 2009–2019 гг.⁵ На основе этих данных можно вычислить соответствующий композитный индекс (I_{KT}^t) и сопоставить его динамику с индексами цен на театральные билеты (I_T^t) и дефлятором ВВП (I_{GDP}^t). Расчеты показывают, что до 2012 г. дефлятор ВВП был выше индекса театральных цен на 7,5–11,8% и на 1,7–2,8% превышал композитный индекс. После 2012 г. ситуация резко изменилась, и кривая композитного индекса заняла срединное положение, находясь между дефлятором ВВП и индексом цен на билеты в театр, которые в этот период росли особенно быстро (рис. 1).

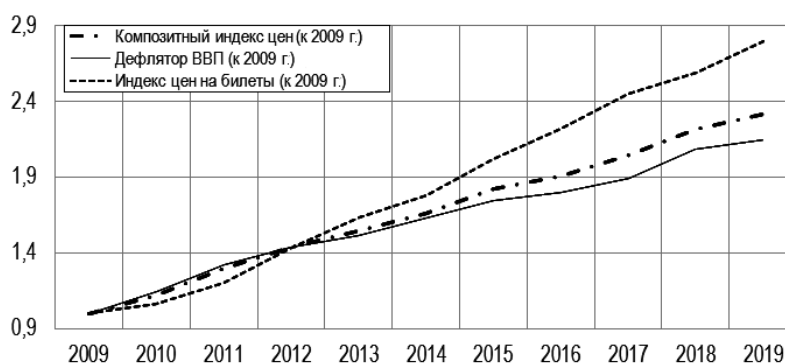

Рис. 1. Динамика композитного индекса (театры) в простой форме

Замечу, что простая форма композитного индекса (1) отражает только фактическое положение дел, включая сложившиеся в прошлый период пропорции между рыночной и нерыночной составляющими консолидированного дохода. При этом инструментарий данного индекса позволяет расширить границы экономического анализа и рассмотреть ряд ситуаций, связанных с гипотетическим увеличением доли бюджетной субсидии в консолидирован-

5. Здесь и далее расчеты выполнены на примере государственных и муниципальных российских театров в период 2009–2019 гг. Для обеспечения сопоставимости статистических данных анализируемый период ограничен 2019 г.

ном доходе производителей опекаемых благ, изменяя тем самым его структуру.

Так, используя тождество $\lambda_R^t + \lambda_S^t = 1$, можно простую форму композитного индекса цен I_k^t представить в несколько ином виде. Для этого достаточно в выражении (1) произвести замену $\lambda_R^t = 1 - \lambda_S^t$ и выполнить соответствующие преобразования. В итоге может быть получена следующая формула:

$$I_k^t = I^t + \lambda_S^t (I_{GDP}^t - I^t). \quad (2)$$

Полученное выражение (2), где в качестве варьируемой переменной выступает удельный вес нерыночной составляющей консолидированного дохода, является основанием для выделения двух других форм композитного индекса цен. Речь идет, во-первых, о *параметрической* форме, позволяющей анализировать вариации удельного веса бюджетной субсидии в рамках фиксированного объема консолидированного дохода. Во-вторых, о *нормативной* форме, учитывающей различные нормативные условия, определяющие оценку социальной полезности опекаемых благ и величину консолидированного дохода их производителей.

Параметрическая форма. Подчеркну, что в отличие от простой формы композитного индекса, эта модель раскрывает дополнительные аспекты анализа, позволяющие ответить на поставленный выше вопрос о наличии связи между рыночными продажами и бюджетной субсидией. В общем случае речь идет об учете в композитном индексе цен структурных изменений консолидированного дохода производителей опекаемых благ. При этом надо обратить внимание на то обстоятельство, что соотношение его рыночной и нерыночной части обусловлено ценами на исследуемые блага.

Следует отметить также, что указанная зависимость носит обратный характер: сокращение объема финансирования вынуждает производителей опекаемых благ поднимать цены и, наоборот, повышение цен на эти блага приводит часто к уменьшению размера бюджетной субсидии. Это связано

с известной закономерностью: рост цен является, как правило, наиболее существенной причиной сокращения размера потребительского спроса. Следствием таких процессов является уменьшение социальной полезности опекаемых благ и соответственно ее денежного выражения – бюджетной субсидии.

Прочитав и здесь Баумоля, который писал «...спрос на культурные услуги эластичен по доходу, но неэластичен по цене, что означает, что рост цен на билеты выше определенного уровня приведет к снижению выручки и государственной поддержки» (*Vaumol*, 1987. Р. 843). Опираясь на данное суждение, сформулирую общее заключение в отношении цен на театральные блага: их изменение определяет границы варьируемого параметра λ_S^t , характеризующего удельный вес нерыночной части консолидированного дохода. При этом следует выделить два момента.

Во-первых, в качестве верхней границы цен на билеты в театр можно использовать макроэкономический показатель инфляции. Во-вторых, имея в виду заинтересованность общества в сохранении или повышении социальной полезности опекаемых благ, не допуская сокращения потребительского спроса, можно предположить, что государство будет стремиться создавать механизмы, защищающие потребителей от сверхинфляционного роста цен на соответствующее благо. Речь идет об увеличении объема бюджетной субсидии, компенсирующей упущенную выгоду производителей опекаемых благ из-за несостоявшегося роста цен выше уровня инфляции. Отмечу, что рассматриваемое увеличение бюджетного финансирования влечет за собой рост удельного веса субсидии в их консолидированном доходе на величину $\Delta\lambda_S^t$. В этом случае выражение для композитного индекса цен в его параметрической форме принимает следующий вид:

$$\Gamma_k^{*t} = I^t + (\lambda_S^t + \Delta\lambda_S^t) (I_{GDP}^t - I^t) = I_k^t + \Delta\lambda_S^t (I_{GDP}^t - I^t), \quad (3)$$

где Γ_k^{*t} – значение композитного индекса цен (параметрическая модель) при изменении доли нерыночной части консолидированного дохода на величину $\Delta\lambda_S^t$.

Определение величины $\Delta\lambda^t_s$, учитывающей изменение стоимостной оценки полезности опекаемых благ, является очень сложной задачей, которая, по всей видимости, может иметь только *нормативное* решение. С учетом этого параметр $\Delta\lambda^t_s$ можно рассматривать в качестве нормативного прироста субсидии, отвечающего интересам государства в отношении производства и потребления опекаемых благ, обуславливающего и соответствующую величину композитного индекса цен.

Нормативная модель субсидии

Остановимся теперь на нормативной форме композитного индекса цен, обладающей двумя отличительными особенностями. К ним относятся, во-первых, допустимость *роста консолидированного дохода* театров в результате увеличения объема его бюджетной составляющей, вызванного повышением уровня социальной полезности театральных благ, и, во-вторых, *содержательное определение условий*, генерирующих рост социальной полезности.

Принимая во внимание, что объем бюджетного финансирования зависит от социальной полезности театральных благ, в основе которой лежат ценностные суждения патерналистского государства, главной проблемой здесь является создание институциональных механизмов, ограничивающих «своеволие» лиц, принимающих решение. Иначе говоря, существующую практику часто некорректных решений регулятора необходимо заменить содержательными принципами общественного выбора – теоретически обоснованными нормативными условиями оценки социальной полезности.

Три принципа соответствия. Обсуждая данный вопрос, я исхожу из того, что государство как рациональный участник конкурентного рынка стремится к максимизации собственной функции полезности. При этом из теории Баумоля следует, что предпосылкой построения нормативной модели бюджетной субсидии является создание условий для адекватного роста *полной производительности* труда при производ-

стве опекаемых благ, соответствующего динамике производительности в экономике.

Это следует из самого факта существования государственных и муниципальных театров. Если государство учреждает театры, имея в виду социальную полезность театральных благ, на которые оно предъявляет спрос и оплачивает его удовлетворение в соответствии с этой полезностью, то театральное производство должно обеспечивать такую производительность, которая была бы не ниже средней производительности по экономике. В противном случае инвестициям в театральную деятельность можно было бы найти более эффективное применение.

Используя концепцию совокупного дохода и категорию полной производительности труда, можно определить, тем самым, первое нормативное условие. Речь идет о принципе соответствия динамики полной производительности труда театров макроэкономическому аналогу — норма « N_1 ». С учетом же того, что показатель полной производительности включает величину субсидии, это нормативное условие становится ключевым элементом в оценке социальной полезности опекаемых благ и в итоге — модели бюджетной субсидии.

Второй теоретический принцип, который должен рассматриваться при построении модели субсидии, обусловлен необходимостью нормативного решения проблемы замещения объективно отсутствующего механизма формирования заработной платы. В связи с этим подчеркну, что начиная со второй половины XX столетия и вплоть до майских указов 2012 г. при всех пересмотрах заработной платы и применении различных систем оплаты труда в сфере культуры использовалась, по сути, одна и та же нормативная установка, определяющая степень соответствия среднемесячной оплаты труда в данной сфере аналогичному показателю в экономике.

В этом смысле реальная российская практика вполне укладывается в известное теоретическое положение о догоняющем характере оплаты труда в исполнительских искусствах, которое обосновывается тем, что «организации искусства

конкурируют в найме работников на общенациональном интегрированном рынке труда» (Heilbrun, 2003. P. 92). Указанное обстоятельство позволяет считать, что в фактической динамике оплаты труда в театрах, включая имевшие место пересмотры заработной платы в предыдущие годы и исполнение майских указов 2012 г., находит отражение нормативное условие соответствия показателя среднемесячной оплаты труда в театре его макроэкономическому аналогу — « N_2 ».

Следует обратить внимание еще на один аспект теории Баумоля, который указывал на низкую долю незарплатных расходов, не обеспечивающую необходимый уровень дохода в исполнительских искусствах, принадлежащих к сектору с «стагнирующей производительностью» (Baumol, Bowen, 1966. P. 201). Речь идет о ресурсной недостаточности театров для инновационной деятельности, связанной с инвестициями в материальные и нематериальные активы.

Данная особенность отражается в сравнительной динамике удельного веса расходов на оплату труда в совокупном доходе театров (Y_T^t) и аналогичного макроэкономического показателя (Y_E^t). Выполненные на основе реальных данных расчеты свидетельствуют, что в рассматриваемый период 2009–2019 гг. доля незарплатных расходов театров была примерно на 15% ниже, чем в среднем по экономике. Учитывая же, что величина показателя Y_T^t равна отношению среднегодовой заработной платы к производительности, то более высокий уровень данного индикатора в театральной сфере, в сравнении с экономикой в целом, указывает на относительное *отставание* роста производительности труда от роста заработной платы в театрах, что требует соответствующих объяснений.

Списывать данный феномен на специфику творческого труда и художественного процесса, кажется мне, недостаточным и, главное, ничего не объясняющим. Напротив, постоянное обновление театрального репертуара в результате соответствующих инноваций — создания новых постановок, как и вовлечение в художественное производство современ-

ных технологий и технических средств, является одной из существенных характеристик репертуарного театра. И если данный процесс нарушается или замедляется, то это свидетельствует, по-видимому, о нехватке соответствующих ресурсов. Опираясь на исследования новой экономики (*Corrado, Hulten, Sichel, 2005; Soloveichik, 2010*), можно утверждать, что одним из важных условий роста производительности театров является наличие достаточных средств для обеспечения соответствующего роста инвестиций в материальные и нематериальные активы.

Указанное обстоятельство подталкивает к использованию в модели субсидии еще одного условия, «привязывающего» рост незарплатных расходов к динамике заработной платы в театрах. Механизм такой «привязки» может быть реализован в результате введения третьего нормативного условия — соответствия показателя удельного веса нормативных расходов на оплату труда $Lab_T(N_2)$ в совокупном доходе театров его макроэкономическому аналогу. Этот нормативный принцип (условие « N_3 ») позволяет заместить обусловленные технологическим отставанием выпадающие доходы театров увеличением бюджетной субсидии, главным образом, в результате инвестиций в нематериальные (создание новых и капитально возобновляемых постановок) и материальные (расходы на содержание здания, компьютерную технику, светозвуковое оборудование и машинерии сцены) активы театров.

Нормативная динамика производительности. Теоретическое обоснование введения в модель бюджетной субсидии нормативных условий предполагает их отображение в композитном индексе цен и темпах роста производительности театров. Если же принять во внимание независимость индексов цен I_{GDP}^t и I^t от указанных нормативных условий, то в соответствии с дефиницией композитного индекса цен и тождеством $\lambda_R^t + \lambda_S^t = 1$ общие формулы для определения композитного индекса $I_k^t(N_j)$ и индекса роста полной производительности труда при производстве опекаемых благ

$I_{PT}^t(N_j)$ в ценах базового года, отвечающего нормативным условиям « N_j », где $j \in [1; 3]$, имеют следующий вид:

$$I_k^t(N_j) = I_{GDP}^t + \lambda_R^t(N_j)(I^t - I_{GDP}^t), \quad (4)$$

$$I_{PT}^t(N_j) = GR^t(N_j) / GR^{t_0} / I_L^t / I_k^t(N_j), \quad (5)$$

где $GR^t(N_j)$ – совокупный доход театров в году t в текущих ценах, соответствующий нормативному условию N_j ; GR^{t_0} – совокупный доход театров в базовом году t_0 ; λ_R^t – удельный вес выручки от продажи билетов в совокупном доходе в году t , соответствующий нормативному условию N_j ; I^t , I_L^t , I_{GDP}^t – индексы роста численности работников театров, цен на билеты и дефлятор ВВП в году t по отношению к базовому году t_0 .

Следует подчеркнуть, что нормативное условие в отношении динамики производительности театров (N_1) необходимо рассматривать как с точки зрения величины их совокупного дохода $GR^t(N_1)$, обеспечивающего соответствующий рост полной производительности, так и с позиций композитного индекса цен $I_k^t(N_1)$, позволяющего сопоставлять совокупный доход в различные годы исследуемого периода. Воспользовавшись выражением (4), можно определить первое уравнение связи между указанными показателями:

$$I_k^t(N_1) = I_{GDP}^t + \frac{R_T^t(I_T^t) - I_{GDP}^t}{GR_T^t(N_1)}. \quad (6)$$

Для удобства последующего изложения следует дать формальное определение нормативного условия N_1 и на его основе получить формулу для расчета индекса роста полной производительности театров, соответствующего выполнению этого условия. В общем случае данную норму можно определить в виде коэффициента пропорциональности (k_1^t):

$$I_{PT}^t(N_1) = k_1^t I_{PE}^t, \quad (7)$$

где $I_{PT}^t(N_1)$ – индекс роста полной производительности труда в театрах, отвечающий нормативному условию (N_1), в ценах базового года t_0 в году t по отношению к базовому году t_0 ;

I_{PE}^t – индекс роста средней производительности труда в экономике в году t по отношению к базовому году t_0 , в ценах базового года t_0 . Если $I_{PT}^t \leq I_{PE}^t$, то $k_1^t = 1$ или $I_{PT}^t(N_1) = I_{PE}^t$; если $I_{PT}^t > I_{PE}^t$, то $k_1^t = I_{PT}^t / I_{PE}^t$ или $I_{PT}^t(N_1) = I_{PT}^t$.

Введя дополнительные параметры: $a_1 = R^t (I^t - I_{GDP}^t)$; $a_2 = GR^t IL_T IP_E$; $b = -a_2 I_{GDP}^t$; $c = -a_1 a_2$ и выполнив несложные преобразования, можно получить второе уравнение связи между композитным индексом и величиной совокупного дохода театров:

$$I_k^t(N_1) = GR^t(N_1) / a_2. \quad (8)$$

Приравняв левые части выражений (6) и (8), можно получить квадратное уравнение относительно величины совокупного дохода театров $GR^t(N_1)$ и бюджетной субсидии $S^t(N_1)$, отвечающих нормативному условию (N_1):

$$[GR^t(N_1)]^2 + b GR^t(N_1) + C = 0 \quad (9)$$

$$S^t(N_1) = GR^t(N_1) - R_T^t. \quad (10)$$

Расчеты, выполненные на основе фактических данных деятельности театров в период 2009–2019 гг., показали, что квадратное уравнение (9) в отношении величины совокупного дохода $GR^t(N_1)$, удовлетворяющей нормативному условию N_1 , имеет положительное решение в каждом году. На следующих графиках представлены расчетная динамика нормативной полной производительности труда театров и бюджетной субсидии, соответствующих норме N_1 (рис. 2, 3).

Область между кривыми роста нормативной и фактической полной производительности труда театров – $I_{PT}^t(N_1)$ и I_{PE}^t (рис. 2), обуславливает величину нормативного прироста бюджетной субсидии $\Delta S_T^t(N_1)$. Расчеты показали, что для преодоления одного из симптомов «болезни Баумоля» – отстающей производительности труда, величину бюджетной субсидии театрам необходимо было увеличить на 11% в 2010 г., на 17% – в 2011 г., на 12% – в 2012 г. и на 9% – в 2015 г. В другие годы необходимый прирост субсидии не превышал 5% (рис. 3).

Рис. 2. Сравнительная динамика производительности труда (2009 = 1)

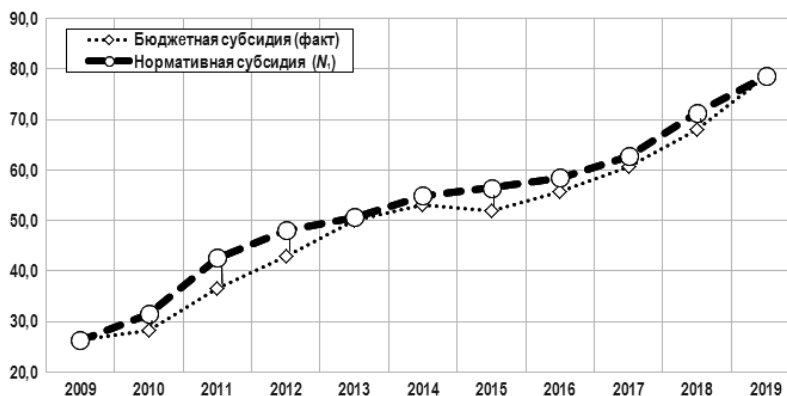

Рис. 3. Сравнительная динамика нормативной субсидии $S(N_1)$

Догоняющая заработная плата. Исходя из отмеченной выше практики формирования заработной платы в организациях исполнительских искусств и в соответствии с исполнением майских указов 2012 г., можно считать, что нормативное условие « N_2 » находит свое отражение в нормативной заработной плате $W_T^t(N_2)$, соответствующей установленной этими указами «дорожной карте» k_2^t :

$$W_T^t(N_2) = k_2^t W_E^t. \quad (11)$$

Понятно, что условие « N_2 » проявляется в изменении расходов театров на оплату труда $Lab_T^t(N_2)$ в соответствии с «дорожной картой», а тем самым, в величине бюджетной субсидии $S^t(N_2)$ и динамике совокупного дохода театров $GR^t(N_2)$. На следующем графике представлена сравнительная динамика бюджетной субсидии, соответствующая норме N_2 (рис. 4).

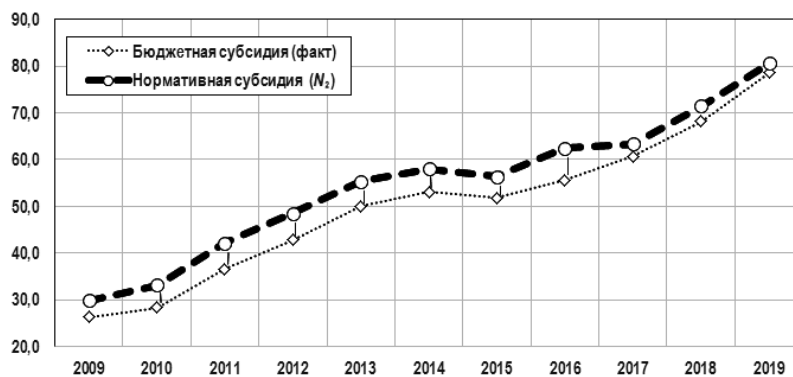

Рис. 4. Сравнительная динамика нормативной субсидии $S(N_2)$

Приведенные расчеты (рис. 3, 4) свидетельствуют, что рост производительности театров, соответствующий выполнению нормативных условий N_1 , мог обеспечить выполнение «дорожной карты» (нормативные условия N_2) лишь в 2011 и 2015 гг. «Провальными» оказались 2013, 2014 и 2016 гг., когда нормативный прирост зарплатных расходов существенно превышал увеличение субсидии, соответствующей выполнению условий N_1 .

Рост фондовооруженности. При рассмотрении третьего нормативного условия следует иметь в виду, что показатель доли расходов на оплату труда в консолидированном доходе театров непосредственно связан с нормативными условиями N_2 , касающимися оплаты труда, и N_1 — применительно к производительности труда, и тем самым, с консолидированным доходом. С учетом этого третье нормативное условие следует рассматривать в виде одновременного исполнения всех трех

нормативных условий N_1 , N_2 и N_3 , которое может быть выражено следующей общей формулой:

$$Y_T^t(N_1 \& N_2 \& N_3) = k_3^t Y_E^t, \quad (12)$$

где $Y_T^t(N_1 \& N_2 \& N_3)$ – нормативная величина удельного веса затрат на оплату труда в совокупном доходе театров в году t ; k_3^t – «дорожная карта» роста незарплатных расходов театров; Y_E^t – удельный вес расходов на оплату труда в ВВП экономики в году t .

С учетом одновременного исполнения норм N_1 , N_2 и N_3 выражение (12) позволяет определить нормативные величины консолидированного дохода и бюджетной субсидии театров:

$$GR^t(N_1 \& N_2 \& N_3) = Lab_T^t(N_2) / k_3^t Y_E^t, \quad (13)$$

$$S^t(N_1 \& N_2 \& N_3) = GR^t(N_1 \& N_2 \& N_3) - R^t. \quad (14)$$

Используя (6) и (14) и выполнив нужные преобразования, можно определить уравнение для композитного индекса цен, а также для индекса роста производительности труда театров, соответствующих нормативным условиям $N_1 \& N_2 \& N_3$:

$$I_k^t(N_1 \& N_2 \& N_3) = I_{GDP}^t + \frac{Y_E^t R_T^t (I_T^t - I_{GDP}^t)}{Lab_T^t(N_1 \& N_2 \& N_3)}, \quad (15)$$

$$I_{PT}^t(N_1 \& N_2 \& N_3) = Lab_T^t(N_1 \& N_2 \& N_3) / Y_E^t / GR_{T_0}^t / I_{LT}^t / I_k^t(N_1 \& N_2 \& N_3). \quad (16)$$

На приведенных ниже рисунках представлены графики индексов роста полной производительности труда театров, а также нормативной величины бюджетной субсидии, соответствующей первому, второму и третьему нормативному условию (рис. 5, 6).

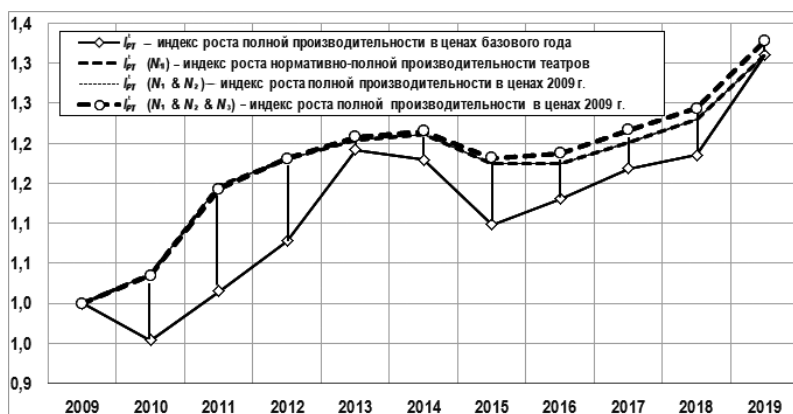

Рис. 5. Сравнительная динамика нормативной производительности труда (2009 = 1)

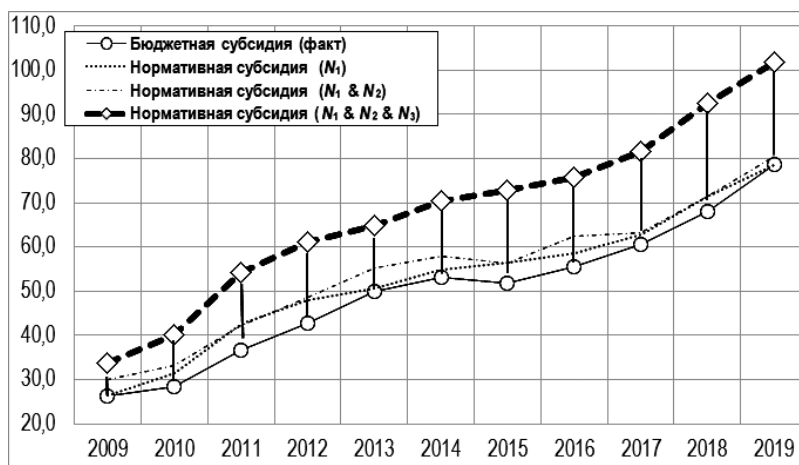

Рис. 6. Сравнительная динамика нормативной субсидии S

Некоторые общие выводы. Подведу итоги эмпирической части исследования. Результаты тестирования модели субсидии для российских государственных и муниципальных театров в период 2009–2019 гг. приведены на двух графиках (рис. 5, 6), где представлены расчетные темпы роста полной производительности труда и динамика бюджетной субсидии, соответствующие всем рассмотренным вариантам нормативных условий, дополненные сводной табл. 1.

Таблица 1. Динамика фактической и модельной бюджетной субсидии

Годы	Фактическая величина субсидии (млрд руб.)	Нормативная (N_1, N_2, N_3) величина субсидии (млрд руб.)	Прирост субсидии к ее фактической величине					
			всего (млрд руб.)	в том числе:		всего (%)	в том числе:	
				на обеспечение роста оплаты труда (млрд руб.)	на инновации (млрд руб.)		на обеспечение роста оплаты труда (%)	на инновации (%)
2009	26,318	33,655	7,337	3,605	3,732	27,9	13,7	14,2
2010	28,294	40,128	11,834	4,886	6,947	41,8	17,3	24,6
2011	36,620	54,086	17,465	5,572	11,893	47,7	15,2	32,5
2012	42,845	61,089	18,244	5,634	12,611	42,6	13,1	29,4
2013	50,003	64,780	14,777	5,335	9,442	29,6	10,7	18,9
2014	53,114	70,374	17,260	4,860	12,400	32,5	9,1	23,3
2015	51,847	72,830	20,983	4,528	16,455	40,5	8,7	31,7
2016	55,620	75,711	20,091	6,853	13,238	36,1	12,3	23,8
2017	60,633	81,508	20,875	2,694	18,181	34,4	4,4	30,0
2018	68,107	92,523	24,417	3,410	21,007	35,9	5,0	30,8
2019	78,580	101,716	23,136	2,057	21,079	29,4	2,6	26,8

Последовательные шаги введения в модель субсидии соответствующих нормативных условий привели в финале к определению темпов роста производительности труда театров, которые позволяют не только вылечить «болезнь Баумоля», но и обеспечить достаточный рост бюджетной субсидии для выполнения условий по нормативному росту оплаты труда.

Выполненные расчеты позволяют определить также на какие цели должны были расходоваться дополнительные бюджетные средства, соответствующие предложенной модели субсидии. Это нетрудно сделать, имея в виду, что прирост бюджетной субсидии $\Delta S_T^f(N_3)$, отвечающий нормативному условию N_3 , должен обеспечивать рост зарплатных расходов в соответствии с «дорожной картой» майских указов 2012 г. Поэтому оставшаяся часть совокупного прироста субсидии при выполнении всех трех условий $\Delta S_T^f(N_1 \& N_2 \& N_3)$ в соответствии с методологией построения модели субсидии

должна направляться на инновации, обеспечивающие рост фондовооруженности театров в результате инвестиций в их материальные и нематериальные активы (табл. 1).

Полтора столетия развития экономической теории после маржиналистской революции радикально изменили ее основное русло, «переплавив» концепцию предельной полезности и идеи равновесия в ядро неоклассической теории. Вместе с тем нельзя считать, что маржинализм обеспечил решение всего поля нерешенных проблем и спорных вопросов. Достаточно вспомнить «кейнсианство», «институциональную теорию» и «поведенческую экономику», которые в той или иной степени отказались от ряда исходных положений маржиналистской теории и выделились в самостоятельные разделы современной экономической науки.

Не обеспечил маржинализм с его довольно жесткими постулатами и преодоление марксистской ортодоксии в отношении расходов патерналистского государства, где по-прежнему бал правит затратный подход. При этом сущностная для теории общественных финансов категория бюджетной субсидии так и не наполнилась обоснованным экономическим содержанием, создавая предпосылки для ее трактовки в виде полюбившейся бюрократам безвозмездной помощи государства.

В этом смысле одним из главных итогов выполненного исследования можно назвать смысловое наполнение понятия бюджетной субсидии, полученное на основе модифицированной модели равновесия Викселя—Линдаля применительно к опекаемым благам. Следует особо отметить, что построение такой модели стало возможным в результате объединения маржиналистской концепции предельной полезности с идеями теории опекаемых благ, принципиальным отличием которых является их способность удовлетворять интересы как отдельных индивидуумов, так и общества в целом, в качестве носителя которых выступает патерналистское государство.

К этому добавлю, что подобное «теоретическое слияние» потребовало отказаться от одного из самых жестких постулатов маржинализма, опирающегося на «методологический индиви-

дуализм». Допущение в соответствии с теорией опекаемых благ наличия несводимого к индивидуальным предпочтениям общественного интереса и, тем самым, функции социальной полезности государства принципиально меняет содержание равновесия для опекаемых благ. Собственно, это равновесие и определяет содержание бюджетной субсидии как денежного выражения социальной полезности опекаемых благ.

Следствием этого теоретического вывода, вытекающего из модифицированной модели равновесия Векселя—Линдаля, и еще одним важным итогом выполненного исследования, является новаторская «Концепция совокупного дохода» производителей опекаемых благ, который определяется как сумма доходов производителей этих товаров и услуг от их рыночных продаж и бюджетной субсидии. При этом введение в научный оборот категории «совокупный доход» потребовало решить проблему суммирования его разных составляющих. Речь идет о методологии и методике построения композитного индекса цен, разработку которых назову в качестве еще одного итога исследования.

Пожалуй, наиболее важным результатом с точки зрения практики является предложенная в работе нормативная модель бюджетной субсидии, основой которой является оценка социальной полезности опекаемых благ. С учетом ее нормативной природы в работе представлено теоретическое обоснование трех нормативных условий и выведены соответствующие уравнения для модельных расчетов величины бюджетной субсидии с использованием фактических данных ведомственной статистики за период 2009–2019 гг. В результате выполненных расчетов сделан вывод о недофинансировании театров — особенно в период после майских указов 2012 г. — в объеме от 7 до 24%.

Подчеркну еще раз — в основе оценки социальной полезности всегда будут лежать нормативные установки. Поэтому исключительно важно, чтобы используемые в такой оценки нормы отражали содержательные интересы общества и не были результатом произвола бюрократических решений.

ЛИТЕРАТУРА

- Источники роста производительности труда после шоков 1998 и 2008 годов в России в контексте перспектив восстановления экономики после кризиса COVID-19 / Отв. ред. И.Б. Воскобойников (2020). М.: Изд. дом ВШЭ.
- Капелюшников Р.И. (2021). Отдача от образования в России: ниже некуда? // Вопросы экономики. № 8. С. 37–68.
- Культурная деятельность в контексте. Экономическая теория, институциональная среда, социологические измерения / под ред. А.Я. Рубинштейна. (2019). СПб.: Алетейя.
- Лукьянова А.А. (2003). Переход к постиндустриальному обществу. Исследование занятости в сервисном секторе экономики РФ. М.: ЕЕРС.
- Механизмы российского рынка труда / Под общ. ред. Е.Т. Гурвича, Е.С. Вакуленко (2016). М.: Издательский дом «Дело».
- Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшниковой, С.Ю. Рощина (2017). М.: Высшая школа экономики.
- Рубинштейн А.Я. (2008). Экономика общественных предпочтений. Структура и эволюция социального интереса / А.Я. Рубинштейн. СПб.: Алетейя.
- Рубинштейн А.Я. (2009). К теории рынков опекаемых благ. Статья 1. Опекаемые блага и их место в экономической теории // Общественные науки и современность. №1. С. 139–153.
- Рубинштейн А.Я. (2010). Рождение теории. Разговоры с известными экономистами. М.: ЗАО «Издательство «Экономика».
- Рубинштейн А.Я. (2012). Опекаемые блага в сфере культуры: признаки и последствия «болезни цен». М.: ИЭ РАН.
- Рубинштейн А.Я. (2017). Могут ли исполнительские искусства быть прибыльными? // Вопросы теоретической экономики. №1. С. 88–108.
- Рубинштейн А.Я. (2018). Теория опекаемых благ: Учебник. СПб.: Алетейя.
- Рубинштейн А.Я. (2020). «Мнимый больной» или каким должно быть финансирование опекаемых благ // Экономический журнал Высшей школы экономики. Т. 24. № 3. С. 434–464.
- Рубинштейн А.Я. (2021). Концепция совокупного дохода в экономической теории государства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 3. С. 126–145.
- Рубинштейн А.Я., Славинская О.А. (2018). О новом подходе к финансовому обеспечению государственного задания организациям искусства // Вопросы государственного и муниципального управления. №4. С. 32–60.

- Симачев Ю.В., Кузык М.Г., Федюнина А.А., Юревич М.А., Зайцев А.А. (2020). Факторы роста производительности труда на предприятиях несырьевых секторов российской экономики. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Тамбовцев В.Л. (2012). Причины «болезни издержек» Баумоля: низкая производительность или культурные стереотипы? // Журнал новой экономической ассоциации. №2(14). С. 32–34.
- Экономическая теория государства: новая парадигма патернализма / Под ред. А.Я. Рубинштейна, А.Е. Городецкого, Р.С. Гринберга (2020). СПб.: Алетейя.
- Arrow K. J.; Debreu, G. (1954). Existence of an equilibrium for a competitive economy // *Econometrica*. Vol. 22. No. 3. Pp. 265–290.
- Baumol W. (1965). *Welfare Economics and the Theory of the State*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Baumol W. (1967). Macroeconomics of Unbalanced Growth: The Anatomy of Urban Crisis // *American Economic Review*, January. Pp. 415–426.
- Baumol W. (1987). Performing Arts. In: *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*. Edited by John Eatwell, Murray Milgate and Peter Newman. London and Basingstoke: Macmillan.
- Baumol W.J., Bowen W.G. (1966). *Performing Arts: The Economic Dilemma*. New York: The Twentieth Century Fund.
- Corrado C., Hulten C., Sichel D. (2005). Measuring Capital and Technology. In: C. Corrado, J. Haltiwanger, D. Sichel (eds.). *Measuring Capital in the New Economy (National Bureau of Economic Research Studies in Income and Wealth. Vol. 65)*. Chicago: The University of Chicago Press. Pp. 11–14.
- Easterly W., de Melo M., G. Ofer G. (1994). Services as a Major Source of Growth in Russia and Other Former Soviet States, World Bank Policy Research Paper No. 1292, April.
- Felton M.V. (1994). Historical Funding Patterns in Symphony Orchestras, Dance, and Opera Companies, 1972–1992 // *Journal of Arts Management, Law and Society*. Vol. 24. Pp. 8–31.
- Fernandez R., Palazuelo E. (2012). European Union Economies Facing ‘Baumol’s Disease’ within the Service Sector // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. Vol. 50. Issue 2. Pp. 231–249. March.
- Fuchs V. (1980). Economic Growth and the Rise of Service Employment, NBER Working Paper No. 486.
- Ginsburgh A., Throsby D. (eds.) (2006). *Handbook on the Economics of Art and Culture*. North-Holland.

- Globerman S., Book S.H.* (1974). Statistical Cost Function's for Performing Arts Organisations // *Southern Economic Journal*. Vol. 40. Pp. 668–671.
- Heilbrun J.* (2003). Baumol's cost disease. In: *Towse R.* (ed.). *A handbook of cultural economics*. Cheltenham: Edward Elgar. Pp. 91–101.
- Lindahl E.* (1919). *Die Gerechtigkeit der Besteuerung. Eine Analyse der Steuerprinzipien auf Grundlage der Grenznutzentheorie*, translated by E. Henderson as: *Just Taxation – a positive Solution*. In: *Musgrave R.A., Peacock A.T.* (eds.). *Classics in the Theory of Public Finance*. London: MacMillan, 1958, 4th Impression 1967. Pp. 168–176.
- Musgrave R.A.* (1937). *The Theory of Public Finance and the Concept of "Burden of Taxation."* PhD diss. Harvard University.
- Musgrave R.A.* (1959). *The Theory of Public Finance*. N.Y. – London: McGraw-Hill.
- Neck R., Getzner M.* (2007). Austrian Government Expenditures: "Wagner's Law" Or "Baumol's Disease"? // *International Business & Economics Research Journal (IBER)*. Vol. 6. No. 11. Pp. 49–66.
- Nordhaus W.* (2008). Baumol's Diseases: A Macroeconomic Perspective, *Contributions to Macroeconomics* // *Berkeley Electronic Press*. Vol. 8(1).
- Ofer G.* (1973). *The Service Sector in Soviet Economic Growth. A Comparative Study*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Pomp M., Vujic S.* (2008). Rising health spending, new medical technology and the Baumol effect. CPB Netherlands Bureau for Economic Policy Analysis, December.
- Samuelson P.A.* (1954). The Pure Theory of Public Expenditure // *Review of Economics and Statistics*. Vol. 36. No. 4. Pp. 387–389.
- Schwarz S., Greenfield H.J.* (1981). The Facts First: A Reply to Baumol and Baumol // *Journal of Cultural Economics*. Vol. 5. No. 2. Pp. 85–87.
- Schwarz S., Peters M.* (1983). *Growth of Arts and Cultural Organizations in the Decade of the 1970s, a study prepared for the Research Division, National Endowment for the Arts*. Rockville, MD: Informatics General Corporation.
- Soloveichik Rachel* (2010). Artistic Originals as a Capital Asset // *American Economic Review*. Vol. 100. No. 5. Pp. 110–114.
- Towse R.* (ed.) (1997a). *Cultural Economics: The Arts, the Heritage and the Media Industries*. Vol. II. Cheltenham, UK and Lyme, US: Edward Elgar.
- Towse R.* (ed.) (1997b). *Baumol's Cost Disease: The Arts and Other Victims*. Cheltenham, UK and Lyme, US: Edward Elgar.

Ю.А. Варламова

КФУ, г. Казань

МАРЖИНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ¹

Маржинальный анализ, или использование предельных величин в микроэкономике, является базовым при определении потребительского выбора, нахождении точки безубыточности для производства, функций спроса на блага и его предложения. Предельная производительность фактора производства, в том числе и труда, служит основой для принятия фирмой решения о дополнительных единицах его использования. Господство маржинального анализа при моделировании экономического поведения хозяйствующих субъектов прослеживается на протяжении конца XIX—XX вв. Базовые модели общего и частного равновесия связаны с именами А. Маршалла, Л. Вальраса, ценовой дискриминацией А. Пигу. Возникают вопросы: актуальны ли положения маржиналистской теории в XXI в., применим ли маржиналистский подход к анализу рынка в условиях цифровой трансформации. В настоящее время эволюция человеческой цивилизации привела к активному внедрению искусственного интеллекта (artificial intelligence, далее – AI), Интернета вещей, робототехники в производственные процессы (PwC, 2018a). Однако

-
1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 20-010-00663 «Эволюция модели экономического поведения индивида и домохозяйства в условиях цифровой трансформации»).

цифровизация затрагивает не только бизнес-процессы, но и повседневную деятельность людей, меняет архитектуру экономических отношений.

Масштабность и глубина преобразований, затрагивающих различные сферы жизнедеятельности людей, неоднократно подчеркивались руководителями государства. Изменения, происходящие в эпоху цифровой трансформации, сравнимы с технологическими революциями — «с теми прорывными преобразованиями, которые на разных исторических этапах позволяли России сделать серьезный шаг вперед, укрепить свою позицию в мире. В их ряду — строительство железных дорог в конце XIX века или электрификация страны первой половины XX века»². Существенным отличием нового этапа цифровизации — Индустрия 4.0 — от предыдущего является сквозная оцифровка и интеграция данных в бизнес-процессы: разработку и предложение цифровых продуктов и услуг, управление активами с помощью цифровых приложений, всей операционной деятельности фирмы с фокусировкой на выстраивание партнерских отношений и оптимизацию работы с клиентами (Шваб, 2016; PwC, 2018a). Следовательно, цифровые технологии способствуют ускорению обработки запросов клиентов, что создает условия для их персонализации, учета их индивидуальных предпочтений, а в дальнейшем приводит к трансформации потребительского рынка и изменению поведения экономических агентов.

Главный вопрос, ответ на который предлагается найти в ходе проводимого исследования, — применим ли маржинальный анализ для характеристики поведения хозяйствующих субъектов в условиях цифровой трансформации. Основными методами теоретического исследования являются общенаучные: индукция; синтез; анализ.

2. Заседание Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам // Официальный сайт Президента России. 5 июля 2017 г. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54983> (дата обращения: 20.11.2021).

Цифровая трансформация в первую очередь затрагивает бизнес-процессы, следовательно, сторону предложения товаров и услуг. Поведение фирмы в период данной трансформации диктуется необходимостью осуществления значительных инвестиций в развитие и внедрение цифровых технологий, модификации бизнес-процессов с учетом современных технологий сбора, обработки и хранения данных. В то же время основная цель конкурентной фирмы в данных условиях остается прежней – максимизация прибыли. В этой связи следует проанализировать факторы производства, лежащие в основе формирования предложения фирмы и ее производственных издержек.

Среди данных факторов следует выделить следующие: труд; капитал; земля; информация. Для фирм, полностью функционирующих в цифровой среде (далее – цифровые фирмы), не будет существовать ограничений по неэластичному предложению земли, природных ресурсов. Использование труда как фактора производства претерпевает существенные изменения в период автоматизации, роботизации, внедрения Интернет-вещей и искусственного интеллекта.

Для начала проанализируем, применим ли закон убывающей отдачи переменного фактора производства. Исследуемый закон в трудах А. Маршалла первоначально касался сельского хозяйства, но затем был перенесен на промышленное производство (Маршалл, 1993). Дж. Кларк, давая определение понятию «предельная производительность труда», описывал ситуацию, когда при постоянных объемах капитала и неизменном уровне техники, наем дополнительного работника приведет к падению производительности труда. Соответственно, такой наем будет осуществляться до тех пор, пока выгоды от производства дополнительной продукции не будут покрывать дополнительные издержки. Эту ситуацию характеризует предельная производительность труда (Hicks, 1932).

Применимость данного закона в практике промышленного производства неоднократно подвергалась критике (He et al., 2012). Было отмечено, что технология производства

предполагает использование его факторов в определенной пропорции, и увеличение переменного фактора – как правило, труда – продиктовано производственными процессами, а недоукомплектованностью на начальном этапе производства (Филиппов и др., 2015).

В условиях цифровой трансформации появление роботов (non-humanoid robots), искусственного интеллекта можно охарактеризовать двояко. С одной стороны, роботов можно рассматривать как рабочую силу, обладающую способностями к труду и имеющую определенные отличительные характеристики от работников-людей. С другой – роботы и интеллектуальные системы, несмотря на более высокую производительность труда, не получают заработной платы. При этом для фирмы использование труда роботов и внедрение интеллектуальных систем сопряжено с дополнительными инвестициями. Следовательно, роботов следует рассматривать как капитал фирмы, вложение в который сопровождается определенной отдачей. В контексте автоматизации и робототизации труд перестает быть основным фактором производства для цифровых фирм и происходит смещение акцента в пользу капитала. Еще в 1952 г. В. Леонтьев предсказывал, что «труд станет все менее и менее важным... Все больше и больше рабочих будет заменено машинами. Я не вижу новых отраслей, которые смогут нанять всех, кто захочет найти работу» (Leontief, 1952).

Следует предположить, что закон убывающей отдачи будет ограничен для производственных операций, использующих в качестве рабочей силы роботов и искусственный интеллект. Роботизация и автоматизация процессов производства, внедрение AI делают возможным рост предельного продукта их труда без достижения им точки максимума. Следовательно, производительность растет, однако она не совпадает с понятием производительности труда в традиционном смысле, поскольку робот или интеллектуальная система не являются работниками фирмы, а выступают в качестве совершенствования технологии производства. Производительность труда

как статистический показатель будет увеличиваться за счет как роста объема производства, так и сокращения количества работников.

Существенные изменения на рынке труда в связи с цифровой трансформацией бизнеса затронут положение рабочей силы. Оценки экспертов свидетельствуют о сокращении 85 млн рабочих мест к 2025 г. из-за автоматизации и разделения труда между людьми и машинами. Рабочие места в таких сферах, как ввод данных, бухгалтерский учет и административная поддержка, становятся все менее востребованными по мере роста автоматизации и оцифровки. В отличие от предыдущих лет создание рабочих мест замедляется, а их сокращение ускоряется. Также прогнозируется, что к 2025 г. среднее рабочее время, затраченное человеком и машиной, будет одинаковым. Алгоритмы и машины будут в первую очередь ориентированы на задачи обработки и поиска информации, выполнение административных задач и отдельных аспектов традиционного ручного труда. Области, в которых, как предполагается, люди сохраняют свое сравнительное преимущество, включают: управление, консультирование, принятие решений, общение и взаимодействие (World Economic Forum, 2020). Цифровизация сопровождается не только сокращением рабочих мест для людей и постепенной заменой их на роботов, но и появлением новых профессий, связанных с управлением интеллектуальными системами. В исследовании, проведенном на примере стран Европы, было показано, что в краткосрочном периоде информационные технологии не оказывают значительного влияния на показатель численности персонала на уровне фирм (Pantea et al., 2017). Однако на макроуровне ситуация выглядит несколько иначе: как показывает эмпирическое исследование на примере США, внедрение промышленных роботов приводит к негативным последствиям на рынке труда — каждый дополнительный робот на тысячу рабочих сокращает уровень занятости населения примерно на 0,18–0,34 п.п. и снижает уровень заработной платы на 0,25–0,5% (Acemoglu, Restrepo, 2020).

Использование промышленных роботов на заводах по всему миру значительно возросло: если в 2015 г. приходилось 66 роботов на 10 000 сотрудников, то в 2020 г. в обрабатывающих отраслях – 126 роботов. Тенденции проникновения роботов отражают возрастающий спрос со стороны промышленных предприятий. В период 2005–2008 гг. среднегодовое количество проданных роботов составляло около 115 000 ед. Далее глобальный экономический кризис 2008–2009 гг. сменил возрастающий тренд на нисходящий, поскольку предприятия заморозили инвестиции до лучших времен. Но уже к 2010 г. общее количество проданных роботов превзошло докризисные показатели. За период 2015–2020 гг. средний темп прироста количества установленных промышленных роботов составил 9% ежегодно, а накопленный запас в 2020 г. – 3014879 ед., несмотря на пандемию и замедление мировой экономики. К промышленным роботам следует добавить роботов в сфере услуг (далее – сервисные роботы). Рынок профессиональных сервисных роботов вырос в 2020 г. на 12%, и его капитализация составила 6,7 млрд долл. США. Пандемия положительно повлияла на рынок, создала новые возможности и дополнительный спрос на некоторые приложения сервисных роботов, например профессиональную уборку (IFR, 2021). Прогнозируется, что в краткосрочной перспективе продолжится повышательный тренд на внедрение роботов как в промышленном производстве, так и в сфере услуг.

Пределные издержки в условиях замены физического труда искусственным интеллектом теряют ключевую позицию при определении индивидуального предложения фирмой товаров и услуг. Фирма осуществляет первоначальные капитальные вложения во внедрение цифровых технологий в производственные процессы – так называемые постоянные невозвратные издержки (*fixed sunk costs*) – и получает доход, который характеризуется отдачей от инвестиций, – ROI (*return on investment*). По мнению руководителей крупных корпораций, инвестиции в новые технологии и цифровые

экосистемы приведут к росту доходов на 15% в течение следующих пяти лет (PwC, 2018a. P. 7).

Цифровая трансформация приводит к росту производительности труда, снижению операционных затрат, экономии производственных ресурсов. Сокращение производственных расходов как одна из стратегических целей цифровой трансформации происходит благодаря уменьшению таких из них, которые связаны с цифровым поиском, воспроизведением, транспортировкой, контролем и проверкой процессов хозяйственной деятельности (*Goldfarb, Tucker, 2019*). При этом осуществляется трансформация структуры добавленной стоимости в результате внедрения высокотехнологичной, цифровой и интеллектуальной составляющей (*Зубрицкая, 2019*). Цифровые технологии открывают возможности для фирм в увеличении добавленной стоимости.

Чем отличаются цифровые рынки от традиционных? Современный маркетинг по своей сути и задумке тяготеет к рынкам совершенной конкуренции. Если в классических учебниках по микроэкономике подчеркивалось, что модель совершенной конкуренции является идеальной, поскольку в реальной экономике ее существование невозможно, то с созданием и активной деятельностью цифровых платформ их характерные черты во многом отвечают предпосылкам данной конкуренции. С момента появления eBay, Amazon стали говорить о совершенно конкурентных цифровых рынках. Следует остановиться более детально на вопросе, какие черты свойственны цифровым рынкам. Для них характерны: эффект масштаба (*economies of scale*), сетевой эффект (*network effect*) и затраты на переключение (*switching costs*) (*Motta, Peitz, Schweitzer, 2022*). Эффект масштаба основывается на значительных невозвратных и низких предельных издержках цифровых фирм. Соответственно, невозвратные издержки (НИОКР, реклама) способны являться входным барьером для появления новых фирм на цифровом рынке. Согласно исследованию 2018 г., топ-100 компаний по расходам на НИОКР возглавила Amazon.com (22,6 млрд долл. США). При

этом компания «Яндекс» лидирует по доле затрат на НИОКР в общей выручке – 17% (PwC, 2018b). Значительные затраты на НИОКР приводят к тому, что на цифровых рынках остаются только крупные игроки. В качестве примера приведем компанию «Яндекс», доля которой на российском поисковом рынке (включая поиск на мобильных устройствах) в IV квартале 2020 г. составила в среднем 59,7%³. При этом доля компании Google на мировом рынке поиска – 60%⁴.

Сетевой эффект (*Katz, Shapiro, 1994*) в качестве последствий приводит к прямым и косвенным внешним эффектам – экстерналиям. Примером прямой экстерналии может служить участие в социальных сетях, объединенных общими пользовательскими контактами, косвенной – использование приложений и сервисов одной компании-производителя: Google-поиск и браузер Chrome. Сетевой эффект является основой для существования динамического эффекта масштаба, который проявляется в том, что нейронные сети, лежащие в основе бизнес-сервисов цифровых компаний, лучше обучаются на больших данных, соответственно, чем больше пользователей объединяет цифровой рынок, тем больше данных, что в свою очередь приводит к более точным соответствиям и рекомендациям, и тем выше полезность у участников сети.

Затраты на переключение основываются как на психологических, так и на транзакционных издержках. Пользователи iPhone продолжают покупать смартфоны, а участники социальных сетей не хотят переходить в другие, чтобы не потерять полезные ссылки и чаты. Психологические причины лежат в основе приверженности покупателей интернет-ритейлам и цифровым платформам. Наличие отличительных черт цифровых рынков позволяет сделать вывод об их тяготении к рынкам

-
3. Яндекс объявляет финансовые результаты за IV квартал 2020 года и 2020 год. Официальный сайт компании «Яндекс». https://yandex.ru/company/press_releases/2021/2021-02-16 (дата обращения: 05.01.2022).
 4. The United States Department of Justice (2020). Google complaint. <https://www.justice.gov/opa/pr/justice-department-sues-monopolist-google-violating-antitrust-laws> (date of access: 01/05/2022).

несовершенной конкуренции, в которых фирмы обладают рыночным преимуществом по отношению к конкурентам.

Взаимосвязь между рынками не сможет оставить потребительский рынок в изоляции. Цифровая трансформация непосредственно влияет на бизнес-процессы, т. е. на предложение товаров и услуг, и в меньшей степени на предпочтения потребителя и функцию его полезности. Однако стремительный рост предложения на потребительском рынке, его персонализация, одновременно с сокращением времени работы и увеличением времени досуга, будут приводить к трансформации потребительских ценностей и предпочтений. И если до замены физического труда искусственным интеллектом и робототехникой базой сравнения для альтернативных издержек был доход от трудовой деятельности, то в условиях замены труда человека будет потерян ориентир для определения стоимости товаров и услуг.

Ценообразование на рынке цифровых благ и услуг будет осуществляться на основе соотношения предельных полезностей благ и предельных издержек, введенных в экономическую теорию маржиналистами. Они исходили из субъективной оценки полезности блага потребителем — так называемой готовности платить. Соответственно стоимость цифровых благ будет определяться в первую очередь исходя из представления потребителей об их полезности.

Как изменится в условиях цифровой трансформации благосостояние потребителя? С одной стороны, внедрение цифровых технологий в долгосрочном периоде снижает издержки фирмы, что, в свою очередь, может привести к росту предложения благ и уменьшению их стоимости. Сокращение цены товаров массового потребления вызовет рост потребительского излишка. Одновременно высокотехнологичное производство создает условия для персонификации продукта, т. е. учета индивидуальных предпочтений потребителя. Следовательно, внедрение новых технологий приведет к росту маржинальной прибыли фирм за счет дифференциации продукта. С другой стороны, в условиях цифровой

среды фирма-монополист способна осуществлять ценовую дискриминацию. Для подобного рода продукта увеличение потребительского излишка возможно только за счет поддержания высокой конкуренции среди фирм-производителей, поскольку в цифровой среде им легче выявить предпочтения потребителей и воспользоваться раскрытием информации.

Остановимся более подробно на анализе поведения цифровой монополии и рассмотрим к каким последствиям для потребителя и общественного благосостояния приводит такая ситуация на рынке. Следует отметить, что маржинализм сменил классическую политическую экономику в 1870-е гг., в период, когда в экономике большее распространение стали получать монополистические формы хозяйствования. Предшественник маржиналистов, Ж. Дюпюи, ввел понятие денежного измерителя избытка полезности для потребителя — «ценового излишка». С его точки зрения, ценовой излишек является денежным измерителем максимально достижимого дохода, возникающего из-за возможности потребителя покупать каждую единицу товара при неизменной цене (Блауг, 1994). Анализ монополии традиционно связывают с понятием потребительского излишка, который может полностью переходить фирме-монополисту при проведении ею политики дискриминации. Классический подход к анализу ценовой дискриминации в экономической теории берет начало с работы представителя кембриджской школы А. Пигу, вышедшей в свет более 100 лет назад (*Pigou, 1920*).

В качестве цифровых монополий могут выступать не только фирмы-производители, но и посредники. Ярким примером являются цифровые платформы Google, Amazon, Яндекс, Uber, непосредственно не оказывающие услуги населению, но выступающие в роли посредников, которые соединяют продавцов и покупателей на цифровых рынках (*Internet-based match makers*). Цифровые платформы-посредники могут предоставлять свои услуги — цифровые блага — по нулевой цене для потребителя: примером служат поисковые запросы, сервисы по редактированию, хранению

и передачи информации. Одновременно клиенты цифровых платформ выступают потенциальной аудиторией для значительного количества фирм-производителей, готовых бороться за нового клиента, это – так называемый сетевой эффект. Соответственно, цифровые платформы оказывают фирмам услуги по предоставлению своей клиентской базы посредством различных сервисов (например, они размещают рекламу фирмы-производителя, контекстно привязанную к поисковому запросу пользователя).

Основная задача цифровой монополии состоит в поиске наилучших соответствий между потенциальным продавцом и покупателем (*matching*). Одновременно она обладает значительным объемом персональной информации о потребителе. Владея историей его поисковых запросов (*cookies*), данными о его местоположении, устройстве, совершенных покупках и операциях, фирма-монополист приобретает определенную рыночную власть и способна воздействовать на рыночную цену. В отличие от рынка совершенной конкуренции в ситуации с цифровой монополией мы получаем асимметричность информации: данная монополия обладает значительно большим ее объемом, чем другие участники рынка. Данные и получаемая из них информация также могут представлять из себя экономические блага, которые продаются и покупаются на рынке. Соответственно, обладание большей информацией и данными об индивидуальных предпочтениях потребителей приводит к тому, что монополия может проводить политику, направленную на установление определенной цены для конкретного покупателя или продавца, которая точно описывается как ценовая дискриминация.

Если цифровая монополия располагает полной информацией о предпочтениях потребителя, то она может проводить ценовую дискриминацию первого типа. В таком случае, используя персональные данные потребителя, цифровая монополия, воздействуя на цену, забирает весь общественный излишек, который мог бы возникнуть в случае совершенной конкуренции.

Выбор потребителя в данном случае включает решение о раскрытии или нераскрытии информации. С одной стороны, чем большее количество персональных данных потребитель предоставляет цифровой монополии, тем лучшего соответствия экономических благ и услуг сможет добиться монополия: например, подобрать товар, наиболее полно удовлетворяющий вкусам и потребностям потребителя. В этом случае полезность потребителя возрастает, кроме того, он экономит на транзакционных издержках. Таким образом, в ситуации, когда персональные данные и раскрытие информации используются монополией только для выполнения функции лучшего соответствия, потребительский излишек увеличивается, следование же стратегии сокрытия информации и защиты персональных данных, конфиденциальности будет приводить к ухудшению положения и благосостояния потребителя.

С другой стороны, противоположной выглядит ситуация, когда цифровая монополия использует персональные данные и личную информацию потребителя не только для поиска лучшего соответствия, но и для ценообразования. В случае раскрытия информации и нахождения соответствия между предпочтениями потребителя и экономическими благами цифровая монополия за счет установления более высокой цены способна забрать часть или весь излишек, возникающий на рынке. Если ситуация достигает степени полного раскрытия информации и идеального соответствия, потребители теряют свою информационную ренту, потребительский излишек и общественный излишки полностью переходят монополии (*Loertscher, Marx, 2020*). С точки зрения общественного благосостояния общественный излишек достигает своего максимума в случае полного раскрытия информации со стороны потребителя, при этом следует учесть, что он в определенных случаях может полностью переходить цифровой монополии.

Если рассмотреть ситуацию со стороны цифрового монополиста, то у него есть возможность выбора одной из двух стратегий поведения: отказ от использования информации о потребителе для проведения политики ценовой дискри-

минации и установления монопольной цены; осуществление ценовой дискриминации. Реализация цифровым монополистом недискриминационной стратегии побуждает потребителей раскрывать информацию полностью, что создает условия для поиска лучших рекомендаций и соответствий по товарам и услугам со стороны первого. В работе (Ichibashi, 2020) подробно обосновано, что в этом случае прибыль монополиста, получаемая благодаря точным соответствиям, может превысить прибыль, извлекаемую в ситуации ценовой дискриминации.

Интересно отметить, что в случае недискриминационной стратегии цифрового монополиста положение потребителя может ухудшиться по сравнению с ситуацией ценовой дискриминации. Это объясняется следующим образом. Если цифровой монополист проводит политику ценовой дискриминации, то потребитель скрывает некоторую информацию, принимая во внимание то, что ее раскрытие влияет на цену товара. При недискриминационной стратегии потребитель раскрывает достаточно много информации, не беспокоясь о том, что она может привести к росту цены. Тем не менее монополист, выбирая недискриминационную стратегию, понимает, что его прибыль зависит от лучших рекомендаций и соответствий. Считая, что потребитель может скрывать часть информации, что приведет к потере прибыли, монополист изначально устанавливает более высокие цены на свои товары и услуги, что будет способствовать увеличению потребительских расходов и ухудшению благосостояния потребителя (ibid.).

Результаты анализа поведения потребителя и цифрового монополиста находят подтверждение в практиках взаимодействия в цифровой среде. Во-первых, с точки зрения монополиста выгоднее придерживаться стратегии недискриминационной политики. Впервые о наблюдаемом феномене отсутствия ценовой дискриминации в Интернете упомянул А. Нараянан (Narayanan, 2013). Эмпирические исследования подтверждают существование этого феномена: экспериментаторы изучили около 2000 веб-сайтов электронной коммер-

ции и пришли к выводу, что интернет-ритейлы электронной торговли не осуществляют ценовую дискриминацию, основанную на личных данных (PDI-PD – personal data induced price discrimination) (*Iordanou et al.*, 2017).

Во-вторых, мы сталкиваемся с ситуацией, когда потребители не скрывают свои персональные данные от интернет-продавцов. На примере населения России, отмечаем, что только 3,3% опрошенных в возрасте 15–74 лет, не используют Интернет по причинам конфиденциальности и безопасности (Индикаторы цифровой экономики, 2021. С. 192). Исследование, проведенное в странах Европы, показывает, что 60% пользователей хотели бы раскрыть свою персональную информацию на интернет-сайтах для получения персональных предположений и скидок (*Deloitte*, 2020). Аналитики финансового поведения молодежи отмечают максимальную открытость молодых людей цифровой среде, которая может привести к мошенническим действиям со стороны третьих лиц и потерям благосостояния (*Малкина, Роговцев*, 2019). Раскрытие информации обосновано с точки зрения рациональности поведения в цифровой среде, однако оно может приводить к нежелательным последствиям, если не будет осуществляться с соблюдением повышенных требований к защите персональных данных со стороны продавца или цифровой платформы.

Персональные данные и персональная информация являются объектом интереса со стороны фирмы-монополиста. При сокрытии информации потребителем продавец теряет часть прибыли, потому что не может обеспечить соответствие между предпочтениями первого и предлагаемыми товарами, услугами. В таком контексте монополист будет готов приобрести персональные данные потребителя за определенную плату. В равновесии потребитель раскрывает информацию полностью, получая вознаграждение от цифрового монополиста, при этом последний будет проводить политику ценовой дискриминации и предлагать идеальные рекомендации по товарам и услугам (*Ichibashi*, 2020). Следовательно, созда-

ние рынка персональных данных приводит к двум последствиям. Во-первых, стимулирование раскрытия персональной информации будет повышать эффективность взаимодействия потребителя и цифровой фирмы с точки зрения более лучшего поиска соответствий товаров и услуг и предпочтений потребителя. Во-вторых, на рынке персональной информации цифровому монополисту выгодно придерживаться стратегии ценовой дискриминации и использовать персональные данные потребителя для решения вопросов ценообразования. Стратегия недискриминационной политики для монополиста не имеет смысла, так как в данном случае он платит потребителю за раскрытие информации.

Регулирование цифровой монополии становится острым и дискуссионным вопросом. К отрицательным последствиям ее существования относится переход потребительского излишка к фирме-монополисту. Если в этой связи вводить определенные ограничения, в том числе законодательные, на действия и функционирование монополии, стремиться поддерживать конкуренцию в цифровой среде, то можно добиться такой ситуации, что потребительский излишек не полностью, а частично будет переходить к монополисту. Однако у регулирования и ограничений по отношению к фирме-монополисту есть и обратная сторона. Как уже неоднократно отмечалось, цифровые инновации требуют значительных капитальных затрат, инвестиций на этапе разработки и запуска цифрового продукта, следовательно, чрезмерное вмешательство в рынок со стороны регулирующих органов может привести к сокращению прибыли монополиста, и, в свою очередь, — к ограничению объема производства, соответственно, и к более высокой цене.

В качестве негативных последствий деятельности крупных цифровых фирм можно назвать ограничения конкуренции, которые инициирует цифровая монополия. Во-первых, речь идет о входных барьерах на отдельные рынки, которые данная монополия создает отдельным фирмам-конкурентам на своей цифровой платформе благодаря тому, что

сама выступает посредником между покупателями и фирмами-производителями (например, кейс Googlevs Huawei). Во-вторых, цифровая монополия с помощью сделок по слиянию—поглощению способна усиливать свое доминирующее положение или завоевывать новые ниши (слияние Facebook, WhatsApp, Instagram или покупка компанией Яндекс Uber Russia, такси «Везет»).

В области законодательного регулирования принят ряд нормативно-правовых актов, способствующих защите персональных данных и информации. Под ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод подходит следующая персональная информация (Антопольский, 2019):

- персональные данные, включая отпечатки пальцев и образцы ДНК;
- личная информация;
- имя гражданина — в части защиты от опубликования его полностью, а в некоторых случаях даже только собственно имени лица, без указания его фамилии, если этого достаточно для идентификации;
- тайна связи (включая электронную почту и онлайн-коммуникации);
- право на собственное изображение.

На национальном уровне приняты законодательные акты, регулирующие взаимоотношения потребителей и цифровых фирм. Например, Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №152-ФЗ «О персональных данных» являются основными актами, регулирующими использование персональной информации и персональных данных на территории Российской Федерации. Новый европейский Общий регламент по защите данных (General Data Protection Regulation) вступил в силу 25 мая 2018 г. Европейский суд руководствуется данным регламентом при рассмотрении дел, связанных с Интернетом. Дела, посвященные тематике Интернета и защите прав человека в цифровой среде, акту-

ализируются. В соответствии с исследованием, проведенным по материалам официального сайта Европейского суда по правам человека, по состоянию на конец мая 2019 г. им было рассмотрено около 2,5 тыс. дел, где упоминается Интернет, в том числе тех, в которых ответчиком выступала Российская Федерация, – свыше 100; коммуницировано более 400 жалоб, из них 112 – против России (там же. С. 162).

Антимонопольное регулирование цифровых рынков представлено как частными случаями, когда физическое лицо выступает против цифровой компании (например, дело гражданина Испании к компании Google об изъятии из результатов поиска личных сведений – право на забвение) (там же. С. 170), так и публичными исками антимонопольного регулятора в отношении цифровых компаний. Широко обсуждалось дело против компании Google, которое было начато Европейской комиссией в 2010 г. и закончено только в 2017 г. Суть кейса заключалась в добавлении кнопки «Shopping» в поисковике Google, что привело к выраженным предпочтениям товаров, рекомендованных службой сравнения Google, по сравнению с другими фирмами-производителями. Собственная система сравнения товаров Google была построена по другим правилам и приводила к тому, что товары фирм-конкурентов появлялись только на 4–5 странице поиска. Решение Европейской комиссии привело к штрафу, наложенному на компанию Google в размере 2,4 млрд евро в 2017 г. (*Motta, Peitz, Schweitzer, 2022*). Данный кейс является одним из наиболее ярких примеров использования цифровой платформы для монополистического дискриминационного воздействия. При этом дискриминация проявляется в отношении не только покупателей товаров и услуг, но и фирм-производителей, которые выступают в роли рекламодателей на цифровой платформе и одновременно покупателей услуг цифровой монополии.

Следует обратить внимание на ряд моментов, которые не позволяют регулировать цифровые рынки с помощью традиционных подходов к антимонопольному законодательству. Во-первых, для того чтобы оценить доминирующее положе-

ние одной фирмы на цифровом рынке, требуется значительное время. Во-вторых, действия антимонопольного регулятора носят прецедентный, или кейсовый, характер, т. е. они не решают проблему несовершенства рынка, а анализируют конкретный случай. В-третьих, между цифровой фирмой и регулирующим органом наблюдаются асимметричность информации и неравенство технических возможностей: последний значительно уступает в техническом оснащении технологическим гигантам, поведение которых он предположительно должен оценить. Цифровые фирмы работают с большими данными, передача доступа к которым зачастую технически сложный процесс. Более того, чтобы понять дискриминирует или не дискриминирует цифровая фирма, необходимо получить доступ к алгоритмизации ее бизнес-процессов, что является конфиденциальной информацией, к которой у регулирующего органа нет доступа. Таким образом, технические возможности регулирующего органа должны по своему уровню не уступать уровню обработки данных основными участниками цифрового рынка. В качестве альтернативного подхода к регулированию цифровых рынков предлагается проведение исследований рынков (*market investigations*), которые способны дополнить антимонопольное законодательство (более подробно см.: *(Motta, Peitz, Schweitzer, 2022)*).

* * *

Проведенное исследование показывает, что принципы маржинального анализа, выступающие мейнстримом микроэкономического анализа на протяжении столетия, являются актуальными для исследования функционирования цифровых рынков и поведения на них основных экономических агентов. Данные рынки имеют ряд специфических черт (сетевой эффект, невозвратные издержки, посредник–цифровой монополист), которые дают основания для выделения особенностей в их функционировании и поиска адекватных теоретических моделей, которыми они могут быть формализованы. Проведенный анализ поведения цифровой монополии может

иметь более широкое распространение и применительно к нецифровой монополии.

Стоит согласиться с высказыванием М. Блауга, в котором он подчеркивает содержательную сторону маржинализма: «...предельный анализ как таковой переходит на второй план, а то, что выдвигается на первый план, — это принцип, что экономическое поведение есть максимизирующее поведение при наличии ограничений» (Блауг, 1994). Следовательно, специфика маржиналистского подхода к анализу взаимодействия экономических агентов состоит в принятии решений на основе сравнения альтернатив и в условиях ограниченных ресурсов. Цифровая трансформация способна сделать существенный прорыв в увеличении производственной мощности мировой экономики, создав товары и услуги для удовлетворения потребностей индивидов. При этом в цифровой среде физических ограничений становится меньше, однако эффект масштаба, сетевой эффект и издержки переключения способствуют распространению рынков несовершенной конкуренции. Принцип максимизации прибыли, или полезности, остается основным фактором поведения экономических агентов в цифровой среде.

Как показывает проведенное исследование, применение маржиналистского подхода к анализу изменений, происходящих на уровне фирмы в период цифровой трансформации, позволяет выделить следующие тенденции: с одной стороны, сокращение переменных и предельных издержек, с другой — ожидание доходности от внедрения технологических инноваций, которые выступают невозвратными издержками. В совокупности цифровая трансформация способна привести к количественному и качественному увеличению предложения товаров и услуг и персонализированному удовлетворению потребностей индивидов. В то же время она не исключает развитие рынков с несовершенной конкуренцией и асимметричной информацией, что в свою очередь приводит к перераспределению потребительского и общественного излишка в пользу фирмы-производителя.

ЛИТЕРАТУРА

- Антопольский А.А.* (2019). Права человека и Интернет: практика Европейского суда по правам человека // Труды Института государства и права Российской академии наук. Т. 14. №2. С. 159–185.
- Блауг М.* (1994). Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд.
- Зубрицкая И.А.* (2019). Анализ мирового опыта цифровой трансформации промышленности: институциональная модель // Цифровая трансформация. №1 (6). С. 21–35. <https://doi.org/10.38086/2522-9613-2019-1-21-35>.
- Индикаторы цифровой экономики: статистический сборник (2021) / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневецкий, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ.
- Малкина М.Ю., Рогачев Д.Ю.* (2019). Влияние личностных характеристик на финансовое поведение молодежи // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). Т. 11. №3. Рр. 135–152.
- Маршалл А.* (1993). Принципы экономической науки. В 3 т. М.: Издательская группа «Прогресс».
- Филиппов В.С., Шкалаберда А.И., Юсим В.Н.* (2015). Законы предложения и убывающей отдачи и реалии современной экономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. №3. С. 14–26.
- Шваб К.М.* (2016). Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо.
- Acemoglu D., Restrepo P.* (2020). Robots and jobs: Evidence from US labor markets // Journal of Political Economy. Vol. 128. No. 6. Pp. 2188–2244.
- Bergemann D., Brooks B., Morris S.* (2015). The Limits of Price Discrimination // American Economic Review. Vol. 105. No. 3. Pp. 921–957. doi:10.1257/aer.20130848. ISSN 0002-8282.
- Deloitte* (2020). Cookie Benchmark study. <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/nl/Documents/risk/deloitte-nl-risk-cookie-benchmark-study.pdf>
- Goldfarb A., Tucker C.* (2019) Digital Economics // Journal of Economic Literature. Vol. 57. No. 1. Pp. 3–43.
- He Y., Gong X., Zhao G.* (2012). Criticism on Neoclassical Firm Theory and Supply Theory Research // Social Science Research Network. <http://ssrn.com/abstract=2177372>.
- Hicks J.R.* (1932). Marginal productivity and the principle of variation // *Economica*. Vol. 35. Pp. 79–88.
- Ichihashi S.* (2020). Online Privacy and Information Disclosure by Consumers // American Economic Review. Vol. 110. No. 2. Pp. 569–595. DOI: 10.1257/aer.20181052.

- IFR (2021). World Robot Report 2021. International Federation of Robotics https://ifr.org/img/worldrobotics/Executive_Summary_WR_Industrial_Robots_2021.pdf.
- Iordanou C., Soriente C., Sirivianos, M., Laoutaris N.* (2017). Who is fiddling with prices?: Building and deploying a watchdog service for e-commerce. In: Proceedings of the Conference of the ACM Special Interest Group on Data Communication. Pp. 376–389, ACM.
- Katz M.L., Shapiro C.* (1994). Systems competition and network effects // Journal of Economic Perspectives. Vol. 8. No. 2. Pp. 93–115.
- Leontief W.* (1952). Machines and man // Scientific American. Vol. 187. No. 3. Pp. 150–164.
- Loertscher S., Marx L.M.* (2020). Digital monopolies: Privacy protection or price regulation? // International Journal of Industrial Organization. Vol. 71. #102623 <https://doi.org/10.1016/j.ijindorg.2020.102623> 0167-7187.
- Motta M., Peitz M., Schweitzer H.* (eds.) (2022). Market Investigations. Cambridge: Cambridge University Press.
- Narayanan A.* (2013). Online price discrimination: conspicuous by its absence. <https://33bits.wordpress.com/2013/01/08/online-price-discrimination-conspicuous-by-its-absence/>.
- Pantea S., Sabadasb A., Federico B.* (2017). Are ICT displacing workers in the short run? Evidence from seven European countries // Information Economics and Policy. Vol. 39. Pp. 36–44. <https://doi.org/10.1016/j.infoecopol.2017.03.002>.
- Pigou A.* (1920). The Economics of Welfare. London: Macmillan.
- PwC (2018a). Global Digital Operations 2018 Survey. <https://www.strategyand.pwc.com/industry4-0> (date of access: 23.03.2020).
- PwC (2018b). The Global Innovation 1000 study. <https://www.strategyand.pwc.com/gx/en/insights/innovation1000.html> (date of access: 01/05/2022).
- World Economic Forum (2020). The Future of Jobs Report 2020. Geneva: World Economic Forum. 20 October.

Я.С. Ядгаров

ФинУ при Правительстве РФ, г. Москва

**МАРЖИНАЛИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ –
НАЧАЛО СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ
В РАЗВИТИИ МИРОВОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**

В последней трети XIX в. в экономической науке свершилась маржиналистская революция, способствовавшая появлению инструментария предельного анализа и вытеснению исследовательской парадигмы классической политической экономии возникшими в течение этого периода субъективно-психологическим и затем неоклассическим направлениями мировой экономической мысли. Указанная метаморфоза в развитии мировой экономической мысли тесно связана с творческим наследием лидеров первого (1870–1880-е гг.) и второго (1990-е гг.) этапов маржиналистской революции и их многочисленных адептов.

Исследователи и первой, и второй волны (этапов) сформировавшейся маржиналистской исследовательской парадигмы, широко используя в рамках предельного экономического анализа математический инструментарий (дифференциальные исчисления, графические построения и схемы), способствовали переоценке ряда ортодоксальных теоретико-методологических ценностей классической политической экономии, обусловив начало последующих современных тенденций в развитии мировой экономической мысли. Благодаря этому у нового поколения ученых-экономистов появилась возможность аргументировать правомерность признания

того факта, что отныне экономическая наука обрела необходимые признаки не только самостоятельной, но и одной из точных отраслей человеческих знаний.

Вышесказанное можно соотнести с многообразными составляющими методологического и теоретического характера, проявившими себя в сочинениях тех исследователей, с которыми ассоциируются два таких триумвирата на рубеже XIX — начала XX столетий, как субъективно-психологический (К. Менгер — У. Джевонс — Л. Вальрас) и неоклассический (А. Маршалл — Дж. Кларк — В. Парето). Благодаря этим ученым и их единомышленникам в научный оборот вошли весьма значимые для современной экономической науки теоретико-методологические нововведения:

1) *начиная с 1870–1880-х гг. XIX в.:*

- применение принципиально новых методов экономического анализа, позволяющих определить предельные величины и, прежде всего, предельную полезность, для характеристики происходящих изменений в явлениях (в то время как классики довольствовались характеристикой сущности экономического явления на базе средних или суммарных величин);
- осмысление стоимости (рыночных цен) на основе концепции предельной полезности, позволяющей механизм ценообразования увязывать с потреблением продукта, т. е. изменением потребности в нем при добавлении его единицы (в то время как у классиков формирование стоимости считается возможным в сфере производства и увязывается с издержками на труд либо с совокупными издержками производства);

2) *начиная с 1890-х гг. XIX в.:*

- рассмотрение экономики как системы взаимозависимых хозяйствующих субъектов, распоряжающихся хозяйственными благами, — материальными, финансовыми и трудовыми ресурсами (в то

время как классики рассматривают экономику тенденциозно, полагая, что сфера производства первична по отношению к сфере обращения);

- предпочтение каузальному (причинно-следственному) методу классической политической экономии функционального (в том числе системного) метода анализа экономических явлений;
- обособление микроэкономики в самостоятельный раздел экономической науки и формирование ставшего альтернативой классической политической экономии неоклассического направления экономической мысли;
- использование в рамках экономического анализа концептуальных положений о «репрезентативной фирме», «равновесной цены» и «потребительского излишка» А. Маршалла;
- возникновение учения о «статике и динамике» и обоснование методологических основ оптимизации издержек производства исходя из «закона предельной производительности» Дж.Б. Кларка и понятия «оптимум Парето» на базе паретианской модели (с использованием «кривых безразличия») максимизации общественной полезности и прибыли;
- обоснование функциональной взаимосвязи между понятиями «спрос», «предложение» и «цена» и двухкритериальной сущности стоимости, выявление факторов, обуславливающих эластичность спроса (А. Маршалл);
- совершенствование концепции макроэкономического моделирования лозаннской школы посредством применения ординалистского метода выявления потребительских предпочтений и использования «кривых безразличия» (В. Парето).

Теоретико-методологические нововведения маржиналистской революции стали решающей предпосылкой в про-

цессе преодоления проявлявших себя почти два столетия многообразных бездоказательных одиозных сентенций классической политической экономии (Автономов, 1998; Ядгаров, 2020). Ведь опираясь на них и руководствуясь ими, классики ставили во главу угла своих изысканий ортодоксальные и догматические по своей сути умозаключения о неких «объективных законах», принципах «чистой науки», совершенной конкуренции и саморегулирующейся экономики, затратном происхождении стоимости товаров, каузальном и классовом подходах к осмыслению механизма формирования и распределения доходов в обществе.

Новаторские творческие составляющие исследовательской парадигмы маржинализма, очевидные в конкретных научно-практических достижениях представителей названных выше триумvirатов, обусловили не только в кратковременном периоде последних 30 лет XIX в. Результаты новаций маржиналистской революции фактически предопределили и все последующие свершения в новейшей истории мировой экономической мысли, т. е. на всем протяжении XX — начала XXI в. В данном контексте речь идет о нынешнем общепринятом теоретико-методологическом исследовательском инструментарии, используемом адептами ставшего впоследствии альтернативой раннему неоклассицизму социально-институционального направления экономической мысли (институционализма), а также приверженцами кейнсианских и неолиберальных теорий государственного регулирования экономики.

Ярким примером тому служит то, что для современных ученых-экономистов — приверженцев различных альтернативных исследовательских парадигм — неотъемлемыми и бесспорными исходными составляющими в их изысканиях были и остаются многие, некогда вошедшие в научный оборот, теоретико-методологические нововведения маржиналистской революции. Так, весьма актуальны и востребованы в прошлом и настоящем многие концепции и теории австрийской школы маржинализма в части наиболее известных с конца XIX сто-

летия положений, постулируемых в сочинениях К. Менгера, Ф. Визера, О. Бём-Баверка.

В частности, по-прежнему привлекает к себе внимание учение австрийской школы о предельной полезности экономических благ и их комплементарности и обосновании принципа взаимовыгодного, но не неэквивалентного обмена экономическими благами. Оригинальными и небезосновательными и в наше время признаются, как правило, понимание лидерами этой школы места и роли фактора времени в процессе формирования стоимости товаров и доходов; выявление значения в процессе формирования процента на капитал «окольных методов» производства; осмысление аддитивного и мультипликативного способов определения суммарной полезности (Австрийская школа..., 1992). Причем здесь следует особо отметить наиболее примечательное новшество в творчестве лидера австрийской школы К. Менгера, в соответствии с которым «купля и продажа не означают просто эквивалентный обмен, как это предполагалось трудовой теорией стоимости; именно потому, что не существует такой эквивалентности, может иметь место обмен» (*Селигмен*, 1968. С. 163).

Важно обратить внимание и на то обстоятельство, что берущие свое начало со времен маржиналистской революции тенденции качественного обновления экономической науки тесно связаны с законами Госсена, открытыми в свое время родоначальниками маржинализма. Дело в том, что проявив свою приверженность этим законам, следующие после них поколения современных исследователей так же, как и они, смогли найти для себя разрешение давнего парадокса Адама Смита «алмазы – вода» (*Самуэльсон, Нордхаус*, 1997. С. 124). В результате благодаря именно маржиналистским новациям становится возможным, во-первых, аргументированно доказать тупиковый (ортодоксальный) характер обеих затратных версий (на основе затрат труда либо совокупных производственных издержек) интерпретации сущности и природы происхождения стоимости классиками политической

экономии; во-вторых, противопоставить им маржиналистские теории стоимости австрийской школы (базирующейся на концепции предельной полезности) либо кембриджской школы (основанной на концепции взаимодействия предельной полезности и предельных издержек). Кстати, графическое изображение данного взаимодействия двух начал стоимости (ценообразования), предложенное в работе А. Маршалла «Принципы экономикс» (в русском переводе — «Принципы политической экономии»), именуют, как стало общепринятым, «Крест Маршалла» (Маршалл, 1983–1984).

Между тем в экономической литературе свидетельства тесной взаимосвязи современных тенденций в развитии мировой экономической мысли с маржиналистской революцией увязываются с новациями практически каждого из «отцов» маржинализма. В их числе более других упоминается, пожалуй, положившая начало неоклассицизму в экономической науке триада Маршалл — Кларк — Парето. Общеизвестно в этой связи значение маржиналистской революции для современной экономической науки через призму практико-ориентированных новаций выдающихся названных лидеров кембриджской, американской и лозаннской школ маржинализма.

К примеру, основоположник кембриджской школы А. Маршалл положил начало методическим (с использованием математического инструментария) основам оптимизации удельных издержек фирм и размеров последних (там же). Но в изданиях научной и учебно-методической направленности довольно часто ему отдается предпочтение в связи с введенной им в «Принципах экономикс» (1890) в научный оборот двухкритериальной маржиналистской теории стоимости, которая стала хрестоматийным умозаключением, что формирование стоимости (рыночное ценообразование) базируется исключительно на двух началах: предельной полезности и предельных издержках. Образное, маршаллианское, по этому поводу суждение о двух лезвиях ножниц сведено, как известно, к следующему положению: «Когда одно лезвие

неподвижно и резание осуществляется за счет второго, мы с беззаботной краткостью можем сказать, что режет второе лезвие, но такой вывод нужно защищать осторожно, ибо случай не из тех, когда можно ограничиться формальным заключением» (там же. С. 282–283).

Одновременно с этим необходимо подчеркнуть, что и маржиналистские теории стоимости впоследствии также не остались безальтернативными, имея в виду возникшие в XX столетии различные версии поведенческой интерпретации теории стоимости, в которых акцентируется внимание на психологически обусловленном поведении индивида, а также правовых основаниях поведения коллективных институтов. По этой причине становится уместным утверждение, что маржиналистские и поведенческие теории стоимости правомерно рассматривать в качестве дополняющих друг друга оснований процесса формирования стоимости в рыночной системе хозяйствования. Ярким тому подтверждением представляется вывод одного из родоначальников институционализма У.К. Митчелла, в соответствии с которым политическая экономия может считаться «полнокровной наукой» лишь тогда, когда теория стоимости А. Маршалла не будет более «признаваться единственно верной и исчерпывающей» (*Mitchel*, 1937. P. 371).

Немалый вклад в развитие мировой экономической мысли принадлежит также главе американской школы маржинализма Дж.Б. Кларку, который посредством преимущественно математического самовыражения привнес в современную экономическую науку целостное учение о «статике и динамике» об основах оптимизации структуры капитала в хозяйственной жизни на базе теории предельной производительности факторов производства (*Кларк*, 2017). В свою очередь В. Парето, ставший научным преемником основоположника лозаннской школы Л. Вальраса, явил своим творчеством качественное обновление инструментария современного математического моделирования макроэкономического равновесия. При этом он, применив ординалистский метод

выявления потребительских предпочтений и используя графики «кривых безразличия», обогатил экономическую науку концептуальным положением, получившим название «оптимум по Парето» и воспринимаемым учеными различных научных сфер в качестве теоретической модели максимизации общественной полезности и прибыли (*Парето, 2017*).

Данному паретианскому нововведению, способствовавшему качественному обновлению экономической науки и преодолению ортодоксии времен классиков политической экономии, воздает должное видный историк экономической мысли современности М. Блауг, который утверждает: «Изменение, которое дает выгоду одним людям, но приносит ущерб другим, теперь может быть сочтено приростом общего благосостояния, если выигравшие могут компенсировать ущерб проигравшим так, что последние добровольно примут это изменение; после того, как сделаны компенсационные платежи, выигравшим становится лучше, а проигравшим не становится хуже» (*Блауг, 1994. С. 543*). Приверженность В. Парето ординалистскому подходу высоко оценивает и В.В. Леонтьев, заявляя о том, что «поскольку наблюдение за поведением потребителей при выборе товаров остается единственным объективным источником информации о виде функции полезности, порядковое сравнение ее различных уровней является единственной реальной процедурой, которая и требуется для целей исследования» (*Леонтьев, 1990. С. 51*).

Наконец, маржиналистская революция, обусловив, как упоминалось выше, возникновение в 1990-е гг. неоклассического направления экономической мысли и противопоставив доминировавшему в классической политической экономии каузальному анализу функциональный метод анализа экономических явлений, предопределила сначала такую реальность, как обособление микроэкономики в самостоятельный раздел экономической науки. Затем неотвратимый характер мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. и его невиданно негативные последствия показали, что маржиналистская революция отнюдь не явилась достаточным подспорьем для

окончательного преодоления ортодоксии, сопровождающей эволюцию данной науки как со времен ее зарождения (меркантилизм) и становления (классическая политическая экономия), так и по сей день. По этой причине произошедшая в 1930-е гг. очередная революционная метаморфоза, получившая название «кейнсианская революция», обусловив обособление еще одного самостоятельного раздела в экономической науке – макроэкономики, способствовала гораздо более активному и действенному продолжению процесса преодоления ортодоксии в ней (Кейнс, 1993. С. 135–432). Поэтому, как полагает М. Блауг, содержащуюся в творческом наследии Дж.М. Кейнса продуманную критику «веры во внутренние восстановительные силы рыночного механизма ...можно подвергать сомнению, ...но невозможно сохранить веру в способность свободной рыночной экономики автоматически поддерживать полную занятость» (Блауг, 2004. С. 607). Этим же обстоятельством, заключает он, объясняется то, почему можно с уверенностью утверждать, что «в любом случае кейнсианская революция ознаменовала подлинный конец “доктрины *laissez faire*”» (там же).

Однако новейшая история мировой экономической мысли по-прежнему ориентирует современное научное экономическое сообщество к продолжению изысканий, направленных на выявление и эффективное использование неортодоксальных векторов и трендов в развитии экономической науки в предстоящем будущем вплоть до окончательного вытеснения из нее сентенций приверженности классовому анализу и «объективным экономическим законам». Причем в числе других именитых классиков реальную негативную причастность к проникновению ортодоксии в политическую экономию проявили, как известно, Д. Рикардо, Дж.С. Милль и некоторые другие современные им либеральные ученые-экономисты.

В частности, Д. Рикардо в своем главном в творческом отношении сочинении «Начала политической экономии и налогового обложения» (1817), формулируя «главную задачу

политической экономии», свел ее сущность к необходимости определения в обществе «законов, которые управляют распределением доходов» (Рикардо, 1993. С. 399). Более того, полагая так, автор «Начал» — в духе смитовских суждений о направляющей деятельности всякого «экономического человека» неотвратимой силе «невидимой руки» — в сущности, вторит своему кумиру в части обусловленности доходов каждого из трех главных классов общества (рабочие, капиталисты, землевладельцы) принадлежащим им одним из трех соответствующих главных факторов производства. Отсюда, по Рикардо, следует, что заработная плата класса рабочих предопределена законом, «объясняющим» ее происхождение исключительно принадлежащим рабочим фактором «труд», прибыль класса капиталистов — принадлежащим капиталистам фактором «капитал», рента класса собственников земли — принадлежащим землевладельцам фактором «земля».

Подобного рода рикардианские ортодоксальные сентенции вызывают отторжение у многих исследователей более поздних тенденций в развитии мировой экономической мысли. Например, французские авторы весьма популярной на рубеже XIX—XX столетий книги «История экономических учений» Ш. Жид и Ш. Рист, давая оценку вышеуказанным нововведениям Д. Рикардо, сочли правомерным признать их весьма абстрактной попыткой решения научной задачи посредством возведения «трехэтажного, построенного, казалось, самой природой общественного здания, в котором скрывалась вся экономия распределения». При этом описываемое здание выглядит так: «...внизу — рабочий, получающий свою заработную плату, над ним — крупный фермер-капиталист, добывающий свою прибыль, а на самом верху — лендлорд, взимающий свою ренту» (Жид, Рист, 1995. С. 120).

Данное обстоятельство, по-видимому, учитывает и П. Самуэльсон, по мнению которого Д. Рикардо в полной мере принял пессимистические постулаты мальтузианского учения о народонаселении, обуславливающего неперемнное снижение заработной платы рабочих при перманентном

естественном росте численности населения. Тем самым автор «Начал», заключает П. Самуэльсон, конечно же «поставил не на ту лошадь», обозначив своим творческим наследием «осень» в экономической науке (*Самуэльсон*, 1992. С. 395, 396).

Что касается Дж.С. Милля, то спустя всего три десятилетия после выхода в свет рикардианских «Начал» он издал свой главный в творческом отношении труд «Основания политической экономии» (1848), в котором, подобно своему кумиру, продолжил многие его ортодоксальные сентенции. Об этом свидетельствует, к примеру, миллевское убеждение, что «невмешательство должно быть общим правилом; и каждое отступление от него, если этого отступления не требует какая-нибудь величайшая польза, будет несомненным злом» (*Милль*, 1896. С. 840). Не скрывает Дж.С. Милль своей полной солидарности (как и Д. Рикардо) и с одиозными умозаключениями «закона рынков Сэя». При этом он вполне недвусмысленно утверждает следующее: «Все продавцы неизбежно и по самому значению слова суть в то же время и покупатели. Если бы могли внезапно удвоить производительные силы страны, мы бы увеличили вдвое предложение товаров на всех рынках; но этим самым удвоили бы и покупательную силу. Каждый, удваивая предложение, удвоил бы и спрос; каждый бы имел возможность купить вдвое больше, потому что все имели бы вдвое больше вещей для обмена» (там же. С. 502–503). Здесь вполне уместно, думается, критическое умозаключение Й. Шумпетера, что Дж.С. Милль позволил себе, как и Д. Рикардо, делать «излишний упор на “дедукцию”», вследствие чего стал возможным «абсурдный спор более поздних времен о предпочтительности одного из методов: индукции или дедукции» (*Шумпетер*, 2001. С. 704).

В завершение представляется целесообразным обратить внимание на предостережения двух видных ученых-экономистов современности Л.И. Абалкина и П. Самуэльсона о пагубной роли для судеб экономической науки в прошлом и настоящем все еще проявляющих себя явно либо неявно наиболее одиозных составляющих ортодоксии классиков

политической экономии. В частности, российский академик, говоря о классовом анализе, дает ему следующую негативную оценку: «Примитивный классовый подход (широко распространенный до сих пор!) принципиально неверен. Он заранее определяет тех, кто ошибается, по критериям, выходящим за пределы науки» (Абалкин, 2008. С. 4).

П. Самуэльсон же за пределами экономической науки видит именно «коварные» законы, начало которым положили в экономическом анализе, как известно, лидеры классической политической экономии, начиная с Ф. Кенэ, А. Смита, Д. Рикардо и других. С тех пор, согласно Самуэльсону, даже принявшие новации маржиналистской революции широко известные ныне адепты современных тенденций мировой экономической мысли все еще приемлют, к примеру, «закон Парето о неизменном неравенстве доходов; закон Денисона о постоянстве нормы сбережения в частном секторе; закон Колина Кларка о 25-процентном пределе доли государственных расходов и налогообложения; закон Модильяни о постоянстве отношения богатства к доходу; закон Маркса о падении ставки реальной заработной платы и/или падении нормы прибыли; неизвестно кому принадлежащий закон о постоянстве отношения объема капитала к выпуску». Однако, заключает он, «если все это законы, то Мать природа прирожденная преступница» (цит. по: (Блауг, 2004. С. 227)).

Таковы вкратце сущностные аспекты и последствия маржиналистской революции в экономической науке, предопределившие начало современным тенденциям в развитии мировой экономической мысли.

ЛИТЕРАТУРА

- Абалкин Л.И. (2008). Очерки по истории российской социально-экономической мысли. М.: ГОУ ВПО «РЭА им. Г.В. Плеханова».
- Австрийская школа в политической экономии (1992). М.: Экономика.
- Автономов В.С. (1998). Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа.
- Блауг М. (1994). Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело Лтд.

- Блауг М. (2004). Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. Пер. с англ. / Науч. ред. и вступ. ст. В.С. Автономова. М.: НП «Журнал «Вопросы экономики».
- Жид Ш., Рист Ш. (1995). История экономических учений: Пер. с фр. / Предисл. Я.И. Кузьмина. М.: Экономика.
- Кейнс Дж.М. (1993). Общая теория занятости, процента и денег / Антология экономической классики. Предисловие И.А. Столярова. В 2 т. Т. II. М.: Эконов, Ключ. С. 135–432.
- Кларк Дж.Б. (1992). Распределение богатства. М.: Экономика.
- Леонтьев В.В. (1990). Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М.: Политиздат.
- Маршалл А. (1983–1984). Принципы политической экономии. В 3 т. М.: Прогресс.
- Милль Дж.С. (1896). Основания политической экономии с некоторыми применениями к общественной философии. Киев; Харьков: Южно-русское книгоиздательство.
- Парето В. (2017). Учебник политической экономии: пер. с фр. / В. Парето; предисл. В.С. Автономова. М.: РИОР: ИНФРА-М.
- Рикардо Д. (1993). Начала политической экономии и налогового обложения / Антология экономической классики. Предисловие И.А. Столярова. В 2 т. Т. I. М.: Эконов, Ключ. С. 397–473.
- Самуэльсон П. (1992). Экономика. В 2 т. Т. II. М.: НПО «Алгон».
- Самуэльсон П., Нордхаус В. (1997). Экономика: Пер. с англ. М.: БИНОМ, Лаборатория знаний.
- Селигмен Б. (1968). Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс.
- Шумпетер Й.А. (2001). История экономического анализа: В 3 т. Т. 2 / Пер. с английского под ред. В.С. Автономова. СПб.: Экономическая школа.
- Ядгаров Я.С. (2020). История экономических учений / Я.С. Ядгаров. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М.
- Mitchel W.C. (1937). The Backward Art of Spending Money. New York.

П.А. Ореховский

ИЭ РАН, г. Москва

ОНТОЛОГИЯ МАРЖИНАЛИЗМА: ОТ КОНСТРУКТИВИЗМА К «БЕСПЛАТНЫМ ЗАВТРАКАМ»

Маржинализм сегодня является основанием мейнстрима и в качестве такового вряд ли может быть отнесен к забытым и/или отвергнутым теориям. История маржиналистской революции также хорошо изучена и подробно описана. Тем любопытнее выглядит проблема онтологии маржинализма. Как должны вести себя субъекты, оказавшиеся в мире феноменов, описываемых с помощью маржиналистских категорий?

Мысль о том, что в экономике не бывает «бесплатных завтраков», принадлежит М. Фридмену (Фридмен, 2006). Однако, как ни странно, именно большинство сторонников неолиберализма, или «рыночного фундаментализма», к которым относился и Фридмен, уверены в обратном. Как справедливо указывает В. Арсланов в своей рецензии на книгу Т. Бергина (Bergin, 2021): «Иллюзия возможности бесплатных завтраков исходит, по сути, из веры ее сторонников в силу знания. Постигнув, как работают рыночные механизмы...можно практически даром... стимулировать экономический рост и сделать любое общество богаче и благополучнее. Если бы это было так, политикам следовало бы не вкладывать миллиарды в стратегии развития и программы модернизации промышленности, а просто довериться ученым, владеющим бесценным секретом умножения народного

богатства» (Арсланов, 2021. С. 114). Рыночный механизм, правильно понимаемый и соответствующим образом настроенный, будет работать автоматически, без издержек контроля и управления. Экономические субъекты просто должны быть рациональными и преследовать свою выгоду. А поскольку они и так рациональны и преследуют свою выгоду, остается только им не мешать.

Какова же в таком случае роль экономистов-теоретиков? Вообще говоря, она сводится к защите рыночного механизма от представляющих опасность марксистов, кейнсианцев и прочих сторонников государственного вмешательства. Если бы не их опасные идеологии, а также характерные исключения вроде «болезни цен» Баумоля, асимметрии информации, лоббизма и пр., то экономическое знание во многом можно было бы свести к обычному здравому смыслу.

Легко заметить, что в этой онтологии маржиналистская революция, вообще говоря, выглядит как *упразднение экономической теории*. Достаточно просто ответить на вопросы, чтобы изменилось в экономическом развитии и человеческой истории, не пояись марксистское учение или кейнсианство с его теорией благосостояния, и что изменилось бы, если бы не появились маржиналисты. Предельный анализ проникал в прикладные экономические дисциплины так или иначе, задачи оптимизации, как и теорию игр, разработали бы математики. Старый лозунг Великой французской революции: «Не мешать!» следовало бы повесить на двери закрытых за ненадобностью кафедр теории, и студенты экономических факультетов вздохнули бы с облегчением.

Однако подобная интерпретация маржиналистского дискурса в какой-то степени может быть справедлива только в отношении К. Менгера и австрийской школы. Л. Вальрас, С. Джевонс и особенно А. Маршалл на этом фоне выглядят *конструктивистами*, их онтология сильно отличается от описанной. Так, вальрасовская теория общественного благосостояния представлена в виде уравнений, которые *имеют решение*. Однако для реализации такого решения

нужно, чтобы «аукционщик» предложил такую систему цен, при которой рынки расчищаются. Другими словами, «обществу» или государству необходимо создать такие условия (институты), при которых это идеальное состояние было бы достигнуто (отметим, что вальрасовское условие равновесия, при котором затраты ресурсов по стоимости равны ценам товаров и услуг конечного потребления, выглядит крайне жестким и в принципе недостижимым при работе «свободного рынка», ведущего к образованию олигополистических и монополистических структур).

Еще ярче выглядит конструктивизм А. Маршалла. Применяемые им коэффициенты эластичности спроса и предложения, как и указания на длительность рыночного периода, по сути, указывают на то, что все отраслевые рынки — *разные* (Маршалл, 1993). Это во многом предвосхищает идеи об архитектуре рынков, которые Н. Флигстин, Р. Шиллер и другие экономисты и социологи развивают уже в XXI в. Сейчас принято делать акцент на транспарентной структуре прав собственности, обеспечивающей эффективное функционирование рынка. Однако идеи Маршалла о локализации производства и сбыта, включающие анализ движения запасов, также продолжают оставаться актуальными. При этом они реализуются уже в новом варианте «капитализма платформ».

На мой взгляд, маржиналистская революция действительно нуждается в переоценке. По моему мнению, двумя главными ее чертами являлись:

- отказ от понятия «политический», приближение экономической теории к естественно-научным стандартам. При таком подходе негативные эмпирические феномены, связанные с уменьшением дохода и богатства, рассматривались как результат ошибок и непонимания, а не целенаправленных действий «левых» или «правых»;
- трактовка рынков как «социальных конструктов», функционирование которых необходимо совершенствовать.

Опять-таки, по моему мнению, оба этих свойства были впоследствии отброшены сторонниками «бесплатных завтраков». К маржинализму Менгера, Вальраса, Джевонса и Маршалла, который стал ревизоваться и переформатироваться их многочисленными последователями, вполне применимо определение Л.Д. Троцкого – это «преданная революция» (Троцкий, 1991). Остальное представляется вполне логичным: упрощающая гипотеза об однородности связи между издержками и ценой, как и представление об общем равновесии не как идеальном состоянии, а о *реальности*, легко находит свое продолжение в «революции Лукаса» и теории рациональных ожиданий (об этом пишет, в частности, де Фрей (Фрей де, 2019)). Напротив, структуралистские модели, основанные на неоднородности, не вписываются в мейнстрим (и не будут вписаны, по моему мнению, в обозримом будущем).

ЛИТЕРАТУРА

- Арсланов В.В. (2021). «При прочих равных»: краткая история (меж) альянса политики и экономики в книге Тома Бергина „Free Lunch Thinking: How Economics Ruins the Economy” // Вопросы теоретической экономики. №2. С. 111–119.
- Маршалл А. (1993). Принципы экономической науки. В 3 т. М.: Прогресс.
- Троцкий Л.Д. (1991). Преданная революция М.: НИИ культуры.
- Фрей де М. (2019). История макроэкономики: от Кейнса к Лукасу и до современности. М.: Дело.
- Фридмен М. (2006). Капитализм и свобода М.: Новое издательство.
- Bergin T. (2021). Free Lunch Thinking: How Economics Ruins the Economy. London: Random House Business.

В.М. Полтерович

ЦЭМИ РАН, МШЭ МГУ, г. Москва

НА ПУТИ К ОБЩЕЙ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: К СИНТЕЗУ ДВУХ КАНОНОВ¹

Введение

В работах (Полтерович, 1998, 2011) я попытался показать, что экономическая теория находится в перманентном кризисе, обусловленном фундаментальными причинами, и что возможным выходом из него является формирование общего социального анализа, основанного на синтезе разных общественных дисциплин. Цель настоящей статьи — выявить некоторые структурные особенности синтетической теории. Непосредственным поводом к рассмотрению этого вопроса послужило появление новых теорий социально-экономического развития, претендующих на общность, но при этом не ссылающихся на многочисленные современные модельные исследования. Это обстоятельство побудило меня обратиться к концепции двух канонов, предложенной норвежским экономистом Э. Райнертом (Райнерт, 2011) и развитой в работах В.С. Автономова.

Согласно работам (Автономов, 2012, 2013; Автономов В., Автономов Ю., 2016), экономические исследования, выполненные по первому канону, отличаются строгостью

1. Впервые опубликовано в журнале «Вопросы теоретической экономики» (2022. №1(14). С. 48–57)

получаемых выводов и при этом неизбежно абстрактны и не связаны с реальной экономической политикой. Второй канон требует практических рекомендаций, пусть и не основанных на строгих заключениях, но учитывающих совокупность конкретных обстоятельств. Классическая политическая экономия и маржинализм принадлежат первому канону, а историческая школа – второму. При этом представители первого канона, за редкими исключениями, придерживаются либеральной идеологии, а второго – являются государственниками. Отмечаются попытки синтеза двух канонов, принятые А. Маршаллом и Й. Шумпетером.

При рассмотрении нынешней ситуации в сфере экономических исследований очевидна необходимость скорректировать утверждения о различиях между канонами в двух отношениях. Во-первых, современные прикладные исследования нередко опираются на «абстрактные» модели. Так, теории отраслевых рынков и банковской деятельности имеют явно выраженную прикладную направленность. Во-вторых, современные «государственники», например, знаменитые Дж. Стиглиц и Д. Родрик, опираются на ту же самую технику, что и либералы, а широко читаемая студентам-экономистам дисциплина «Экономика общественного сектора» посвящена изучению всех видов государственной политики, включая налоговую, социальную, промышленную, и при этом базируется на математических моделях. Ведь исследования, выполненные по второму канону, неизбежно содержат нечетко определенные абстрактные понятия и нечетко сформулированные гипотезы, что делает соответствующие практические выводы сомнительными и часто неверными. Известно также, что возможности получения обоснованных выводов на основе одних только эконометрических моделей весьма ограничены. Сегодня авторы эмпирических статей, публикуемых в журналах высокого уровня, обычно опираются на математические модели, а авторы теоретических конструкций стремятся убедить читателя в их адекватности путем эконометрических расчетов. Нелегко представить себе современного экономи-

ста, который не считал бы выработку практических рекомендаций важной задачей, а их получение на строгих основаниях предпочтительным². Обвинения «мейнстрима» в том, что он будто бы не принимает во внимание иррациональность агентов, неполноту знания, негибкость цен и т. п., обусловлены недостаточной информативностью критиков. При этом, оценивая достижения экономической науки, следует учитывать, что господствующая идеология и, соответственно, выбор экономической политики определяются отнюдь не только научными соображениями (Полтерович, 2017б).

Тем не менее различие между двумя канонами сохраняется, и проявляется оно главным образом в попытках создать общую теорию социально-экономического развития. Сторонники первого канона пытаются решать эту задачу, сохраняя стандарты научной строгости, и сталкиваются с фундаментальными трудностями. Второй канон допускает возможность обойти эти трудности за счет нечетко сформулированных гипотез и качественных рассуждений. Нецелесообразно отказываться ни от одного из стандартов, их синтез предполагает структуру знания, о которой пойдет речь ниже.

Две школы — два канона

Сегодня термин «маржинализм» кажется исторической случайностью. То направление в экономической науке, которое было инициировано Г. Госсеном и О. Курно, продолжено У.С. Джевонсом, К. Менгером, Л. Вальрасом и окончательно оформилось в работах К. Эрроу, Ж. Дебре и Л. Маккензи, следовало бы назвать школой экономического равновесия. Под экономическим (или, точнее, социально-экономическим) равновесием системы взаимодействующих агентов понимают такое ее состояние, в котором ни один из них, действуя независимо от других, не может улучшить свое положение.

2. Еще в XIX в. подобной позиции придерживался А. Маршалл, а в первой половине XX в. — В. Ойкен (см.: (Автономов, 2013; Автономов В., Автономов Ю., 2016)).

Понятие равновесия в различных, в том числе теоретико-игровых, вариантах его формализации является центральным в современных учебниках по микро- и макроэкономике. Это касается и глав, посвященных «неравновесным» процессам: экономическому росту, функционированию экономики в условиях неполноты и асимметрии информации или негибкости цен. Сегодня и кейнсианство, и чикагская школа оказались включенными в этот поток исследований – современный мейнстрим.

Заметим, что теория неравновесия – это раздел теории равновесия, где учитывается, что равновесие может достигаться за счет неценовых параметров – натуральных ограничений, карточек, очередей и т. п. Отклонение от рациональности агентов может проявляться в различных вариантах, таких как неполнота информации, неточное предвидение, недоучет поведения других участников и т. п.

С самого начала возникновения теории равновесия ей противостоит историческая школа. В работе (*Риттер, Цвайнерт, 2007*) авторы, характеризуя творчество одного из ее основателей Густава Шмоллера, в действительности указывают две важнейшие отличительные черты исторического подхода. Во-первых, представители этой школы стремятся объяснить долговременную эволюцию системы экономических взаимодействий, опираясь на ту или иную концепцию стадий экономического развития или типов экономического строя. Во-вторых, они рассматривают экономические отношения в тесной взаимосвязи с культурными особенностями общества, его социальной и политической организацией.

Оба принципа историко-экономического исследования отмечены Б. Селигменом. Он писал: «Первые представители исторической школы – Вильгельм Рошер (1817–1894), Бруно Гильденбранд (1812–1878) и Карл Книс (1821–1898) – подчеркивали, что необходимо исследовать вопрос о том, как возникали и развивались экономические институты». «Конечной целью являлось развитие общей науки о культуре, в которую политическая экономия вносила бы

свою лепту» (Селигмен, 1968. С. 26). А вот его характеристика метода В. Зомбарта: «Хозяйственная деятельность... обусловлена различными факторами, которые находят воплощение в определенных институтах, а благодаря последним можно выделить определенные черты экономического строя. В этом и состоит основной метод, используемый Зомбартом» в книге «Современный капитализм» (там же. С. 32). В. Зомбарт различал стадии индивидуалистического, переходного и социального хозяйства, а институционалист Т. Веблен – ранней и поздней дикости, хищного и полумирного варварства, ремесленную и промышленную (там же. С. 33, 65).

Таким образом, два принципа, указанные выше, объединяют не только разные направления исторической школы, но и значительную группу институциональных исследований, так что можно говорить о существовании институционально-исторической школы.

Сегодня, как отмечалось во введении, различия в подходах школы общего равновесия и институционально-исторической школы носят методологический характер и проявляются главным образом в попытках создать теорию социально-экономического развития. Представители первого канона стремятся опереться на математические модели, описывающие взаимодействие типичных агентов (потребителей, работников, фирм, бюрократов, политиков и т. п.) и их сообществ. Сталкиваясь с трудностями, авторы вынуждены ограничиваться частными аспектами развития. Исследователи, следующие второму канону, оперируют агрегированными сущностями (стадия, класс, строй), привлекают большую совокупность факторов – культурных, социальных, политических, получая возможность, пусть и на нестрогой основе, создать гипотетическую картину эволюции.

Представители институционально-исторического направления нередко подчеркивали, что их усилия направлены на решение практически важных задач. Обнаруживается, однако, что у них нет инструментов для строгого обоснования и верификации своих выводов. Соответствующие

теории и рекомендации связаны с той или иной идеологией³ и, значит, оказываются инструментами политической борьбы. При этом вопрос об их истинности отодвигается на второй план.

Через 20 лет после достижения зрелости теория экономического равновесия оказалась в кризисе. В 1973 г. было обнаружено, что функция избыточного спроса, получаемая из модели общего равновесия Эрроу–Дебре–Маккензи, может обладать практически любыми контринтуитивными свойствами (речь идет о теореме Х.Ф. Зонненшайна, см. обсуждение и ссылки в (Полтерович, 1998)). Это означало, что для построения содержательной теории необходимо найти достаточно общие и в то же время реалистические условия существования функции полезности и технологических множеств, которые обеспечивали бы устойчивость равновесия, сходимость «естественных» процессов регулирования цен и понятную реакцию равновесия на внешние шоки. Несмотря на многие сотни статей, посвященные этим проблемам, найти такие условия не удалось. В результате в приложениях применяются крайне упрощенные варианты общей модели, обоснованность которых не вполне ясна. Например, в макроэкономике до сих пор используются двух-, трехпродуктовые модели, что существенно ограничивает возможности объяснения макроэкономических явлений.

Несовершенство теории особенно явно обнаруживается при наступлении экономических кризисов. Пожалуй, наиболее разочаровывающим в этом отношении был кризис 2007–2008 гг. (Полтерович, 2011). Неоднозначность теоретических выводов способствует идеологизации исследований (Полтерович, 2017б) и усиливает ощущение беспомощности экономической науки в период резких социально-экономических сдвигов. Деглобализация, ставшая едва ли не генеральным направлением политики Трампа, и совпавшая с ней по времени пандемия явились ярким подтверждением этого

3. Так, Г. Шмоллер и В. Зомбарт известны как государственники.

тезиса, окончательно разрушив миф об абсолютных преимуществах рынка над государственной политикой.

План построения экономики по образцу точных наук потерпел поражение. Это выражается прежде всего в том, что до сих пор не обнаружены фундаментальные эмпирические закономерности (типа закона Ньютона), позволяющие выделить фактические траектории из числа возможных. Более того, доказан целый ряд теорем о невозможности получить ответы на важнейшие вопросы в общей ситуации (Arrow, 1950; Sonnenschein, 1973; Boldrin, Montrucchio, 1986, и т. п.). В результате теория распалась на множество «частных случаев». Выводы чувствительны к спецификации моделей, а описание областей их применимости отсутствует. Типичным примером является вопрос о супернейтральности денег, ответы на который различны в рамках базовых макроэкономических моделей — модели Рамсея и модели с перекрывающимися поколениями. При этом новые исследования часто не обобщают, а отрицают старые, как это было, например, с кривой Филлипса или теорией ресурсного проклятия. Более точно, как правило, некоторая преемственность сохраняется, но условия, при которых закономерность действует, остаются размытыми.

В результате возникает ситуация, о которой с горечью пишет известный американский экономист Ариэль Рубинштейн: «За сорок лет моей профессиональной деятельности я не встретил ни одной модели, которая убедила бы меня в том, что экономическая теория может иметь прямое практическое применение» (Rubinstein, 2017. P. 167). Это цитата из рецензии на книгу Д. Родрика (Rodrik, 2015). В ней автор, предупреждая читателя, что экономическая наука это всего лишь «коллекция моделей», тем не менее, старается убедить его на примерах в том, что на основе экономических моделей можно получать практически важные результаты.

Неудачи стратегий вызваны не только несовершенством экономической науки, но и сложной системой их отбора и реализации, где сталкиваются интересы общества, полити-

ков и самих экспертов. Решающим элементом этой системы является господствующая идеология в отношении социально-экономических преобразований.

В работе (Полтерович, 1998) я попытался выявить фундаментальные факторы, ответственные за кризис равновесной экономической теории. Приведу три заключения, возможно, наиболее важные. Во-первых, «экономическая действительность настолько многовариантна и подвижна, что скорость ее изменения опережает темп ее изучения». Во-вторых, «изменчивость экономических реалий отчасти коренится в обратном влиянии экономических теорий на экономическое поведение. Выводы из экономических теорий довольно быстро становятся достоянием ... экономических агентов и влияют на формирование их ожиданий» (с. 61). В-третьих, для понимания экономических явлений необходим синтез целого спектра общественных наук и наук о человеке.

Эпоха синтеза

До конца XIX в. естественные науки развивались по пути дифференциации. Но затем началась эпоха синтеза, которая продолжается до сих пор. Химическая физика, биофизика, биохимия, нейробиология — лишь некоторые примеры синтетических наук, сложившихся в XX в. В конце XX в. процесс синтеза начался и в науках об обществе, причем экономика оказалась в его центре. Появились такие дисциплины как поведенческая экономика (экономическая психология), нейроэкономика, эконофизика, экономическая биология, сочетающие методы экономического анализа и естественных наук. Новая политическая экономия и новая экономическая география существенно обогатили ранее сложившиеся синтетические направления. Демография и теория культуры стали обычными инструментами экономического анализа, новый облик приобрела экономическая история, которая сегодня использует и математическое моделирование, и эконометрику.

Ориентация на синтез требует совершенствования экономико-математического аппарата. Сегодня для анализа эко-

номической политики на уровне стран и центральных банков применяются агенто-ориентированные модели и вычислимые модели общего равновесия. Все более мощным направлением экономической теории становится сетевой анализ (см., например: (Acemoglu, Azar, 2020; Acemoglu, Akcigit, Kerr, 2016)). В рамках этого подхода удастся получать интересные результаты по таким важнейшим темам, как распространение шоков, формирование связей между разнородными агентами в процессе принятия решений, образование коалиций. Среди новых применений методов точных наук следует отметить использование уравнений математической физики для описания шумпетерианской динамики (см. обзор в: (Полтерович, 2017а)).

Тенденция к синтезу общественных дисциплин опирается на прочный фундамент. Его элементами являются:

- общий объект исследования: функционирование и развитие общественных институтов, поведение человеческих коллективов в рамках этих институтов;
- единая эмпирическая база (социально-экономические индикаторы) и единая методология ее пополнения (опросы, «полевые» исследования, институциональные и «лабораторные» эксперименты);
- единый аналитический аппарат: эконометрика и теория игр.

Индикатором указанной тенденции до некоторой степени может служить доля ссылок на неэкономические статьи в экономических журналах. В период с 1950 по 2000 гг. она держалась на приблизительно постоянном уровне – около 20%, а затем начала монотонно расти, составив около 33% в 2014 г.⁴

Есть основания полагать, что идет процесс формирования единой научной дисциплины – общего социального анализа (Полтерович, 2011). Важнейшей задачей на этом пути является объединение институционально-исторической и равновесной школ.

4. См.: <https://www.nature.com/news/interdisciplinary-research-by-the-numbers-1.18349>.

Становление современной институционально-исторической школы: общие теории социально-экономического развития

Последние 25 лет можно считать периодом становления современного институционально-исторического направления. Речь идет в первую очередь о таких работах, как (Даймонд, 2010), (Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011), (Аджемоглу, Робинсон, 2015), (Вельцель, 2017), в которых предложены теории социально-экономического развития. Все они имеют странную особенность – сочетание монокаузальности и мультидисциплинарности. В самом деле, каждая из теорий провозглашает доминирующую роль какой-то одной группы факторов, настаивая на вторичности остальных. Так, Дж. Даймонд утверждает примат географии, Д. Норт, Дж. Уоллис, П. Вайнгаст, Д. Аджемоглу, Д. Робинсон ставят во главу угла институты, а К. Вельцель – гражданскую культуру⁵.

При этом Даймонд пишет: «Открытым остается вопрос, ...можно ли привлечь географию для объяснения широкого контекста исторического развития. Сегодня пришла пора взглянуть на эти вопросы свежим взглядом, опираясь на ... генетику, молекулярную биологию и биогеографию ...плюс поведенческая экология; молекулярную биологию...; эпидемиологию...; генетику...; лингвистику; археологические исследования...; исследования в области истории техники, письменности и политической организации» (Даймонд, 2010. С. 21). В работе Д. Норты и его коллег для обоснования важнейшего тезиса о снижении уровня насилия используются данные археологии, и все упомянутые авторы в значительной степени опираются на историю экономических и политических институтов.

Каждая из четырех рассматриваемых работ является существенным вкладом в понимание общественного развития, они вызвали колоссальный интерес экономистов, социологов, историков, политологов. При этом данные авторы вынуждены были признать, что полноценную теорию социально-эконо-

5. См. анализ и сопоставление четырех упомянутых теорий в работе (Полтерович, 2018а).

мического развития им построить не удалось даже на уровне качественной аргументации. Строго говоря, Даймонд и не претендовал на создание динамической теории. Он добился значительных результатов в объяснении различий между обществами, сформировавшимися первоначально на разных континентах, но объяснить особенности эволюции разных цивилизаций на евразийском континенте на основе одних только географических факторов оказалось невозможным. Авторы остальных трех теорий столкнулись с трудностями в объяснении переходов между разными стадиями эволюции. В рамках монокаузальных подходов задача оказалась неразрешимой (см. более детальный анализ в: (Полтерович, 2018а)).

Наличие тесной взаимосвязи между гражданской культурой и институтами подтверждается многочисленными исследованиями (см. обзор: (Alesina, Giuliano, 2015)). Аджемоглу и Робинсон попытались учесть эту связь, дополнив свою теорию (Acemoglu, Robinson, 2016; Аджемоглу, Робинсон, 2021).

Цикл развития, лежащий в основе эволюционной теории, непременно должен включать взаимозависимость человеческих качеств и гражданской культуры, институтов, характеристик научно-технического прогресса и уровня благосостояния. Попытки одновременного учета этих факторов сделаны в ряде работ. К ним относится монография (Fukuyama, 2011), где, однако, не рассматривается Новейшее время. Хотелось бы подчеркнуть мультидисциплинарный характер данного исследования. Автор пишет: «Эта книга охватывает большое количество обществ и исторических периодов; я также использую материал из дисциплин, не относящихся к моей собственной, включая антропологию, экономику и биологию». «Эти знания существуют в нескольких различных областях, включая приматологию, популяционную генетику, археологию, социальную антропологию и, конечно же, ... эволюционную биологию. ... Понимание человеческой природы современной биологией... чрезвычайно важно как основа для любой теории политического развития, потому что оно дает нам основные строительные блоки, с помощью которых мы

можем понять последующую эволюцию человеческих институтов» (ibid. Pp. 132–133).

В статье (Полтерович, 2018б) я попытался представить цикл развития, включающий перечисленные выше факторы, для объяснения эволюции трех основных механизмов координации — конкуренции, власти и сотрудничества.

Вероятная структура общего социального анализа

Нет оснований сомневаться в том, что разработка общей теории социально-экономического развития в рамках институционально-исторического подхода будет продолжена. Однако подобные исследования неизбежно сталкиваются с упоминавшимся выше фундаментальным препятствием: отсутствием универсальных «количественных» законов эволюции. Классические оптимизационные модели механического движения предполагают минимизацию функционала действия, вид которого определяется законом Ньютона. Аналогичные формулировки используются и в других разделах физики. А в моделях экономической динамики потребитель максимизирует интеграл от функции полезности, конкретный вид которой неизвестен.

Не видно никаких путей преодолеть это препятствие. Поэтому задача построения единой модели эволюции общества, которая могла бы служить универсальным источником конкретных рекомендаций, скорее всего, неразрешима. Теория должна строиться на основе синтеза двух канонов. Базовая концепция будет создаваться по канону институционально-исторической школы и неизбежно содержать недоказанные предположения и нестрогие аргументы. Но каждый элемент этой концепции может быть подвергнут дополнительному исследованию с учетом тех или иных конкретных условий по принципам первого канона — на основе эконометрических расчетов и математического моделирования. Так организованная синтетическая теория станет более надежным источником понимания социально-экономического развития и рекомендаций по проведению экономической политики.

Заключение

Мы находимся лишь в начале пути, ведущего к синтезу. Из четырех рассмотренных выше теорий лишь теория Вельцеля базируется на эконометрических расчетах. Ни одна из них не только не использует экономико-математический аппарат, но и не ссылается на результаты равновесной школы. Это тем более удивительно, что один из авторов, Дарон Аджемоглу, в настоящее время входит в число ее признанных лидеров. Уже упоминавшийся обзор (*Alesina, Giuliano, 2015*) или, скажем, статья (*Stiglitz, 2017*), представляющая собой обобщение многочисленных работ по изучению государства всеобщего благосостояния, не оставляют сомнений в том, что такие ссылки могли бы сделать предлагаемые концепции более убедительными.

Задача создания общей и в то же время полезной в прикладном отношении теории вряд ли может быть решена на основе единой математической модели. Использование подхода институционально-исторической школы (второго канона) здесь, видимо, неизбежно. И тем не менее следует стремиться к тому, чтобы современная концепция социально-экономического развития, потребность в которой сегодня столь велика, была выстроена так, чтобы важнейшие ее положения либо подкреплялись модельными исследованиями и эконометрическими расчетами, либо были четко сформулированы как гипотезы. Попытки построения такой теории выявят имеющиеся пробелы, которые должны будут постепенно заполняться.

ЛИТЕРАТУРА

- Автономов В.С. (2012). Два канона в истории экономической науки и экономической политики. В кн.: XIII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Кн. 4. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. С. 327–334. <https://publications.hse.ru/chapters/67739085>.
- Автономов В.С. (2013). Абстракция – мать порядка? // Вопросы экономики. № 4. С. 4–23.

- Автономов В.С., Автономов Ю.В. (2016). Общая теория «споров о методах» в экономической науке // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 5–20.
- Аджемоглу Д., Робинсон Д.А. (2015). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ.
- Аджемоглу Д., Робинсон Д.А. (2021). Узкий коридор. Государства, общества и цена свободы. М.: АСТ.
- Вельцель К. (2017). Рождение свободы. М.: ВЦИОМ.
- Даймонд Дж.М. (2010). Ружья, микробы и сталь. История человеческих сообществ. М.: АСТ.
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Полтерович В.М. (1998). Кризис экономической теории // *Экономическая наука современной России*. № 1. С. 46–66.
- Полтерович В.М. (2011). Становление общего социального анализа // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 101–111.
- Полтерович В.М. (2017а). Теория эндогенного экономического роста и уравнения математической физики // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 2. С. 193–201.
- Полтерович В.М. (2017б). Разработка стратегий социально-экономического развития: наука vs идеология // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 3 (35). С. 198–206.
- Полтерович В.М. (2018а). К общей теории социально-экономического развития. Часть 1. География, институты или культура? // *Вопросы экономики*. №11. С. 5–26.
- Полтерович В.М. (2018б). К общей теории социально-экономического развития. Часть 2. Эволюция механизмов координации // *Вопросы экономики*. №12. С. 77–102.
- Райнерт Э.С. (2011). Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М: Издательский дом ГУ ВШЭ.
- Ритер Х., Цвайнерт И. (2007). Густав Шмоллер и глобализация // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 5. Вып. 4. С. 81–102.
- Селигмен Б. (1968). Основные течения современной экономической мысли. М: Прогресс.
- Acemoglu D., Akcigit U., Kerr W. (2016). Networks and the macroeconomy: An empirical exploration. In: M. Eichenbaum, J. Parker (eds.). *National Bureau of Economic Research Macroeconomics Annual*. Vol. 30. Pp. 276–335.

- Acemoglu D., Azar P.D. (2020). Endogenous production networks // *Econometrica*. Vol. 88. No. 1. Pp. 33–82.
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2016). Paths to inclusive political institutions. In: J. Eloranta, E. Golson, A. Markevich, N. Wolf (eds). *Economic history of warfare and state formation*. London: Springer. Pp. 3–50.
- Alesina A., Giuliano P. (2015). Culture and institutions // *Journal of Economic Literature*. Vol. 53. No. 4. Pp. 898–944.
- Arrow K.J. (1950). A Difficulty in the Concept of Social Welfare // *Journal of Political Economy*. Vol. 58. No. 4. Pp. 328–346.
- Boldrin M., Montrucchio L. (1986). On the indeterminacy of Capital Accumulation Paths // *Journal of Economic Theory*. Vol. 40. Pp. 26–39.
- Fukuyama Francis (2011). *The Origins of Political Order: From Prehuman Times to the French Revolution*. New-York: Farrar, Straus and Giroux. Pp. 132–133, 28.
- Paldam M. (2018). A model of the rational economist, as researcher and policy advisor // *European Journal of Political Economy*. Vol. 54. Pp. 6–15.
- Rodrik D. (2015). *Economics Rules. The Rights and Wrongs of the Dismal Science*. New York, London: W.W. Norton.
- Rubinstein A. (2017). Comments on Economic Models, Economics, and Economists: Remarks on Economics Rules by Dani Rodrik // *Journal of Economic Literature*. Vol. 55. No. 1. Pp. 162–172.
- Sonnenschein H. (1973). Do Walras' identity and continuity characterize the class of community excess demand functions? // *Journal of Economic Theory*. Vol. 6. Pp. 345–354.
- Stiglitz J.E. (2017). *The Welfare State in the Twenty First Century*, Working Paper. New York: Roosevelt Institute.

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЛТЕЙЯ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ:

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Санкт-Петербург, Литейный пр., 57 8 (812) 273 50 53	«ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ» (с 10:00 до 22:00) www.podpisnie.ru
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Санкт-Петербург, ул. Некрасова, 23 8 (911) 977 40 47	«ВСЕ СВОБОДНЫ» (с 12:00 до 22:00) www.vse-svobodny.com
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Санкт-Петербург, Невский пр., 66 8 (812) 640 44 06	«КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ» (с 10:00 до 22:00) www.lavkapisateley.spb.ru
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Санкт-Петербург, ул. Малая Конюшенная, 9 8 (812) 571 20 75, 8 (812) 312 52 00	«СЛОВО» (с 11:00 до 20:00) www.slovo.net.ru
ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР Санкт-Петербург, Невский пр., 177 8 (812) 643 77 43	САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ «НЕВСКИЙ, 177» (с 10:00 до 20:00) www.vk.com / dpcspbe
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Москва, ул. Тверская, д. 8, стр. 1 8 (495) 629 64 83, 8 (495) 797 87 17	«МОСКВА» (с 09:00 до 24:00) www.moscowbooks.ru
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Москва, ул. Тверская, д. 17 8 (495) 749 57 21, 8 (495) 629 88 21	«ФАЛАНСТЕР» (с 11:00 до 20:00) www.falanster.su
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Москва, Пятницкий пер., 8 8 (495) 951 19 02	«ЦИОЛКОВСКИЙ» (с 11:00 до 22:00) www.primuzee.ru
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Москва, ул. Мясницкая, 20 8 (495) 621 49 66, 8 (495) 628 29 60	«БУКВЫШКА» (пн.–пт. с 10:00 до 20:00, сб. с 10:00 до 19:00) www.bookshop.hse.ru
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Москва, Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 1	«БИБЛИО-ГЛОБУС» (пн.–пт. с 9:00 до 22:00, сб.–вс. с 10:00 до 21:00) www.biblio-globus.ru
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Москва, ул. Чайнова, 15 8 (495) 250-65-46	«У КЕНТАВРА» (пн.–пт. с 10:00 до 19:30, сб. с 10:00 до 17:00) www.rsuh.ru/kentavr
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Минск, ул. Казинца, 123, оф. 4 +375 17 338 95 23	«ЭПОСЕРВИС» www.tregross.com
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Киев, Вербовая ул., 8 +375 17 338 95 23	«КНИЖНЫЙ БУМ» (вт.–вс. с 11:00 до 17:30) www.academbook.com.ua
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Ptasia 4, 00-138 Warszawa +38 067 273-50-10	при «Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego w Warszawie» www.jezykrosyjski.com.pl
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Kr. Varona iela 45/47, Rīga +371 67315727	«Intelektuāla grāmata» (пн.–пт. с 10:30 до 19:00, сб. с 11:00 до 18:00) www.merion.lv

ЭЛЕКТРОННЫЕ КНИГИ:

ДИРЕКТ-МЕДИА www.directmedia.ru ЛИТРЕС www.litres.ru

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНЫ:

www.ozon.ru www.my-shop.ru www.esterum.com www.academbook.com.ua
www.bookvoed.ru www.nkbooksellers.com www.chitai-gorod.ru www.moscowbooks.ru

Научное издание

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ
ДО И ПОСЛЕ МАРЖИНАЛИСТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Сборник материалов III Октябрьской международной научной конференции
по проблемам теоретической экономики. 20–21 октября 2021 г.

Главный редактор издательства
Игорь Александрович Савкин

Редактор *М. Д. Ерзнкян*
Компьютерная верстка *Н. А. Хацко*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»

Заказ книг: тел. +7 (921) 951-98-99,
e-mail: fempro@yandex.ru, Савкина Татьяна Михайловна

192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 86 А, оф. 536, 532

Редакция:
e-mail: aletheia92@mail.ru

www.aletheia.spb.ru

*Книги издательства «Алетейя» можно приобрести
в Москве:*

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
«Фаланстер», ул. Тверская, 17. Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
«Циолковский», ул. Б. Молчановка, 18. Тел. (495) 691-51-16
Книжная лавка «У Кентавра». Миусская площадь, д. 6, корп. 6
Тел. (495) 250-65-46, +7-901-729-43-40, kentavr@kpole.ru
«Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2. Тел. (495) 915-27-97

в Киеве:

«Книжный бум». Тел. +38 067 273-50-10, gron1111@mail.ru

в Минске:

«Трэгросс-Бук», ул. Казинца, д. 123, оф. 4.
Тел. +37 517 338 95 23, www.tregross.com

в Варшаве:

«Centrum Nauczania Języka Rosyjskiego»,
ul. Ptasia 4. Тел. +48 (22) 826-17-36, szkola@jezykrosyjski.com.pl

в Риге:

«Intelektuāla grāmata»
Rīga, Kr. Barona iela 45/47. Тел. +371 67315727, info@merion.lv

Интернет-магазин: www.ozon.ru

Формат 70x100¹/₁₆. Усл. печ. л. 25,28. Печать офсетная. Тираж 500 экз.